

Московский Гуманитарный Университет
Кафедра философии, культурологии и политологии

Байков Александр Алексеевич

**Способность к созданию иллюзии
как атрибутивное свойство человека**

**Специальность 09.00.13. — философская антропология,
философия культуры**

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доктор культурологии,
профессор Костина Анна Владимировна

Москва 2014

Содержание

Содержание.....	2
Введение.....	3
ГЛАВА I. Проблематизация способности человека к созданию иллюзии: теоретическое обоснование.....	18
1.1. Основные концепции иллюзии и определения человека: обоснование конструктивности философско-антропологического подхода.....	20
1.2. Иллюзия как антропологический феномен	67
1.3. Способность человека к порождению иллюзии: субъектный подход.....	94
ГЛАВА II. Бытие в иллюзорных реальностях как основной способ существования человека	113
2.1. Актуализация способности человека к созданию иллюзии в построении виртуальных реальностей	113
2.2. Специфика «Я» субъекта иллюзорных реальностей	140
2.3. Функционирование иллюзии в социокультурной реальности.....	161
Заключение.....	187
Литература.....	192
Приложение А	212
Приложение Б.....	215

Введение

Актуальность темы исследования. Понимание человеком собственной сущности, положения в мире, смысла и цели своего существования является одной из фундаментальных задач философской мысли, стремление к решению которой свойственно всей истории человеческого существования. В условиях современного мира возрастает потребность в самопознании, актуализируемая трансформациями социокультурных процессов. Свойственное современности равноправие мировоззренческих парадигм, различных, зачастую противоречивых дискурсов, обуславливает для человека возможность свободного самоопределения. Однако расплывчатое многообразие жизненных ориентиров приводит человека в состояние диффузной идентичности, порождающей неопределенность относительно своего места в мире и в социальной реальности. В результате возникает необходимость более четкого определения человеческой сущности, способного задать направление развития личности, общества и культуры.

Данная проблема решается либо путем возвращения к прежним представлениям о человеке, либо формированием нового понимания. Создается ситуация, в которой возвращение к прежним ответам на вопрос о человеке невозможно, так как привычные истины ниспровергнуты. Реалистическая позиция, устранившая религиозные, мистические и идеалистические представления, в условиях кризиса рациональности сама теряет влияние. Претендующий на соответствие современной социокультурной ситуации образ человека-потребителя деструктивен, так как препятствует формированию не только образа человека-творца, но и самой творческой свободной личности, а также конструктивному развитию общества и культуры.

Возникновение нового понимания человеческого бытия предполагает непротиворечивое согласование ранее выработанных подходов без потери существенных аспектов каждого из них, что значительно затруднено

проблемой неприятия единой, превалирующей над остальными истины, обусловленной постмодернистским дискурсом.

Одним из возможных выходов, отражающим реалии современности и решающим указанное противоречие, является выявление необходимых свойств человека, составляющих его сущность, в сфере, связанной с его способностью к созданию иллюзии.

Подобное восприятие человека связано с традицией рассмотрения культуры как «символической Вселенной» (Э. Кассирер), как пространства идеального (Э.В. Ильенков), как особой «сверхприродной» объективной действительности (М.К. Мамардашвили), где основные смыслы бытия создаются в границах чисто духовной реальности, не связанной напрямую с условиями материальной жизни людей, в той сфере, где происходит развитие только человеческого сознания. При этом возникающие миры — либо символические, либо иллюзорные — выступают в качестве богатой смыслами самодостаточной реальности, не сводимой к недостоверным знаниям о различных процессах. В этом контексте иллюзия выступает как феномен, обладающий не субстанциональной природой, а функциональной, значение которой связано с обозначением реальных явлений и процессов. Аналогичной функциональной природой обладают такие феномены, как символ, миф, язык, ценность.

На всех этапах человеческого развития и в различных проявлениях его бытия иллюзия укоренена в становлении, существовании и жизнедеятельности человека. На уровне культуры иллюзии участвуют в формировании художественного отражения мира, религии, картин мира и образа самого человека в их контексте, достраивают мыслимый мир, иллюзорно преодолевая неопределенность и неведение. На уровне общества конструируются социальные иллюзии, движущие общественными процессами и направляющие жизнь индивидов: они ложатся в основу социальных мифов, идеологий, убеждений, стереотипов, реальностей, создаваемых средствами массовой информации. На личностном уровне иллюзии конструируют субъективные

картины мира, формирование которых сопровождает процесс индивидуального развития: создаются личные иллюзии, общественные иллюзии привносятся первичными и вторичными агентами социализации.

Главной причиной усиления значения иллюзии в современном обществе является кризис классической рациональности, возрастание роли мифотворчества и идеологического манипулирования, повышение внимания к виртуальным реальностям, ослабление границ между подлинным и мнимым, реальным и иллюзорным. Такая ситуация позволяет современному человеку оставаться в неопределенности по отношению к своей сущности, по крайней мере, до неизбежного столкновения с действительностью, и снимать экзистенциальные проблемы путем эскапизма. При этом объективному миру с его проблемами человек может предпочесть иллюзорные реальности: киберреальность, реальность масс-медиа, мистические и религиозные реальности, что также требует критического осмысления.

Однако человека характеризует не пассивный аспект, в котором он подвержен воздействию деструктивной иллюзии, а активный, в котором иллюзии способствуют сохранению и развитию личности, культуры и общества, что может быть выражено в форме способности человека к созданию, преобразованию, направлению иллюзии.

Указанные обстоятельства, а также неразработанность данной проблемы свидетельствуют об актуальности темы, связанной с анализом способности человека к построению конструктивных иллюзий в философско-антропологическом и культурфилософском ключе.

Степень научной разработанности проблемы.

Исследования, относящиеся к вопросам, поднимаемым в данной работе, ведутся в трех областях: в исследовании сущности человека, в исследовании иллюзии и ее форм, в рассмотрении проявлений иллюзорности в основных элементах бытия человека и реальности, в которой он пребывает. Как правило, не дается прямого указания на особое отношение к иллюзии в качестве атрибутивного свойства человека, но данное положение берет начало в

указанных областях.

Важную роль в рассмотрении способности человека к созданию иллюзии играют идеи, опровергающие истинность и действительность незыблемых элементов бытия и его познания. Несоответствие восприятия и мышления внешнему миру прослеживается в идеях И. Канта и А. Шопенгауэра, их предшественников: Р. Декарта, Дж. Беркли, Д. Юма; в трудах современных мыслителей: Н. Гудмена, М. Бьюрока, Ю.М. Бородая; исключительная идеальность и субъективность культурной и общественной реальности раскрывается в исследованиях Э. Кассирера, П. Бергера, Т. Лукмана. Используются и идеи зависимости реальности от языка В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа. Объективность научной картины мира опровергалась П. Фейерабендом, К. Хьюбером, религиозной — Л. Фейербахом, З. Фрейдом, труды которых оказались значимыми для осуществления данного исследования.

Иллюзия, в предельном смысле термина, практически не оказывается предметом рассмотрения, а изучается в контексте своих конкретных форм. В трудах многих классических мыслителей — таких, как Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Р. Декарт — исследуется деструктивный аспект иллюзии, которая выступает как заблуждение и препятствие познанию. Иллюзии восприятия изучаются в работах психологов: Ж. Эскироля, Р. Грегори, Дж. Гибсона, Ф.Х. Олпорта, Дж. Брунера, М. Шерифа, Г. Марфи, Н. Сэнфорда, Е.М. Сийполы, О. Пфистера, Р. Сперри, В. Хесса, Е. Пэриш, Д.Н. Узнадзе, В.Х. Кандинского, В.А. Гиляровского, М.И. Рыбальского, Б.Н. Компанейского. Исследования данных ученых дают систематизированный научный взгляд на область иллюзорного. Социальные иллюзии — форма, в наибольшей степени демонстрирующая влияние иллюзии на практическую деятельность человека; отдельные их проявления (идеологии, утопии, стереотипы, симулякры) исследовали К. Мангейм, Э. Фромм, Т. Адорно, К. Гирц, А. Лефевр, М. Хоркхаймер, С. Жижек, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, П. Клоссовски, У. Липпман, А. Ослон, А. Зиновьев, Л.В. Шукшина,

Ю.А. Сорокин, В.С. Агеев, К.В. Судаков, А.Я. Флиер. Вопрос иллюзии как производной от желаний освещен в психоанализе — в работах З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, К. Хорни, Д. Винникота, где выявляется глубокая укорененность иллюзии в человеческом существе. Вопрос иллюзии самообмана освещен Д.И. Дубровским. Важным аспектом исследования является рассмотрение полноценных иллюзорных реальностей, не отличимых от действительности, обнаруживаемых в исследовании измененных состояний сознания (А. Людвиг, Ч. Тарт, К. Мартиндейл, А. Дитрих, О.В. Гордеева, Д.Л. Спивак). Иллюзия как средство создания художественного образа, изучаемая в трудах К. Ланге, А. Бадью, Т. Адорно, привлекается к исследованию для выработки концепции обособленных реальностей.

Философско-антропологические основания исследования выявляются в определениях человеческой сущности. Привлекаются идеи авторов катафатических определений человека, основанных на выявлении атрибутивных свойств человеческого бытия: Протагора, Аристотеля, Р. Декарта, Ж. Ламетри, И. Канта, Э. Кассирера, Ф. Ницше, М. Шелера, Р. Гелена, Х. Плеснера, Л. Фейербаха, Ф. Энгельса, Й. Хейзинги, Н. Бердяева и мыслителей, рассматривавших человека апофатически, тем самым косвенно указывающих на иллюзорность человеческой сущности: Григория Нисского, Дж. Пико дела Мирандола, Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Хайдеггера, М. Бубера, В. Франкла, М. Мамардашвили.

Особое внимание в работе проявляется к исследованиям проблем символической деятельности, представленных исследованиями Э. Кассирера, Г. Фреге, К.А. Свасьяна, Ф. Соссюра, Л. Витгенштейна, У. Куайна, Э.М. Спириной, в том числе творческой, что раскрывается в трудах Н.А. Бердяева, А. Бергсона, В. Бенямина, Э.А. Соснина и Б.Н. Пойзнера, П.В. Симонова, А.Н. Лука, Ю.В. Ватолиной.

Вопросы роли иллюзии в онтогенезе человека, его социализации и инкультурации освещали Дж. Фридмен, Дж. Комбс, Э. Берн, А. Щюц, У. Джеймс, Г. Блумер, Дж. Мид, Дж. Келли, А.Н. Леонтьев, Б.М. Бим-Бад.

Анализ воздействия иллюзии на телесную составляющую человека проведен на основе работ П. Флоренского, А. Арто, М.М. Бахтина, В.А. Подороги, М. Мерло-Понти.

Особенности современного этапа развития культуры и общества, позволяющие проследить изменения в отношении к способности человека к созданию иллюзии и повышению значимости в современной культуре миров, обладающих свойствами гиперреальности, симуляционной реальности, виртуальной реальности, возможных миров, представлены в исследованиях Ж. Лиотара, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ж. Батая, Ж. Бодрийяра, А.Я. Флиера, А.В. Костиной, Вл. А. Лукова, Н.А. Носова, Е.И. Ярославцевой, В.П. Руднева, В.Я. Друка, Д. Льюиза, Б. Миллера, Ф. Хэмита, М. Крюгера, У. Хайма, Т.А. Бочаровой, С.С. Гусева, С.В. Никоненко. Культурфилософский аспект выделяется в теоретических концепциях социального конструирования реальности (П. Бергер и Т. Лукман, Н. Н. Козлова, Вал. А. Луков, Е. В. Мошняга и др.).

Несмотря на проработанность отдельных аспектов темы исследования, единый подход к иллюзии как феномену человека и культуры не выработан, а способность к созданию иллюзии как одного из атрибутивных свойств человека в качестве самостоятельной темы исследования не рассматривалась.

Объект исследования: атрибутивные свойства человека, реализующиеся в постижении реальности и конструировании мира культуры..

Предмет исследования: способность человека к созданию иллюзии и обращению к ее конструктивному потенциалу.

Цель исследования: выявление способности к созданию иллюзии в качестве атрибутивного свойства человеческого бытия и исследование ее роли в становлении и существовании человека, культуры и общества.

Задачи исследования:

- 1) провести междисциплинарный обзор и критический анализ основных концепций иллюзии;
- 2) проанализировать атрибутивные свойства человека, выраженные в

катафатических и апофатических определениях;

3) выработать подход к иллюзии как феномену человека и культуры: сформулировать определение иллюзии, выделить ее признаки; выработать классификацию основных видов иллюзии;

4) выявить характерные черты способности к созданию иллюзии и обосновать ее уникальность для человека;

5) обосновать возможность применения инструментария исследования, применяемого для анализа виртуальных реальностей, для изучения иллюзии;

6) исследовать особенности проявления эмпирического «Я» субъекта иллюзорных реальностей;

7) определить основные социокультурные функции иллюзии и рассмотреть специфику их выражения в современной действительности.

Теоретической основой исследования служат:

- представления о человеке, описываемом апофатически в экзистенциализме (Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер);

- теории, обращающиеся к сущности человека методом катафатических определений: как создающего символы (Э. Кассирер), творящего (Н. Бердяев), играющего (Й. Хейзинга);

- учение о человеке школы философской антропологии (М. Шелер, Р. Гелен, Х. Плеснер, Э. Ротхакер);

- теории, признающие конструирование априорными инструментами познания, символической деятельностью либо культурными установлениями, включая и радикальный конструктивизм (И. Кант, Э. Кассирер, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Гудмен, У. Матурана, Ф. Варела, М. Бьюрок);

- исследования различных форм иллюзорности в постмодернизме (Ж. Батай, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, С. Жижек);

- виртуальная психология (Н.А. Носов);

- представления об иллюзии в психоанализе (З. Фрейд, К. Юнг, Д. Винникот);

- фикционализм (Г. Файхингер, Ю.М. Шилков, А. Fine);

- философские учения об иллюзорности феноменальной реальности (Гераклит, Парменид, Платон, Р. Декарт).

Методологическая основа исследования. Исследование опирается на концептуальные положения трудов Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили, В.И. Толстых об идеальном как связанном с деятельностной, общественной природой сознания, где сфера идеального выступает как особая «сверхприродная объективная действительность». При этом характеристикой субъектности становится способность человека к созданию собственной, идеальной реальности, не данной человеку в его бытийном опыте, а характеристикой усвоенности культуры выступает качество воспринимаемого и создаваемого мира идеального. В работе автор также руководствуется методологическим принципом Э. Кассирера, заключающимся в поиске основ культуры и особенностей человеческого бытия в области идеального, представлении о едином основании форм культуры, указывающем на их сконструированность, признании возможности взаимодействия человека с миром только посредством данных форм.

Исследование опирается на **принципы** комплексности, системности, междисциплинарности, единства исторического и логического, субъектоцентричности, единства теоретического и эмпирического.

В ходе исследования используются следующие **методы**:

– функциональный — в исследовании иллюзии как явления, не существующего отдельно от своего носителя, в контексте осуществляемых иллюзией социокультурных функций.

– системный — в исследовании иллюзии в системе смежных понятий и категорий.

– диалектический — в выведении определения человека через взаимоотношение с иллюзией из катафатических и апофатических определений путем отрицания отрицания.

– культурфилософский — в рассмотрении человека в контексте его единства с создаваемой им культурой: культура рассматривается как часть,

продолжение человеческого бытия, так же зависима от иллюзии.

– сравнительный — в выявлении общих черт, различий и взаимосвязей атрибутивных свойств человека.

– метод аналогии — в разработке теории способности к созданию иллюзии по образцу других атрибутивных свойств человека.

– метод классификации — в систематизации форм иллюзии и в исследовании видов виртуальных реальностей.

Также в исследовании используются индуктивный и дедуктивный методы, методы логического анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному.

Гипотеза исследования.

Человек обладает способностью к созданию иллюзии и возможностью контролировать ее конструктивный аспект. Эта способность является одним из атрибутивных свойств человеческого бытия, выделяет его среди других форм сущего, выступает в качестве фактора поддержания и развития человека, общества и культуры. Человек является существом, создающим свой жизненный мир в форме непротиворечивого единства множества разноуровневых иллюзорных реальностей, формирующим в соответствии с ними свое эмпирическое «Я» и определяющим собственную сущность.

Научная новизна исследования:

1) концептуализировано понятие иллюзии как феномена культуры, предложено авторское определение иллюзии; осуществлен перевод междисциплинарной проблематики иллюзии в область философской антропологии и философии культуры;

2) доказано наличие взаимосвязи и взаимозависимости способности к созданию иллюзии с другими атрибутивными свойствами человека; выявлены возможности диалектического синтеза апофатических и катафатических определений, в рамках которого их противоречие в определении человеческого бытия снимается в способности к созданию иллюзии;

3) предложен подход к иллюзии как культурному феномену,

акцентирующий внимание на аспекте конструирования человеком субъективной реальности посредством обращения к иллюзии; разработана классификация видов иллюзии;

4) обосновано понятие «способность к созданию иллюзии» как выражающее конструктивный способ влияния человека на иллюзию; выявлены основные черты данной способности;

5) аргументировано положение о продуктивности применения терминологического аппарата и основных положений виртуальной психологии Н.А. Носова в исследовании иллюзии, демонстрирующем существование человека как непротиворечивое присутствие во множестве иллюзорных реальностей; разработана классификация реальностей.

6) обосновано положение о возможности воздействия иллюзорных представлений на телесную составляющую человека, через выделение основных путей влияния духовного на телесное;

7) выделены и проанализированы основные социокультурные функции иллюзии, осмысленной в контексте способности человека к ее созданию.

Теоретическая значимость исследования определяется новизной и актуальностью проблемы. Результаты и материалы исследования могут использоваться в работе по созданию культурфилософской теории, основанной на признании способности к созданию иллюзии в качестве атрибутивного свойства человеческого бытия. Данная концепция может лечь в основу междисциплинарного исследования иллюзии, формирующего общий терминологический аппарат, облегчающий анализ отдельных форм и проявлений иллюзии, а также может найти применение в других областях науки, в различных сферах духовной и материальной деятельности.

Практическая значимость исследования заключается в нахождении основания человеческого бытия в способности к созданию иллюзии, которое может дать ответ на вопрос о человеке как представителе и продукте современного общества. Выявление сущности, роли и функций иллюзий позволит эффективнее разрешать проблемы адаптации, идентификации,

инкультурации человека в современной социокультурной реальности. Результаты данного исследования также могут быть использованы при чтении учебных курсов по дисциплинам «Философская антропология», «Философия», «Философия культуры», «Массовая культура».

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование «Способность к созданию иллюзии как атрибутивное свойство человека» соответствует п. 2.3. «Человек как особый род сущего», п. 2.8. «Феномены человеческой субъективности», п. 3.11. «Универсум культуры», п. 3.14. «Общие закономерности культуры», п. 3.26. «Культура и индивидуум», п. 3.27. «Культура и социум» паспорта специальности 09.00.13. — Философская антропология, философия культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Иллюзия понимается как феномен человеческого сознания, идеальный объект, формируемый внутренним миром человека путем смешения объективных и субъективных компонентов, бессознательно или сознательно принимаемый им за результат верного отражения действительности, вне зависимости от соответствия ей. При этом иллюзия образует некое идеальное пространство - субъективную реальность, которая детерминирует активность человека и определяет характер его проявлений в процессе жизнедеятельности. Понятие «иллюзия» охватывает широкий спектр феноменов (социальные иллюзии, иллюзорные картины мира, реальности искусства, значимые искажения восприятия, результаты самообмана), объединенных общей структурой и трансцендентальными основаниями в бытии и сознании человека. Многоаспектность феномена иллюзии обуславливает его исследование в различных дисциплинарных пространствах, позволяющих выделить несколько подходов к исследованию иллюзии: психологический, психоаналитический, социологический, гносеологический, онтологический, эстетический, непротиворечиво совместимых посредством содержащихся в них элементах философско-антропологического и культурфилософского знания.

2. Атрибутивные свойства человека представлены в определениях: катафатических (существо разумное, творческое, символическое, моральное, производящее орудия, деятельное, мера всех вещей), сводящих человека к его отдельной черте, и апофатических (недостаточное, несводимое, неопределимое, заброшенное, неповторимое), утверждающих непознаваемость человека, его трансцендентность миру, отрицающих возможность катафатического познания. Путем диалектического синтеза катафатического и апофатического методов формируется определение человека как существа, способного к созданию идеальных объектов, сосуществующих с элементами объективного мира и образующих особое идеальное символическое пространство культуры. Это определение выражает в катафатической форме апофатическое содержание.

3. Иллюзия обладает следующими признаками: наличием объективного основания — присутствием явления или представлением в основе иллюзии (объективной реальности и ее элементов); несоответствием основанию — искажением основания в пространстве сознания; правдоподобностью — наличием черт схожести с объективностью, что вызывает оценку искаженного объекта как истинного; субъективностью — наличием в искаженном образе элементов внутреннего мира субъекта; идеальностью — существованием иллюзии только в сознании; феноменальностью — данностью иллюзии, невозможностью иллюзии-в-себе; содержательностью — наличием стройного содержания, обеспечивающего формирование иллюзорной реальности; практикоориентированностью — способностью влиять на деятельность субъекта; значимостью — существенной ролью для человека, в связи с которой он не может оставаться безучастным по отношению к иллюзии. Данные признаки характеризуют все формы иллюзии. Формы иллюзии упорядочиваются в классификации по основаниям, характеризующим способность к созданию иллюзии и субъектное положение человека. Выделены следующие виды иллюзии: по задействованной познавательной способности — иллюзии восприятия и иллюзии мышления; по необходимости

возникновения — трансцендентальные и акцидентальные; по типу субъекта — индивидуальные и коллективные; по источнику происхождения — естественные и искусственные; по уровню осознанности — осознанные и неосознанные; по характеру влияния на человека, культуру и общество — конструктивные и деструктивные.

4. Способность к созданию иллюзии как атрибутивное свойство человеческого бытия подразумевает возможность человека выступать в субъектном положении относительно иллюзии, в котором он создает, направляет, преобразовывает иллюзии в целях сохранения и развития культуры и общества, отдельных индивидов и групп. Человек выступает в объектной роли только вследствие отчуждения, овеществления иллюзии. Можно выделить следующие характеристики способности к созданию иллюзии: сохранение иллюзии при осознании; формирование реальностей, отличающихся от объективной; активность человека в отношении иллюзии; адаптация к иллюзии; транслируемость иллюзии; стремление к поддержанию иллюзии; свобода человека в пространстве иллюзорного. Только человек проявляет способность к созданию иллюзии. Другие сущности, которым можно приписать восприятие и мышление, например, Бог или современный искусственный интеллект, не обладают способностью к созданию иллюзии: из совершенства Абсолюта следует невозможность искажения им действительности; ошибки искусственного интеллекта не соответствуют признаку субъективности, так как искусственный интеллект не обладает личностным началом.

5. Содержательность иллюзии и стремление человека к различению реальностей влекут формирование любой иллюзией особой иллюзорной реальности. Исследование иллюзорных реальностей продуктивно при рассмотрении их как виртуальных реальностей, при этом любая реальность может рассматриваться как виртуальная в противопоставление миру вещей-в-себе. В целях соотнесения иллюзорных и виртуальных реальностей выделяются «реальности полной автономности», отвечающие всем признакам

виртуальной реальности, и «реальности частичной автономности», не обладающие в достаточной мере признаком автономности и заимствующие часть своего содержания из производящей реальности и воспринимающиеся человеком как ее часть. Также выделяются виды реальностей по удаленности от вещей-в-себе: реальность явлений, дополнительные реальности (картины мира) и обособленные (полностью автономные относительно явлений) реальности.

6. Эмпирическое «Я» человека является частью реальности: взаимодействие с реальностью возможно только при включенности в нее. Самосознание соответствует реальности, так как «Я» и «не — Я» преобразовывают друг друга. Иллюзия, несмотря на идеальную природу, оказывает воздействие и на человеческое тело посредством психосоматического, психосоциального, идеалистического, инструментального, технологического, патопсихологического путей. Онтогенез человека представляет собой изменение, в том числе, под воздействием иллюзии, образа «Я», и смену образов «Я» через переход в иные иллюзорные реальности.

7. Человек, проявляя способность к созданию иллюзии, обращается к ее конструктивному аспекту, ограничивая влияние деструктивного. Иллюзия выполняет в культуре и обществе ряд необходимых для их поддержания функций. Субъектный уровень функционирования иллюзии (применение иллюзии в отношении самого себя) представлен: онтическим подуровнем, на котором через креативную функцию формируется реальность; психическим, на котором устойчивость внутреннего мира человека поддерживается компенсаторной и рекреативной функциями; экстериоризационным, влияющим на отношения человека с окружающим его миром через регулятивную, адаптационную и коммуникативную функции. На объектном уровне (опосредованное использование иллюзии для воздействия на ее субъект) познавательная и манипулятивная функции выражают использование иллюзии для познания ее носителя и воздействия на него. Указанные функции

осуществляются в любой период, так как в каждую эпоху человек выступает в роли творца иллюзорных реальностей, однако именно в границах современной культуры это свойство человека востребовано в наибольшей степени.

Апробация работы Идеи и выводы данного исследования апробированы в докладах на научных конференциях: XIII (Москва, 20-21 апреля 2012 г.) и XIV (Москва, 26-27 апреля 2013 г.) Международных научных конференциях «Цивилизация знаний: проблемы и перспективы социальных коммуникаций» (Российский новый университет, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН)), IX Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века (Москва, 5-17 ноября 2012 г.), Международной научной конференции «Современное состояние культуры и общества: особенности и перспективы развития России» (Москва, 28 мая 2013 г.).

Основные положения диссертации отражены в 15 научных статьях, общим объемом 7,28 п.л., в том числе, в 3 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА I. Проблематизация способности человека к созданию иллюзии: теоретическое обоснование

Вопрос о сущности человека является одной из центральных проблем большинства философских систем. И. Кант, формулируя три основных вопроса¹ философии, сводит их к одному: «Что такое человек?». Проблема соотношения бытия и мышления или проблема познаваемости мира, также рассматриваемые в качестве первостепенных, могут быть переформулированы в исследование отношения человека к миру, что также является поиском его места во вселенной. Вся история мысли состоит из попыток познать человеком самого себя: многочисленные науки занимаются исследованием отдельных сторон и проявлений человеческого бытия. Однако глубинное познание вещи требует не внешнего описания, перечисления свойств, исследования частных аспектов, но обнаружения идеальной сущности вещи, формулировки определения. Определения человеческой сущности заключаются в обнаружении его атрибутивных свойств: утвердительных, проявленных в катафатических определениях, указывающих на конкретную особенность или способность человека, и отрицательных, проявленных в апофатических определениях, отвергающих познаваемость человека как вещи, имманентной миру. Ставится задача обнаружить атрибутивное свойство человеческого бытия, снимающее противоречие апофатического и катафатического методов.

Отвечающее данному требованию атрибутивное свойство выявляется в области связи человека с иллюзией, представленной в форме иллюзорных реальностей, и обозначается как способность к созданию иллюзии. Эта способность выражает возможность человека выступать в роли субъекта особого отношения к иллюзии, в котором он выстраивает, направляет, преобразовывает иллюзии в целях сохранения и развития культуры и общества, а также отдельных индивидов и групп. Иллюзия рассматривается как обладающая конструктивным и деструктивным аспектами, в зависимости от

¹ Кант, И. Критика чистого разума // Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 3. М.: ЧОРО, 1994. С. 588.

активности или пассивности человека в отношении к ней. Способность к созданию иллюзии выражает именно конструктивный аспект и активность человека-субъекта.

Ввиду невозможности беспредпосылочного мышления в рассмотрении используется ряд положений, изначально заданных в качестве аксиом. Исследование исходит из констатации существенной роли иллюзий в построении опыта человека, реальности, которую он воспринимает и мыслит, о чем свидетельствуют как теоретические исследования, так и эмпирические данные. Человек живет в субъективном мире, построенном на базе объективного, но искаженном во многих аспектах иллюзорными представлениями. Это не значит, что реальность человека недействительна или несущественна: она существенна, так как является единственным воплощением человеческого опыта и действительна, так как основывается на объективном, однако граница между действительным и иллюзорным зачастую неизвестна. Признание влияния иллюзий на эту реальность не нивелирует ее, но открывает возможности человека активно и свободно влиять на сконструированные элементы своего жизненного мира.

Одним из центральных положений исследования является объединение разных форм иллюзии, рассмотрение их как явлений одного порядка. Социальные иллюзии, иллюзорные картины мира, иллюзорные реальности искусства, значимые иллюзии восприятия, продукты самообмана рассматриваются как разные стороны одного феномена, объединенные единой структурой, причинами возникновения и следствиями взаимодействия с ними.

Дополнительной терминологической особенностью рассмотрения является понимание «реальности», ввиду особенности употребления в термине «виртуальная реальность», как непротиворечивой совокупности объектов одного уровня бытия, данной человеку; как «вещественного аспекта существования»². Вслед за М.Ю. Опенковым в данном исследовании отвергается отождествление реальности, существования и бытия, перешедшее в

² Опенков, М.Ю. Виртуальная реальность: онто-диалогический подход: дисс. ... док. фил. наук. Москва. 1997. С. 13.

философское рассмотрение из обыденного мышления.³ Противопоставление реальности и иллюзии замещается противопоставлением объективной и иллюзорной реальностей: иллюзия обладает существованием в сознании и принимает в нем вещественные формы, а значит, также формирует реальности.

1.1. Основные концепции иллюзии и определения человека: обоснование конструктивности философско-антропологического подхода

Теоретическая база исследования обусловлена пересечением двух проблематик: иллюзии и человеческой сущности, а следовательно, двойной областью рассмотрения. Понимание иллюзии требует систематизации ее основных концепций; изучение человека подразумевает рассмотрение основных атрибутивных свойств его бытия. Их исследование не ограничивается обзорным описанием: проводится анализ, выявляющий точки пересечения рассматриваемых областей. Концепции иллюзии исследуются на предмет применимости в антропологическом контексте; в основных определениях человека, указывающих его основные атрибутивные свойства, ведется поиск указаний на неотъемлемость иллюзорных построений для воспринимаемой и мыслимой человеком реальности.

1.1.1 Концептуальные подходы к исследованию иллюзии. Определение способности к созданию иллюзии как атрибутивного свойства человека ставит задачу анализа существующих концепций понимания иллюзии. Концептуальное различие в определении понятия иллюзии и отсутствие в философской мысли цельного подхода к представлению о ней приводит к необходимости нахождения подхода, в равной степени объяснявшего разнообразие конкретных форм иллюзии. Исследования иллюзии сводят ее к различным проявлениям и формам, обусловленным областью рассмотрения и задачами, лежащими в основе той или иной сферы научных исследований, конкретной школы, направления.

³ Опенков, М.Ю. Виртуальная реальность: онто-диалогический подход: дисс. ... док. фил. наук. Москва. 1997. С. 13.

В основу рассмотрения подходов к пониманию иллюзии, разработанных в рамках психологии, философии, социологии, религиозных и мистических идей, положен анализ связи человека с иллюзией. Мы выделяем следующие модели иллюзии, выраженные в исследуемых подходах: искажение восприятия внешнего объекта, продукт трансформации желаний, фактор социокультурных изменений, временное несовершенство человека, конструирование феноменального мира, средство создания правдоподобного художественного образа. Назовем эти подходы в соответствии с направлениями науки, в которых данные модели являются главенствующими (хотя и не единственными): психологический, психоаналитический, социологический, гносеологический, онтологический и эстетический.

1. Психологический подход. Иллюзия рассматривается только в качестве ложного восприятия существующего объекта. Применяется узкое определение иллюзии: иллюзии мышления не учитываются, иллюзиям строго противопоставляются галлюцинации. В качестве представителей подхода, оперирующего данной моделью, может быть названо большинство психологов, изучающих восприятие и его нарушения.

В данном понимании иллюзия является неотъемлемой и неизбежной составляющей человеческого восприятия: человек подвергается иллюзии в связи с особым устройством его познавательных способностей или в условиях возможных отклонений от обычной ситуации восприятия.

В рамках данной модели можно выделить две субмодели: *иллюзия как признак психического заболевания и иллюзия как неотъемлемая черта восприятия человека*. Основателем первой субмодели иллюзии следует считать Ж. Эскироля, разделившего впервые иллюзии и галлюцинации. До него иллюзиям и галлюцинациям давали единые определения, такие как «ошибка, которая является результатом поражения одного из чувств»⁴. Эскироль анализировал традицию различения между понятиями «ментальные галлюцинации» и «сенсорные галлюцинации», указывая, что это разные

⁴ Esquirol, E. Mental maladies. Treatise of Insanity. Philadelphia: Lea and Blanchard. 1845. С. 91.

явления. «Ментальные галлюцинации» («видения») он назвал галлюцинациями, заблуждениями, при которых человек «имеет полную убежденность в восприятии ощущения, в то время как ни один внешний объект, подходящий для вызывания этого ощущения, не воздействовал на чувства»⁵. Галлюцинации, согласно Эскиролю, возникают в сознании и только в нем, основывая образы на памяти. Иллюзии же происходят из искажения чувств: объект восприятия существует, но чувства неточно его воспринимают, и уже к этому существующему восприятию примешивается воздействие разума⁶.

Область рассмотрения сужается, когда В.Х. Кандинский отделяет от иллюзий и галлюцинаций псевдогаллюцинации, как образы, не воспринимаемые как реальные, но очевидно выделяющиеся из действительного мира⁷: считая иллюзию с необходимостью имеющей в основании внешний стимул, а также признавая невозможность понимания иллюзорной природы иллюзий и галлюцинаций, он не может отнести к ней не обоснованные ощущением и осознаваемые как чуждые образы.

В.А. Гиляровский продолжает традицию, начатую Эскиролем и практически полностью следует ей, различая иллюзии и галлюцинации. Однако его различие менее радикально, так как он не полностью отрицает отношение галлюцинаций к восприятию и не делает их достоянием только лишь разума, а значит, несколько сближает с иллюзией⁸. Также Гиляровский уточняет, что в иллюзии искажению подвержены восприятия не только предметов окружающего мира, но и явлений.

Следует отметить вклад М.И. Рыбальского, который, взяв за основу понимание иллюзии В.А. Гиляровским, выделил пять основных признаков, характеризующих иллюзию: а) наличие в основании объективного предмета и явления; б) искаженное восприятие основания; в) оценка искаженного предмета

⁵ Esquirol, E. Указ.соч. С. 91.

⁶ Esquirol, E. Указ.соч. С. 111.

⁷ Кандинский, В.Х. О псевдогаллюцинациях. М.: Содружество, 2001. С. 31.

⁸ Гиляровский, В.А. Учение о галлюцинациях. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. С. 55.

в качестве существующего; г) участие мыслительной деятельности субъекта иллюзии; д) сенсорный характер⁹.

По второй субмодели иллюзия изучается в трудах исследователей механизма восприятия. Здесь иллюзия частично лишается своего субъективно-значимого статуса и не отделяется от простого ошибочного восприятия. Внимание смещается с уникальных иллюзий на всеобщие, например, известные оптические обманы.

В данной области можно выделить два направления: представители первого стремятся свести причины иллюзии восприятия к исключительно физическим: особенному строению органов чувств, нарушению их работы, необычным внешним условиям, неудачной ситуации восприятия. Представители второго указывают на наличие в иллюзиях психологической внутренней составляющей, которая определяет содержание иллюзии.

В качестве представителя первого подхода, можно называть Дж. Гибсона. С точки зрения экологического подхода Гибсона, воспринимающая система, в которую входит воспринимающее, также как и воспринимаемое, не должна ошибаться. Таким образом, существование иллюзий сводится к недостаточной внимательности, временной ограниченности восприятия и считается легко разрушаемой при внимательном и тщательном рассмотрении; в других случаях иллюзия связана с незнанием и с недостаточным опытом восприятия¹⁰.

Одним из ранних представителей второго подхода можно назвать Г. Гермгольца. Он указывает, что из этапов входящих в восприятие – ощущения и интерпретации иллюзия возникает именно на этапе интерпретации. Ощущения, нарушенные, неточные или неоднозначные, еще не создают иллюзию, она возникает, когда эти ощущения истолковываются и упорядочиваются.

Теория восприятия Р. Грегори подразумевает зависимость восприятия от предшествующего знания и когнитивные иллюзии, таким образом, основаны на этих внутренних причинах. Этим данная теория подводит нас к признанию

⁹ Рыбальский, М.И. Иллюзии, галлюцинации, псевдогаллюцинации. М.: Медицина, 1989. С. 92.

¹⁰ Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. С. 211.

субъективных оснований иллюзии. Кроме того, Р. Грегори рассматривает иллюзию с нескольких позиций. С одной стороны, он понимает ее шире обычного психологического толкования: он также признает иллюзию, не относящуюся к восприятию, сравнивая оптические иллюзии с ошибками в речи и ложными идеями¹¹. С другой стороны в области его исследования находятся только иллюзии восприятия: но и в них Грегори выделяет два вида: «физические иллюзии», обусловленные либо внешними причинами, либо устройством организма воспринимающего, и «когнитивные иллюзии»¹², в основе которых лежит приложение известного знания. Следует упомянуть и шесть классов феноменов восприятия Ф.Х. Олпорта, среди которых отмечается эффект доминирующей установки: зависимость воспринятого от ожиданий, привычки или эмоциональных установок. Среди других сторонников данной позиции можно назвать Д.Н. Узнадзе, указывавшего на зависимость иллюзии от установок и ожиданий, Дж. Брунера, М. Шерифа, Г. Марфи, Н. Сэнфорда, утверждавшие об обязательном наличии в основе иллюзии несенсорных факторов. Правильность данного подхода также подтверждается экспериментально. В качестве примера можно привести эксперименты Е.М. Сийпола (испытуемым предоставлялись бессмысленные слова, которые были похожи на существующие слова двух разных тематик: эксперимент показал, что восприятие такого слова зависело от контекста¹³), и Б.Н. Компанейского (псевдоскоп, устройство, искажающее восприятие выпуклого-вогнутого, не искажает восприятия сложных и хорошо знакомых, таких как человеческое лицо¹⁴) показывающие, как ошибки восприятия зависят от изначальных установок.

Положительными сторонами принятия данной модели являются исследования механизма образования иллюзий, связей с человеческой

¹¹ Грегори, Р.Л. Знание и иллюзии восприятия [Электронный ресурс] URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1772.html> (дата обращения 07.12.2013).

¹² Грегори, Р.Л. Указ.соч.

¹³ Сийпола, Е.М. Установка в восприятии (Резюме) // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 342.

¹⁴ Компанейский, В.Н. Псевдоскопические эффекты // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 403.

субъективностью, совмещение биологических и идеальных аспектов иллюзии, сравнительное рассмотрение общечеловеческих и патологических иллюзий. Отрицательная сторона заключается в узости предмета исследования. Тем не менее, элементы модели иллюзии, как искаженного восприятия, применимы и к более широкому рассмотрению, так как ряд идей, относящихся к исследованию иллюзиям восприятия, может быть перенесен и на иллюзии мышления: часть свойств, обнаруженных в одном виде иллюзии оказываются универсальными чертами иллюзии. Следует иметь в виду, что данный перенос должен осуществляться с большой осторожностью.

2. Психоаналитический подход. Данная модель объявляет иллюзию результатом изменения желаний человека в процессе противоборства Я, Супер-Я и Оно. Познание иллюзии, таким образом, оказывается необходимым для изучения бессознательного, так как открывает доступ к нему. В отличие от предыдущей модели, здесь, напротив, в центре стоит рассмотрение иллюзий мышления, хотя иллюзии восприятия могут рассматриваться как их следствия. Главным представителем этого подхода является З. Фрейд, определивший иллюзию через связь с желаниями, его мысль продолжают А. Адлер, К. Юнг, К. Хорни, Д. Винникот.

Согласно данной модели, иллюзия с необходимостью присуща человеку. Она выступает как фактор стабильности его психики: на передний план выходит компенсаторная роль иллюзии. Однако она оказывает и противоположное воздействие, препятствуя пониманию причин собственных проблем, а значит и возможности их разрешения.

Взгляды З. Фрейда на иллюзию в сжатом виде изложены в его труде «Будущее одной иллюзии», где в связи с объявлением иллюзией религии¹⁵ возникает необходимость разъяснения этого термина. Фрейд указывает, что иллюзию следует отличать от любого другого заблуждения: иллюзия всегда основана на желаниях своего носителя, в ней в явном или скрытом виде исполняются наиболее сильные из них. Это и является причиной прочной

¹⁵ Фрейд, З. Будущее одной иллюзии // Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: Фирма СТД, 2008. С. 164.

укорененности иллюзии в умах людей: иллюзию исполнения недостижимого желания люди бессознательно или осознанно предпочитают жестокой реальности. Заблуждение – это, прежде всего, ошибочная вера. Иллюзия, как правило, тоже является ошибочной верой, однако ее ошибочность кроется не в несоответствии с действительностью, а в отказе в сопоставлении с ней: иллюзия просто отрицает сам принцип действительности. Фрейд уточняет, что иллюзии не обязательно ложны, некоторые из них могут оказаться истиной¹⁶, но иллюзорными их делает сам механизм образования. Таким образом, иллюзия по Фрейду оказывается верой, которая мотивируется целью исполнения желания и уводит от попыток своего сопоставления с действительностью.¹⁷ Важно, что Фрейд одновременно и стремится к отделению иллюзии от таких явлений, как галлюцинация, бредовая идея, сон, но при этом и сближает их, показывая общий механизм и общую причину их развития. Бредовые идеи имеют более сложную структуру, галлюцинации и сновидения в большей степени обращены к восприятию, но все эти феномены имеют основание в бессознательном стремлении к исполнению желаний. Даже в тех случаях, когда эти явления напрямую не связаны с осознаваемым стремлением, они подпитываются сокрытыми внутренней цензурой проявлениями либидо. Стоит отметить и области человеческих проявлений, которые Фрейд причислил к иллюзиям: он не только подробно исследовал религию, как проявление иллюзии, но и упомянул, что подобным образом можно рассматривать многие социальные установления, такие как государственные институты или отношения полов¹⁸.

В отличие от З. Фрейда, его последователи столь явно не разбирали сущность иллюзии, но обращались к данному понятию, внося при этом в него некоторые дополнения. Если Фрейда, в первую очередь, интересовали иллюзорные идеи, то А. Адлер внес вклад в исследование галлюцинаций, то

¹⁶ Фрейд, З. Указ. соч. С.164.

¹⁷ Фрейд, З. Указ. соч. С.165.

¹⁸ Фрейд, З. Указ. соч. С.168.

есть иллюзий восприятия¹⁹. Во-первых, он примиряет психоанализ с когнитивной психологией, указывая, что, необходимым основанием галлюцинации, безусловно, являются органические особенности, но само содержание галлюцинации формируется интерпретацией, берущей начало в желаниях галлюцинирующего.²⁰ Во-вторых, Адлер демонстрирует совершенно другой механизм исполнения желаний иллюзорными средствами. Если Фрейд говорил об иллюзорном исполнении желаний, то Адлер указывает и на реальное исполнение их посредством иллюзий. Он приводит примеры лиц, галлюцинации которых оправдывали выбранный ими стиль жизни: галлюцинации человека, не желающего работать непременно будут такими, которые отвлекают его от работы, а галлюцинации желающего покровительствовать окружающим будут заставлять его волноваться о них.²¹ Также Адлер в большей мере сближает иллюзии, галлюцинации, фантазии, бред и сновидения, указывая на единое их основание — способность к воображению.

С другой стороны, некоторые последователи З. Фрейда изменяют ценностное отношение к иллюзии. С точки зрения Фрейда, иллюзия, несмотря на то, что она имеет определенные позитивные функции, все же явление отрицательное: от отказа от иллюзий человек получает больше блага, чем от следования им. Однако К. Хорни и Д. Винникот придерживаются иной позиции. К. Хорни указывает, что иллюзии жизненно необходимы для сохранения психического здоровья личности²², подчеркивая заместительную функцию иллюзии. Без иллюзий человек не смог бы безболезненно пройти период детства, в который его мировоззрение во многом и построено на иллюзиях. Тем не менее, не отрицается вред от злоупотребления иллюзией и предпочтения ее действительности.

¹⁹ В психоаналитической традиции, при противопоставлении иллюзии и галлюцинации, они различаются не по наличию или отсутствию действительного основания, а по задействованной познавательной способности: «иллюзией» называют иллюзии мышления, а «галлюцинацией» – иллюзии восприятия.

²⁰ Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии: лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. С. 62.

²¹ Адлер, А. Указ. соч. С. 65.

²² Хорни, К. Новые пути в психоанализе. М.: Академический проект, 2007. С. 70.

Важность иллюзии для становления человека показывает Д. Винникот. Исследуя роль иллюзий в детстве, он указывает, что без некоторых из них из человека не получилась бы полноценная личность. Так одна из первых иллюзий, иллюзия исполнения желания, когда ребенок хочет есть, и мать его кормит, создает представление о возможности воздействия на реальность, а создание иллюзорной замены временно отсутствующей матери способствует развитию креативности. Согласно Д. Винникоту в ранний период жизни человек живет в полностью субъективном мире и лишь затем формирует представление об объективном²³.

Что касается представления об иллюзии К. Юнга, отличия их от представлений Фрейда заключаются в том, в чем различие между их толкованием бессознательного. Признавая бессознательное коллективным и имеющим неизменные формы независимо от эпохи и культуры, Юнг тем самым придает те же основания иллюзиям, снам и бредовым идеям. Они выражают не столько субъективность своего носителя, сколько априорные элементы, присущие всему человечеству, и находящие воплощение в иллюзиях каждого индивида.

Достоинство данного подхода заключается в четком разграничении иллюзии и заблуждения, установлении связи иллюзии с бессознательным, выяснение значимости иллюзии для человека. Недостатком является излишняя привязанность его к конкретным идеям психоанализа (например, к энергии либидо), что сужает возможности его применения. Для данного рассмотрения иллюзии психоаналитическая установка происхождения иллюзии от желания является одной из отправных точек, однако видится целесообразным сместить акцент с желаемости на значимость, что выводит иллюзию в более широкую перспективу.

3. Социологический подход концентрирует внимание на влиянии иллюзии на устройство общественной жизни и ее аспектов. Данный подход исследует иллюзию во взаимодействии с социальными явлениями: иллюзии

²³ Винникот, Д.В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 288 с.

движут общественными процессами, но и последние, в свою очередь, служат началом новым иллюзиям. Рассматриваются, прежде всего, социальные иллюзии, получающие внеположенное субъекту воплощение. Особое место отводится исследованию манипулятивной функции иллюзии и рассмотрению таких видов иллюзии, как идеологии, утопии, мифы и симулякры, хотя они частично выходят за пределы подхода (так мифы конструируют не только социальную реальность). Представителями данного подхода можно назвать ведущих мыслителей всех времен, но наибольших успехов в их исследовании достигли «философы подозрения», положившие начало этому подходу, некоторые социологи и социальные философы (например, К. Мангейм, В. Парето, П. Бергер, Т. Лукман, У. Липпман) и представители постмодернизма (Ж. Батай, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, С. Жижек).

Строго говоря, в качестве особого подхода данное направление складывается в связи с анализом идеологии: «иллюзорного представления о реальности, вызванного данной реальностью и включенного в нее».²⁴ Несмотря на то, что идеологии, в менее нарочитых и осмысленных формах существовали всегда, классические их примеры относятся к XIX-XX векам, поэтому именно с этого момента можно вести социально-философский подход. Исследования в этой сфере открывает К. Маркс, вводя в философскую традицию исследование идеологии. Он демонстрирует, что господствующие в обществе идеи, которые возникают в качестве надстройки над экономическим базисом, вовсе не отражают реальность: их формирует конкретный класс и, приходя к власти, навязывает свое неадекватное видение мира всему обществу, хотя эти идеологические конструкции имеют некоторую связь с реальностью, так как являются следствием конкретных производственных отношений. Низшим классам навязывается ложное сознание, искажающее представление о действительных общественных отношениях, тем самым скрывающее эксплуатацию, а также возможность от нее освободиться. Другой «философ подозрения», Ф. Ницше обнаруживает великую иллюзию (хотя и не употребляя

²⁴ Баллаев, А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса. История философии. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 1998. С. 63.

это слово) в таких основополагающих явлениях, как мораль и религия. Стоит подчеркнуть, что и Маркс и Ницше рассматривают социальные иллюзии не как спонтанно возникающие, но как создаваемые для умышленной манипуляции.

З. Фрейд, хотя и был отнесен нами к психоаналитическому подходу, внес вклад и в социально-философское понимание иллюзии, показав, как иллюзорные конструкции, такие как религия, направляют действия людей и развитие общества.²⁵ К. Мангейм не употребляет слово иллюзия в отношении идеологий и утопий, но, тем не менее, при признании идеологии иллюзией, важной для данного исследования становится идея о тотальной идеологии. В отличие от частичной, в которой осуществляется умышленное создание иллюзий, тотальная идеология подразумевает целую систему мировоззрения, свойственную группе или классу.²⁶ Таким образом, иллюзорная конструкция может лежать в основе глубинных убеждений людей.

Представители данного подхода демонстрируют, что сам процесс общественного развития функционирует за счет иллюзий, а не за счет реальных событий. В. Парето указывает на основанность многих общественных преобразований на поступках полностью нелогичных, либо с нарушенной логикой. Иллюзия, с точки зрения Парето – несоответствие субъективного и объективного, в первую очередь, в области целеполагания. Иллюзии возникают из ложных теорий и руководят действиями людей, когда эти действия либо имеют лишь субъективную цель и не имеют объективной (например, религиозные ритуалы), или когда объективная и субъективная цели не совпадают (например, идеологии). Последние иллюзии наиболее важны для преобразования общества и приносят наибольшие изменения, когда являются правдоподобными не только для рядовых членов общества, но когда ими руководствуются вожди соответствующих идеалистических движений. Истинное и полезное, согласно Парето расходятся: для общества полезно руководствоваться иллюзиями, так как именно они, а не научная истина

²⁵ Фрейд, З. Указ. соч.

²⁶ Мангейм, К. Идеология и утопия. Ч. 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам, 1976. С. 43.

способствуют его развитию. В противовес В. Парето, В.Х. Беленький, указывает на необходимое отсутствие в иллюзии утопических идеалов. В его анализе социальных реальностей подчеркивается активность человеческого сознания в создании иллюзии (чем она отличается от миража), а также идея, что именно иллюзии, нашедшие основание в социальных установках индивида, оказываются наиболее сильными и долговечными²⁷.

Особое место занимают идеи, частично пересекающиеся с описываемым ниже онтологическим подходом, указывающие на иллюзорную природу самих общественных явлений, обретающих объективное существование. Концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана не содержит очевидных указаний на иллюзорность или ложность общественных явлений, но показывает их как результаты объективации реальности, создаваемой человеком, навязываемые отдельным лицам властью, что может быть истолковано в терминах иллюзии. Власть рассматривается как определяющая реальность, контролирующая ее производство, однако сохраняющая убедительность навязанной реальности,²⁸ противостоящая девиантным реальностям. Социальная реальность не расценивается как иллюзия, однако иллюзорность проявляется в «частных определениях реальности»²⁹, формируемых в идеологиях и «ложном сознании». У. Липпман также показывает, что реальность, в которой живет человек – не объективный мир, а его образ, создаваемый как личным опытом, так и общественным мнением. Вся деятельность человека ориентируется на его представление о реальности, которое, в свою очередь, обусловлено информацией, получаемой человеком, и ее источниками, через которые, в свою очередь, осуществимы манипулятивные действия. Отдельное внимание Липпман уделяет исследованию стереотипов, описывая их как неотъемлемую часть и субъективной реальности, и реальности общественного мнения.

²⁷ Беленький В.Х. Социальные иллюзии: опыт анализа // Социологические исследования. 2001. №5. С. 110

²⁸ Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 104-105.

²⁹ Бергер, П., Лукман, Т. Указ. соч. С. 159.

Важной составляющей социально-философского подхода является учение о симулякре, формировавшееся Ж. Батаем, но приближенное к иллюзии Ж. Бодрийяром и Ж. Делезом. Ж. Бодрийяр указывает, что культура, переполняясь знаками, все больше создает симулякров, знаков, отсылающих не к заявленному денотату, а к иному, не существующему. Кроме того, он указывает на формирование гиперреальности и утрату принципа реальности, в связи с чем культура культивирует иллюзии. Следует учесть, что лишь понимание симулякра в наиболее узком смысле, тесно связанном с исследованием современной культуры, позволяет отнести его рассмотрение к данному подходу: теория симулякра, как любой не имеющей действительного оригинала копии, выводит его в область вопроса о конструировании реальности, то есть к онтологическому подходу.

Социально-философский подход позволяет установить связь между иллюзорным и реальным, так как именно в социальных явлениях иллюзии наиболее часто воздействуют на действительность. Данный подход обращает особое внимание на возможность воздействия на человека через его иллюзии. В качестве недостатка социологического подхода можно отметить недостаточное внимание к внутренним субъективным явлениям.

4. Гносеологический подход. Здесь иллюзия рассматривается как препятствие на пути познания, как несовершенство человека, которое, однако, можно преодолеть. Основная черта данного подхода — неразличение иллюзии и заблуждения: здесь не учитывается специфика иллюзии, как значимой или конструктивной. Любая иллюзия обладает очевидным действием: она скрывает истину. Это исключительно негативный фактор: любое оправдание иллюзии сторонниками данного подхода расцениваются как слабость. Иллюзия может быть и должна быть искоренена средствами философского или научного познания, либо путем исправления человеческой природы. В чистом виде данное понимание обнаруживается, прежде всего, в античной философии, у мыслителей Нового времени и Просвещения. Данная модель иллюзии в

некоторых учениях встречается одновременно с представлением об иллюзорности реальности, но это уже относится к следующей модели.

Иллюзия присуща человеку, но не с необходимостью, она является несовершенством, которое возможно преодолеть. Соответственно, согласно этой позиции, человек либо создан свободным от иллюзии, либо обладает потенциалом для избавления от нее.

В западном представлении данную модель можно вести от античности, где сначала она соседствует с моделью иллюзии, как иллюзорного мира явлений. Важнейшими ее сторонниками являются Парменид, Платон. В представлениях Парменида и Платона заблуждение (ложное мнение) проистекает из признания за истину внешнего мира, мира чувственно-воспринимаемых вещей и становления. У Парменида чтобы преодолеть заблуждение, необходимо признать, что есть только Бытие, что Небытия, а значит и становления нет.³⁰ У Платона человек сам, будучи идеальной сущностью, изначально обладает всей полнотой знания и потому может и должен вспомнить истину через обращение к миру идей³¹. Подобным же образом идея иллюзии, как преодолимого несовершенства, и как иллюзорности внешнего мира, соседствуют в идеях индийских мыслителей. Так у Шанкары иллюзия (майя) проявляется как незнание (авидья) и в этом смысле препятствует какому бы то ни было истинному познанию, так как демонстрирует множественность вещей, вместо единства Брахмана³². Это состояние можно преодолеть через медитативное осознание своего единства с Абсолютом.

Соединение двух моделей в античности преодолевает Аристотель, борясь с заблуждением, но, не признавая двух миров: истинного и ложного. Для Аристотеля любые заблуждения и иллюзии – прежде всего неверные суждения,

³⁰ Парменид. О природе // Эллинские поэты VIII-III вв. М.: Ладомир, 1999. С. 179.

³¹ Платон. Менон // Сочинения в четырех томах. Т. 1. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, «Изд-во Олега Абышко», 2006. С.393.

³² Шанкара. Вивека-Чудамани // Атма-Бодха; Вивека-Чудамани; Таттва-Бодха. М.: Центр оккультной лит-ры «Майя», 1992. С.72.

которых не будет, если мышление будет упорядочено средствами логики. Затем этот подход наследует Новое Время.

Средневековой мысли меньше свойственно рассуждать о познании: христианское заблуждение касается сферы духа, а не разума. Однако, если принять связь греха с заблуждением и веры с истиной, в контексте данной модели иллюзии, следует указать на следующий момент: заблуждение не является присущим человеческой природы, а является результатом ее порчи.

Важное место в данном подходе может быть отведено теории идолов Ф. Бэкона, четырех источников всех иллюзий: здесь есть указание причин заблуждений и путь избавления (научный метод).

Подход к иллюзии, как препятствующей познанию, тяготеющий к строгой научности, разделяли также представители философии просвещения, сторонники марксизма и позитивизма.

Указанный подход демонстрирует только деструктивный аспект иллюзии, однако подводит к возможности человека сопротивляться ему. Дальнейшее исследование покажет наличие конструктивных иллюзий и возможности человека создавать и направлять их.

5. Онтологический подход. Расценивает иллюзию как «мировую», общечеловеческую иллюзию восприятия и мышления, заставляющую видеть мир не таким, каким он является. Данное представление возникает в связи с невозможностью ответа на вопрос, дают ли познавательные способности доступ к истинной реальности, или сами ее конструируют: чтобы решить этот вопрос, надо выйти за пределы своих познавательных способностей, что сделать невозможно. Если восприятие и мышление не способны в точности отразить истинную реальность, значит, мир явлений — иллюзия. Истинный же мир может быть совсем не похож на мир явлений: это может быть мир идеальных сущностей или абсолютного единства. Данная идея приобрела особенно важное значение в индийской философии: адвайта-веданте и буддизме. В западной философии представлена, прежде всего, платонизмом и

кантианством. Данный подход будет рассмотрен подробнее при анализе иллюзорных реальностей во второй главе.

6. Эстетический подход видит в иллюзии возможность создания художественными средствами несуществующего, но правдоподобного образа. В данном случае не важен познавательный аспект иллюзии: иллюзия приобретает особую ценность и возможность участвовать в создании элементов культуры.

В качестве видного представителя данного направления можно назвать К. Ланге, указывавшего на происхождения искусства из потребности в иллюзии: искусство — самообман, способность наслаждаться иллюзией. Фактически, оно — иллюзорная форма игры, подражание, сознательно принимаемое за действительность.³³ Г. Гегель пишет, что искусство, основывается на видимости, за счет этого и обретает свою существенность, так как духу необходима видимость.³⁴ Об этом же говорит Ж. Бодрийяр, называя искусство, в своем идеальном, классическом, а не современном воплощении, «иллюзией, более могущественной, чем реальность»³⁵. Согласно А. Бадью, истина искусства не может сохранять свою специфику, будучи тождественной другим истинам: в эстетике истина тождественна иллюзии³⁶. Т. Адорно анализирует связь искусства и вымысла, отмечая неустранимость иллюзии из искусства, несмотря на стремление самого искусства к освобождению от видимости, к обретению объективности³⁷.

Также эстетический подход придает особый смысл понятию иллюзорности, подразумевая под ним ложную правдоподобность, предельно приближенную к реальности, отделяя его от иллюзии, которой не свойственно точное копирование.

³³ Овсянников, М.Ф. Искусство как игра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. №2. С. 84.

³⁴ Цимошка, Д.А. Эстетика иллюзий и призраков. // Vita Cogitans: Альманах молодых философов №6. СПб., 2008. С. 13.

³⁵ Бодрийяр, Ж. Эстетика иллюзий Эстетика утраты иллюзий [Электронный ресурс] URL: <http://www.arcto.ru/article/555> (дата обращения 20.01.2014).

³⁶ Цимошка, Д.А. Указ. соч. С. 9.

³⁷ Адорно, Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. С.38.

Данный подход показывает связь иллюзии с художественным творчеством, но ограничивается только этой областью. Он мало применим к теоретическому рассмотрению, но может быть полезен при рассмотрении иллюзии, как основы творческих способностей человека, а, кроме того, для реабилитации иллюзии, критикуемой в обыденном сознании.

Рассмотренные подходы содержат элементы понимания иллюзии как одного из центральных антропологических феноменов, однако философско-антропологический подход к иллюзии отсутствует. Ни один из указанных подходов не рассматривает иллюзию в единстве всех ее форм и проявлений. Одной из задач диссертационного исследования является формирование подхода к иллюзии, в котором разные аспекты проблематики иллюзии объединяются и переходят в область философской антропологии. Иллюзия является, прежде всего, проблемой познания, но здесь рассматривается в рамках способности к созданию иллюзии как определяющей характеристики человека. Философско-антропологическая проблематика с необходимостью требует целостности: выводы о способности человека к созданию иллюзии должны быть верны не для конкретных видов иллюзии, но для их общего трансцендентального основания в сознании.

1.1.2. Проявление способности к созданию иллюзии в апофатических и катафатических определениях человека. Учение о человеке с самого возникновения его в философии ставило перед собой задачу указать, что такое человек, дав ему определение. Во многом это было следствием метода, введенного Сократом, по которому для познания предмета, необходимо не описывать его или перечислять его виды, а формулировать определение, отражающее его идеальную сущность, выражающее атрибутивные свойства бытия человека. Складывались определения человека, которые, как правило, сводили его сущность к одной способности или особенности. Человек определялся как существо «поисное» (Аристотель), «разумное» (согласно названию биологического вида), «играющее» (Й. Хейзинга), «производящее символы» (Э. Кассирер), «деятельное» (Р. Гелен). Это можно охарактеризовать

как традицию утвердительных определений человека, схожую с катафатическим методом богословия. Но, как и катафатическое познание Бога, утвердительное понимание человека подвергалось критике за попытку объяснить необъяснимое. Возникает апофатическая традиция познания человека, определяющая его через следующие характеристики: несводимость, непредопределенность, незаменимость, неповторимость, невыразимость, неадаптированность (недостаточность). С ними также связаны и некоторые характеристики, имеющие утвердительное содержание: бездомность, заброшенность (которая в ходе рассмотрения будет переосмыслена, как трансцендентность), создание человеком самого себя. Апофатическая позиция противоречит утвердительным определениям, так как вовсе запрещает определять, указывая, что любое определение, кроме отрицательного, будет недостаточно и охватит только один аспект человеческого. Однако признание способности к созданию иллюзорных объектов, подменяющих элементы объективной реальности, в качестве атрибутивного свойства человеческого бытия, означающее попытку определение человека это свойство, преодолевает противоречие. Оно является катафатическим определением, обоснованным апофатическими, выводимым из них. Рассмотрим апофатические и катафатические определения человека с точки зрения проявления в них способности к созданию указанного рода идеальных объектов.

Катафатические определения человека. Большинство попыток определить человека породили катафатические определения, лишь довольно поздно встретившие противодействие со стороны идей, признающих невозможность познания человека. В отличие от апофатических определений человека, катафатические дают утвердительные формулировки, чаще всего построенные по принципу признания человека животным, но указания особой способности или черты, выделяющей его из животного мира. Способности, выбираемые для таких определений, наиболее полно характеризуют человека, и потому, доказывая, что атрибутивным свойством человеческого бытия является оперирование идеальными объектами, подменяющими реальность, нельзя

обойти вниманием вопрос о связи иллюзии с этими способностями. В данном параграфе на предмет сходства и генетической связи с выявляемой способностью проанализированы основные способности человека, отраженные в его катафатических определениях, среди которых особенно подробно рассмотрены определения человека как субъекта творческой деятельности, как символического и разумного существа.

Человек — творческое существо. Одним из центральных феноменов человеческого бытия, и одновременно одной из определяющих способностей человека, является способность к творческой деятельности. Н. Бердяев указывает, что человек — «существо творческое»³⁸, и именно в творчестве раскрывается смысл его бытия. Рассмотрим творческую деятельность человека и ее связь с подменяющими реальность идеальными объектами.

Подчеркнем, что творчество присуще именно человеку и только ему³⁹. Здесь мы присоединяемся к позиции М. Шелера и Н. Бердяева, которые отрицали существование естественного творчества и подчеркивали духовный аспект этой способности. Противоположная позиция либо принижает достижения творчества человека до механического комбинирования элементов мира (Э.А. Соснин и Б.Н. Пойзнер⁴⁰), либо возвышает природное творчество до человеческого (А. Бергсон⁴¹). И в том и в другом случаях игнорируется личностность творчества, подразумевающая личностный субъект. Ни природные силы, ни искусственный интеллект не накладывают на производимое ими отпечаток своей субъективности, так как ей не обладают.

Прежде чем перейти к наиболее важным характеристикам творчества: новизне, несводимости к материалу и его обработке, личностности, необходимо разобрать вопрос о том, на каком этапе творчество следует считать осуществленным: на этапе мысли или материального воплощения. С одной стороны, когда М. Шелер указывает на творческую деятельность, как основную

³⁸ Бердяев, Н.А. О назначении человека. Париж: Современные записки, 1931. С. 55.

³⁹ если не принимать во внимание Абсолют или гипотетических разумных существ

⁴⁰ Пойзнер, Б.Н., Соснин, Э.А. Из небытия в бытие. Творчество, как целенаправленная деятельность. Томск: СТТ, 2011. С. 17.

⁴¹ Бергсон, А. Творческая эволюция. // Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С.8-413.

черту человека, он имеет в виду творческое преобразование мира. С другой, все принципы, на которых оно основано, складываются на стадии замысла: креативная мысль – основная ступень любого творческого акта. На наш взгляд, сущность творчества заключается именно в изначальном духовном акте, а не в его осуществлении: этап реализации творчества в материальных формах не отличается от любой производственной деятельности, просто в творческом процессе осуществление базируется на оригинальной идее. Именно задумка является истинным творчеством. В пользу этого говорит и то, что невозможно отказать в творчестве нереализованным идеям. Осуществление в сознании, независимо от реализации указывает на идеальность продуктов творчества.

Новизна творчества – одна из важнейших его характеристик. Творчество – это всегда создание нового. Конечно, в книге «Из небытия в бытие»⁴² выдвигается мысль, что ничего нового не может быть создано, а деятельность человека по совмещению известных элементов подобна природной, однако даже совмещение элементов порождает новое их единство. Творчество всегда креативно и не может осуществляться относительно готового шаблона. Из новизны и идеальности вытекает следующее: творчество — новое содержание, возникающее в разуме, не отражающее действительность. В сознании человека создается нечто отличное от объективности, как от природной, так и от социальной реальности: создается субъективное содержание, существующее лишь для одного сознания. Творчество противоположно воспроизведению шаблонов, но шаблон – и есть проявление объективной реальности, ее воспроизведение. В творчестве мы находим реальное основание и его искажение: реальным основанием являются элементы, которые заимствуются из действительности: человек не может творить, не опираясь на действительность, основные принципы, формы он получает из опыта восприятия и мышления объективного. Затем происходит субъективное искажение, сознательное и бессознательное, которое изменяет эти элементы: в этом, в первую очередь, и заключается творческий процесс. Также к творчеству

⁴² Пойзнер, Б.Н., Соснин, Э.А. Указ. соч. С. 11.

применяют следующие описание: взгляд на привычные вещи с другой стороны, так называемое «удивление». Значит, человек в творческой деятельности обращается к идеальным объектам, противопоставленным объективной действительности.

Несводимость к материалу, операциям с ним и логическим выводам подчеркивает как новизну, так и идеальность творческой деятельности, кроме того, подводя и к личности. Материальное воплощение творчества также претендует на объективную реальность, в которую включен субъективный элемент, но не является определяющей составляющей: одна и та же новая идея может быть воспроизведена в разных носителях, хотя зачастую выбор материи также входит в состав идеальной задумки.

Личность творчества, как уже было показано, является главной чертой отличающей творчество человека от развития природы. В том новом, что создает человек, всегда остается отпечаток его субъективности. Это касается даже научного и технического творчества: разные субъекты решают разными способами одни и те же задачи; субъективность определяет направленность научных теорий или способы реализации технической задачи. В качестве искажающего реальное основание фактора выступают именно особенности личности субъекта. Из этого проистекает и присущая творчеству уникальность: субъект творчества уникален, поэтому продукт творчества неповторим. Неповторим, прежде всего, другим субъектом, и тем более, не воспроизводим в отсутствие субъекта, но также не воспроизводим повторно, ввиду небольших изменений, постоянно происходящих в самом субъекте.

Н. Бердяев подчеркивал реализацию в творчестве свободы человека⁴³. Творчество – проявление свободы, как область независимости от окружающих, так и недетерминированности естественными причинами. В этом проявляется возможность творческой деятельности к преодолению объективности. Творчество не обусловлено напрямую детерминантами внешнего мира, не зависит от них и не выводится из них. Как и иллюзия, творчество может не

⁴³ Бердяев, Н.А. Указ. соч. С. 200.

ограничиваться существующими законами природы и логики, дает выход к более широким картинам явлений⁴⁴: миры, которые могут создаваться в некоторых видах творческой деятельности, предоставляют почти безграничные возможности. Единство способности к творчеству и к подмене объективного мира субъективным в наибольшей степени находит отражение в создании виртуальных реальностей, которые будут подробнее рассмотрены во второй главе.

В реализованной в материи форме творчество не столь всемогуще, однако и во внешней практике человек может перестраивать реальность в соответствие со своими мыслями.

Подобные параллели позволяют предположить, что способность человека к творчеству происходит из способности воспринимать и мыслить то, чего нет, подменять внешнюю реальность внутренней. Творчество, таким образом, становится некоторой сознательной (или не полностью сознательной) ошибкой, без которой творить было бы невозможно. Искусственный интеллект не может творить, так как не может ошибаться. А если может ошибаться, то эти ошибки являются отклонением от естественного хода, которые, скорее всего, просто прервут программу. С этой точки зрения интересна мысль П.В. Симонова, что творчество не может быть полностью познано и рассчитано, сведено к набору закономерностей, так как подобно процессу эволюции оно основано на случайных изменениях⁴⁵. И эволюция (с точки зрения дарвинизма) и творчество основаны на отклонениях от нормы, новое возникает из ошибок. И если в эволюции такие ошибки являются случайными мутациями, то подобную роль в творчестве выполняет указанные искажения действительности.

Возражением против возведения творчества к способности к созданию подменяющих действительность идеальных объектов может служить следующий аргумент: человек не всегда властен над своей иллюзией, но творит всегда сознательно. Но подобная позиция не совсем верна, так как в творчестве

⁴⁴ Лук, А.Н. Мышление и творчество. М.: Политиздат, 1976. С. 36.

⁴⁵ Симонов, П.В. Изучение процессов творчества и психический мутагенез // Творческий процесс и художественное восприятие. Л.: Наука, 1977. С. 63.

присутствуют бессознательные аспекты. Автор выражает в своем произведении не только то, что хочет выразить, но и намного больше. Речь уже заходила о личности, о неизбежном внесении элементов личности автора в произведение. Именно эти бессознательно вносимые элементы и делают явление творчества недоступным для, например, искусственного интеллекта: у машины нет бессознательного, машина знает все, что в ней есть, человек же себя не знает. Кроме того, наличие в творческом процессе стадии озарения, указывает на то, что наиболее серьезная часть процесса происходит именно бессознательно: сознательные усилия не приводят к кардинально новому до тех пор, пока не наступает неожиданное осознание, напрямую не вытекающее из предыдущих мыслей. Творчество, таким образом, частично бессознательно, иллюзия же почти полностью основана на бессознательном. Таким образом, отношение к бессознательному не отдаляет иллюзию от творчества, а сближает их.

Из этого видно, что творчество, как деятельность, связанная с созданием нового, выступает в качестве проявления деятельности по созданию подменяющих действительность идеальных объектов. Разумеется, между ними не следует ставить равенства. Творчество часто рассматривается в осуществленном виде: в воплощенном в материи. До момента воплощения оно играет менее значительную роль в жизнедеятельности людей. Оно не подразумевает с необходимостью подмену объективной реальности; является осознанной и целеустремленной деятельностью; направлено на действительное преобразование и понимание объективной реальности. Тем не менее, способность посмотреть на статичное бытие с другой позиции, создание нового содержания без достаточного основания в окружающем, уникальность и личностность свидетельствуют о взаимосвязи иллюзии и творчества.

Человек — символическое животное. Среди попыток выразить сущность человека через сведение ее к одному атрибутивному свойству, особого внимания заслуживает определение человека как «символического

животного», данное Э. Кассирером⁴⁶. Другие феномены человеческого бытия рассматриваются как производные от способности к созданию символов: разумность человека является символической разумностью, противопоставленной практическому разуму животного⁴⁷; язык, искусство, религия и наука объявляются символическими формами культуры.

Необходимо уточнить понимание символа в данном исследовании. Оно близко к пониманию Кассирера, так как избегает двух крайностей: определения символа как конвенционального знака и как знака высшей реальности. Символ обращается к феноменальному миру, однако, не только отсылает к означаемому, но открывает человеку «мир значений»⁴⁸. Близко здесь определение А.Л. Доброхотова: «знак, предметное значение которого обнаруживается только бесконечной интерпретацией самого знака»⁴⁹.

Рассмотрим проявления способности к построению идеальных конструкций, подменяющих действительность, в отдельных аспектах бытия символа.

Двойственная структура символа. Символ рассматривается как диалектическое единство двух элементов: образа и значения или морфемы и метаморфемы⁵⁰. Эти две системы несколько различаются: под образом подразумевается физическое воплощение символа, значением является отсылка к означаемому вместе со всей бездной смыслов и интерпретаций; данным способом может быть описан любой знак. Система морфема-метаморфема описывает именно символ: морфема шире образа, так как включает в себя, помимо внешней формы, способ отношения к означаемому и отсылку к нему, что позволяет описать простой сигнал, как знак, состоящий только из морфемы. Метаморфему можно условно определить как поле интерпретаций, как идеи, стоящие за символом. Метаморфема также близка смыслу, в том виде, в

⁴⁶ Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 472.

⁴⁷ Кассирер, Э. Указ. соч. С. 479.

⁴⁸ Кассирер, Э. Указ. соч. С. 477.

⁴⁹ Доброхотов, А.Л. Символ // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 532.

⁵⁰ Свасьян, К.А. Проблема символа в современной философии (критика и анализ). М.: Академический Проект, Альма Матер, 2010. С. 104.

котором его отделил от значения Г. Фреге⁵¹. Хотя единство морфемы и метаморфемы неразрывно в символе, объединяя эти системы, можно представить следующую модель формирования символа: существующему образу придается значение, что формирует морфему и создает знак, а метаморфема, создаваемая для знака, делает его символом.

Хотя устоявшийся в культуре символ входит в объективную реальность, процесс его возникновения субъективен, а процесс утверждения в реальности культуры – конвенционален. Вливание субъективного содержания в существующий образ или существующую мысль приводит к искаженному восприятию и мышлению действительности. Символ представляет мышление содержания, объективно отсутствующего в данных мыслях или образах.

Природа означаемого. Означаемое – предмет, на который указывает знак или символ. Естественный ход мышления стремиться к поиску означаемого в чувственно-воспринимаемом мире, однако это не верно. Ф. Соссюр указывает, что означаемое – это понятие⁵², а не вещь; оно находится только в реальности мысли. Смысл и значение Фреге разводятся как понятие и вещь: символ в данном случае формируется смыслом. В случаях более простых форм знака, таких как сигнал, означаемое может сводиться к однозначному пониманию, но в символе оно неизбежно должно быть подвергнуто интерпретации: таким образом, еще до полноценных коннотативных ассоциаций индивидуальное сознание придает символу новые смыслы, искажая представление о денотате. Означаемое, таким образом, оказывается субъективно, а значит подвержено всем смещениям понимания конкретного субъекта интерпретации. Субъективность символа ослабляет его возможность выступать способом познания объективного.

Отношение к реальности. Проводя параллели между символической деятельностью и созданием идеальных конструкций, подменяющих объективную реальность, необходимо обратиться к связям символа с

⁵¹ Фреге, Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 231.

⁵² Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1977. С. 100.

реальностью. К.А. Свасьян частично приравнял взаимодействие формы и содержания к взаимодействию символа и реальности, а также указал четыре отношения между символом и реальностью: отражение, выражение, одновременное тождество и различие, несводимость⁵³. Проблема в том, что на соотношение формы и содержания можно посмотреть с двух позиций. Либо утвердить реальность образа, а содержание рассматривать, как его духовное наполнение; либо рассматривать, прежде всего, реальность денотата: в таком случае собственное бытие образа отходит на задний план. Получается, что в символе содержится двойное обращение к объективной реальности, но тем самым и двойное ее отрицание: форма иллюзорна, так как объект расценивается уже не как таковой, а как символ, а содержание иллюзорно, так как в символе денотат подменен означаемым, преграждающим путь к объективности денотата. Четыре отношения указывают, что символ отличен от реальности, но связан с ней: отражает реальность, хотя и искаженно, оказывается больше чем реальность, тождественен в исходных основаниях, но различен в конечном образе. Символ, таким образом, не выражает реальность, если под выражением понимать отсылку к объективности: иллюзия отсылает или к другому (относительно ожидаемого) или к несуществующему объекту, что является отличительной особенностью иллюзии.

Кроме того, если признать идею Кассирера, согласно которой, символы – единственная связь с реальностью, мы попадаем в берклианскую ловушку; только в обосновании существования «быть воспринимаемым» заменяется на «быть выраженным в символах». Если известны только символы, нет никаких оснований считать, что за ними стоит какая-то реальность, или что эта реальность такова, как мы о ней думаем.

Коннотативный уровень символа. Выше символ рассматривался только на денотативном уровне, включающем денотат и первичное, буквальное осмысление означаемого. Но символ также имеет коннотативный уровень: дополнительные смыслы и значимые ассоциации, которые существуют, прежде

⁵³ Свасьян, К.А. Указ. соч. С. 135.

всего, в культуре, но могут иметь особенности для групп или индивидов. Проблема коннотата в том, что он не просто не соответствует реальному предмету в том же смысле, в котором следует различать означаемое и денотат. Коннотат содержит то, на что в денотате может и не быть указаний. Например, животные, ассоциируемые с человеческими характерами (заяц, лиса, осел), этими характерами не обладают (хотя что-то в их поведении и может вызвать такую ассоциацию, ясно, что такое поведение – следствие инстинкта, а не характера). Коннотация окончательно разрывает символ и реальность: не столько в том, что ему, означаемому, приписываются ассоциативные свойства означаемого, сколько в приписывании коннотации самому денотату. Коннотация иллюзорна по своему характеру, но иногда порождает еще большие иллюзии, когда люди начинают видеть связь коннотата и денотата, которой нет (когда зайца действительно считают трусливым, а лису хитрой). Еще сильнее мы отдаляемся от объективного, если принимаем и третий уровень отношения символа и референта – мифологический, в конечном счете, символ, через совокупность коннотаций отсылает к некоторому сложившемуся мифу.

Бесконечность интерпретации знака. В приводимом выше определении указано, что значение символа раскрывается в бесконечной интерпретации самого знака. Данное указание содержит сразу два важных смысла: бесконечность интерпретации и отношение интерпретации к знаку, к единству означаемого и означающего, а не к самому денотату. Второе вновь уводит от объективности: интерпретация, лежащая в основе знака не является интерпретацией действительности. Объективная реальность основана на наличии действительного объекта и попыток его истолковать и познать. Здесь же толкование относится к иной, существующей только в сознании реальности. Толкование иллюзий порождает иллюзии. Следует подчеркнуть, что в обыденной жизни человек не задумывается над различием означаемого и денотата и относится к содержанию знака как к отсылке к реальному объекту; следовательно, когда человек формирует свою реальность через ее истолкование, он обращается не к тому основанию. Бесконечность

интерпретации указывает на неустойчивость, постоянное изменение и расширение смысла символа: формируется множество реальностей, которые не могут быть истинными одновременно. Интерпретация символа оказывается созданием новой реальности вместо открытия существующей.

Тогда символ — иллюзия, имеющая лишь опосредованное отношение к действительности. Возможно, А. Бергсон прав, что символ — «пыль», препятствующая познанию вещей-в-себе, что символизм не дает созерцания своего предмета.⁵⁴ Однако было бы поспешным стремиться избавиться от этой «пыли», так как прав и Э. Кассирер, видящий в символической деятельности единственный путь познания, опосредующий доступ к реальности.⁵⁵ Как и в случае с априорными формами И. Канта, иллюзия и познание имеют корни в одном источнике и неотрывны друг от друга, подобно тому, как адвайтистская Майя, условие всякого заблуждения, объявляется «переправой» к высшей реальности.⁵⁶

Данные аргументы приводят к мысли, что символическая деятельность не только связана со способностью к созданию идеальных конструкций, подменяющих действительность, но и происходит из нее. Однако между этими свойствами существуют существенные различия, более подробно рассмотренные в контексте сопоставления иллюзии и символа в параграфе 1.2.

Человек разумный. Указание Кассирера на символичность разумности человека заставляет искать проявления подменяющих действительность идеальных объектов и в рациональном познании. Разум, указывается, как существенная черта человека уже в названии биологического вида *homo sapiens*. Данная способность приходит на ум ищущего определение человека раньше, чем символическая деятельность или творчество.

Здесь мы говорим о разуме, как о самой способности к познанию, а не о науке (ее несоответствие объективной реальности исследуется во второй главе). Вышеуказанные особенности символической деятельности уже подразумевает

⁵⁴ Бергсон, А. Указ. соч. С. 12.

⁵⁵ Кассирер, Э. Указ. соч. С. 471.

⁵⁶ Игнатъев, А.А. Калика-пурана. Главы 1—20. Калининград: Санатана Дхарма, 2006. С. 28.

распространение их и на познание, но здесь будет рассмотрен особенный аспект: разумное познание, как формирование понятий и идей, независимость его от объективной реальности.

Мы рассматриваем, прежде всего, разум, как способность, стремящуюся к преодолению границ познания, но также и рассудок (если признавать указанное И. Кантом различие) в той степени, в которой он формирует общие понятия. Б. Рассел видел основное отличие человеческого познания от животного именно в преодолении «любопытства» о конкретных предметах и выходе к абстрактному мышлению⁵⁷. Эта составляющая познания действует по законам создания символа, с учетом всех выявленных особенностей.

Философское осмысление абстрактного мышления возникает в учении Платона об идеях. Идеи Платона или универсалии средневековых реалистов – реальные сверхчувственные сущности, отражающиеся в бытии конечных предметов. До тех пор, пока общие понятия рассудка и идеи разума отсылают к действительному бытию иного порядка, они служат опорой истинного познания объективной реальности. Вопрос о подмене ее субъективным возникает при переходе к номиналистической точке зрения, являющейся ведущей парадигмой современного рационального познания. Согласно номинализму, общие понятия существуют только в уме и речи; последовательный номинализм (напр., учение Дж. Беркли) полностью отрицает бытие общего. Универсалии оказываются не более чем удобным средством познания конкретного. В таком случае в реальности и мышлении возникает расхождение: мышление обладает содержанием, не наличествующем в реальности.

Понятие — мысль, объединяющая объекты на основании общих свойств. В отличие от общего понятия, общего объекта не существует: не возможно найти «человека» вообще, есть только конкретные люди. Что усугубляет ситуацию, «человека» даже невозможно представить, так как представляется конкретный человек. Существующего объекта, соответствующего понятию не

⁵⁷ Рассел, Б. Словарь разума, материи и морали [Электронный ресурс] URL: <http://www.harc.ru/rassel/738.html> (дата обращения 17.10.2013).

только нет, его физическое воплощение не возможно, также как невозможен квадратный круг. Однако реальность не обязательно должна выражаться в конкретных объектах: понятие отражает реально существующие свойства. Тем не менее, и свойства предметов так же выделяются человеком: само свойство – уже абстракция, так как в действительности мы имеем дело с цельными объектами.

И. Кант подробно разбирает вопрос конструирования образов, схем и понятий: он показывает, как реальность создается активными действиями сознания⁵⁸. Он начинает с научных понятий, среди которых находит идеальные объекты, не существующие в реальности; наука изучает их, а не эмпирические объекты. Даже единичный предмет должен воссоздаваться сознанием заново, чтобы стать своим представлением, общее же понятие вовсе не дано в опыте. Конструирование понятий основывается как на трансцендентальных основаниях, так и на уже возникших понятиях. Это принижает ценность познания: аналитические суждения оказываются бессмысленными, так как обращаются к анализу искусственных конструкций; умозаключения подчиняются «логике видимости». Познавательная деятельность не может достигнуть вещей-в-себе: она направлена на искусственный мир явлений.

Возражением может послужить сомнение в правдоподобности понятия: человек (если он не реалист) не будет искать в реальности абсолютного человека. Тем не менее, это не мешает сходству мыслительной деятельности с идеальными реальностями, наподобие реальностей искусства: чтобы использовать искусственные конструируемые в познавательной деятельности, надо в некоторой степени верить в их реальность.

Еще сложнее дело обстоит с идеями разума и ценностными понятиями. Ценностная характеристика придается вещам человеком. Следующая степень абстракции, платоновские высшие идеи, такие как справедливость или благо, еще сильнее оторваны от реальности.

⁵⁸ Кант, И. Указ. соч. С. 125.

Что касается кантовских трех групп идей: космологических, психологических и теологических, их соответствие действительности невозможно проверить. Говорить здесь однозначно об их противопоставлении объективному – значит отвергать существование души, Бога и мира как целого, а для подобного шага нет достаточного основания. Проблема заключается не в том, что Бог или душа – иллюзия, а в том, что представление о них основано лишь на действии разума, без контакта с теми или иными данными: понятие душа отсылает к представлению о ней в культуре, а не к настоящей душе, которая не известна. Идеи разума и некоторые понятия рассудка оказываются похожи на иллюзию в определении Ю. Багаева⁵⁹, либо на симулякр: они — знаки, которые отсылают не к тому денотату, о котором заявляют, искажающие сущность своего предмета. Тем не менее, разумность отличается от способности к созданию идеальных объектов, подменяющих объективные, своей направленностью на познавательную цель, независимо от возможности ее достижения.

Рассмотрим кратко другие катафатические определения человека

Человек, как **животное, производящее орудия**. Помимо общей необходимости в творческой деятельности, создание орудий труда требует наличия способности к созданию подменяющих действительность идеальных объектов в двух моментах: при производстве и при использовании. Применение орудия труда требует субъективного изменения собственной схемы тела, для формирования единства с инструментом (подробнее это будет рассмотрено в связи с определением человека как недостаточного существа). Процесс же производства требует иллюзорной постановки предмета деятельности в ситуацию, в которой он обычно не существует. Это возможно только благодаря искажению образа предмета деятельности.

Человек **играющий** — строго говоря, не совсем определение, так как, во-первых, к определенным формам игры также способны животные, во-вторых, Й. Хейзинга не пытается свести к игре сущность человека, однако указывает на

⁵⁹ Багаев, К.Ю. Иллюзия [Электронный ресурс] URL: <http://www.philosophydic.ru/illyuziya> (дата обращения 27.11.2013).

игровую природу культуры и большинства ее явлений. Однако игровая деятельность становится более существенной в определении человека, если различить человеческую и животную игру. На наш взгляд, игра животного не содержит всех основных признаков игры, а именно в полной мере не выражает признак особого пространства и времени игры⁶⁰: для этого необходима возможность выхода в иллюзорную реальность (как будет рассмотрено во второй главе). Человеческая же игра является, прежде всего, переходом в особую игровую реальность. Человеческая игра как деятельность свободная и творческая, и заключающаяся в преодолении объективной реальности, также может происходить из способности к созданию подменяющих действительность идеальных объектов, а значит, определение человеческой культуры как преимущественно игровой, свидетельствует о главенствующей роле этой способности в культуре. Однако игра всегда сохраняет принцип «как будто», тем самым оказывается неспособной к замещению объективной реальности.

Также стоит отметить, что в качестве ведущих черт человека нередко выделяют особые способности, связанные не столько с разумом и творческой деятельностью, сколько с духовной составляющей: человек, как **существо любящее** (М. Шелер) и **существо моральное**. И то и другое не следует однозначно сводить к подмене объективного субъективным, однако в этих определениях очевидно указание внеприродной сущности человека. Если за пределами естественного материального мира объективно существует то, что может послужить основой таким качества человека, как любовь и мораль — эти качества следует объявить действительными. Однако в случае отсутствия сверхприродного основания, они не вписываются в мироздание и могут быть объяснены как очередная попытка человеческого существа превзойти материю силой сознания, внося в бытие новые явления, объявив их действительность.

Человек, как мера всех вещей. Определение, приписываемое Протагору, не говорит явно о какой-либо способности, но скорее указывает на

⁶⁰ Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 34.

особое отношение человека с миром в контексте истинности: истину определяет человек. Данное определение может быть напрямую интерпретировано в контексте способности к созданию подменяющих действительность идеальных объектов. Человек живет в субъективной реальности, которую сам для себя создает: в таком случае он действительно оказывается мерилom всей доступной ему истины. Абсолютная истина, истина вещей-в-себе, разумеется, существует, но не доступна: человек познает части этой истины, но не имеет критерий для проведения различия между субъективным и объективным. Абсолютная истина незначима для человека, так как отсутствует в его реальности. Перефразируя, можно сказать, что человек — не «мера всех вещей», но, по крайней мере, «мера всех явлений», так как именно он ответственен за их существование.

Человек, как образ и подобие Бога. Данный принцип имеет значение не только для религии, так как, принимая Бога как идеал, а не как действительную сущность, можно получить и внерелигиозное определение. Богоподобие человека выражено как в данном принципе, указывающем на актуальную божественность человека, но так же в ожидании будущего обожествления, либо указание прошлого, утерянного совершенства (сохранение образа при утере подобия). Такое определение обнаруживается в религиозных текстах, у мыслителей Возрождения, а также вне контекста самой веры, как, например, у Л. Фейербаха. Данное представление укрепляет ряд вышеуказанных определений: богоподобие обосновывает разумное, творческое, моральное в человеке, так как это качества, присущие божеству. Однако божественное характеризуется не способностями, но совершенствами. Совершенства не достижимы для человека во внешнем мире. Однако человек обладает ими относительно реальности сознания и виртуальных реальностей: в реальности, которую человек субъективно создает, он всемогущ и всеведущ; осознанное и управляемое пространство идеального — область предельной свободы, в негативном ее смысле. Божественный акт творения, рассматриваемый, как единство мысли, слова и действия не доступен человеку в действительности, но

преобразование реальностей сознания действует именно так: обращение к идеальному не различает данных действий. Ниже будет рассмотрено тесно связанное с данным определением стремление человека к абсолютности, как основание для создания множественной реальности. Говоря конкретно о формулировке через «образ и подобие», интересно размышление Ж. Делеза о человеке, как симулякре Бога.

Способность человека к разумному познанию проявляется и в конкретных мыслях, свойственных лишь человеку, таких, как размышления о смысле жизни или осмысления себя как существа смертного. Человек, как существо, ищущее **смысл жизни**, скорее всего, изобретает его, так как не имеет доступ к знанию о своем истинном назначении. Согласно Э. Фромму, человек – «единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему». Вне религии попытки обнаружить объективный смысл человеческой жизни (как и смысл бытия вообще) обречены на неудачу: смысл жизни конструируется человеком, а затем постулируется в качестве имеющего объективные основания. Это не означает, что его поиски тщетны, но указывает на самосозидание человека: человек сам задает себе цель и решает, ради чего он живет, но при этом зачастую реифицирует ее, воспринимая как предзаданную объективную цель.

Человек, как существо, **осознающее свою смертность**, в чем, согласно Б. Паскалю «мыслящий тростник» обнаруживает свое превосходство над вселенной, кажется, находит объективную опору в неизбежности окончания своей жизни. По крайней мере, мистическая парадигма рассматривает смертность как одну из главных иллюзий: представляя человека, как существо бессмертное, необходимо признать, что смертность его обусловлена его собственным осмыслением, как смертного.⁶¹ Однако и при объективности смертности, она является хотя и не следствием, но одной из причин построения ряда замещающих действительность субъективных конструкций: согласно З. Бауману, культура и все ее достижения образованы стремлением человека

⁶¹ Например, согласно К. Кастанеде, принцип начала и конца действителен только для привычного человеку мира явлений, однако существует множество миров, исходящих из принципа вечности.

создать кажимость своего бессмертия. Религиозные и мифологические представления, а также ложное внутреннее ощущение невозможности своей смерти весьма распространены. Кроме того, осознание смертности выводит человека на уровень приобщения к трансцендентному, так как в отличие от умирания, смерть не имманентна миру. Подробнее проблема трансцендентности человека рассмотрена в связи с апофатическими определениями.

Стоит заметить, что описываемый М. Шелером выход человека за пределы действительности и ее закономерностей является отвержением природной нормы, что заставляет считать человека существом безумным. Так Т. Лессинг называет человека «свихнувшейся обезьяной». Согласно Ю.М. Бородаю, каждый человек в определенной мере является носителем аутистического мышления, под которым он понимает проецирование на окружающий мир своей внутренней (как индивидуальной, так и навязанной в воспитании) логики, в противоречие фактам⁶². Человек преобразует окружающую реальность согласно своим представлениям ей не соответствующим (которые сами составляют самостоятельную реальность).

На наш взгляд определения человека как **животного социального** или полисного не столь важны, так как сам факт коллективной деятельности встречается и у животных, а особые, свойственные только человеку, отношения, складывающиеся в этой деятельности, скорее объясняются иными способностями, прежде всего, символической деятельностью. Хотя нельзя не отметить коллективные иллюзии человека, как дополнительный фактор устойчивости общественной структуры.

Все атрибутивные свойства, выраженные в катафатических определениях, взаимозависимы, взаимообусловлены и, в основном, могут быть сведены друг к другу. Поэтому каждое может выступать в качестве первичного, демонстрируя человека в его одном конкретном аспекте: например, мы можем

⁶² Бородай, Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М.: ИФ РАН, 1994. С. 84.

говорить как о символичности разумности, так и о создании символов средствами разума.

Итак, основные катафатические определения человека свидетельствуют об обладании им способностями, тесно связанными со способностью к созданию идеальных конструкций, подменяющих объективную реальность, предположительно, основанными на ней. Существует множество иных определений и, хотя они менее ярко отражают иллюзорную сущность человека, в них также могут быть найдены на нее указания. Ярким примером может послужить с первого взгляда отрицающие любые идеалистические проявления определение человека, как самозаводящейся машины, однако если сместить внимание на акт самозаведения, оно также указывает на свободу человека в отношении самого себя, осуществляемую лишь в пространстве сознания.

Апофатические определения человека. Основными сторонниками апофатической традиции определения человека можно считать экзистенциалистов и представителей школы философской антропологии. Согласно Ж.-П. Сартру, основной принцип и основное достижение экзистенциализма заключаются в утверждении того, что «существование предшествует сущности»⁶³, из чего проистекают указанные апофатические характеристики человека и из чего делается вывод о несуществовании «человеческой природы». Тем не менее, эти утверждения основаны на более ранних и менее радикальных идеях, с которых и следует начать рассмотрение, двигаясь от очевидного к сокровитному, от простого к сложному, от конкретного к абстрактному. Поэтому восходить к бессущности и неопределимости следует, начиная от наиболее связанной с материальным миром характеристики: неадаптированности человека к окружающей среде.

1. Неадаптированность и недостаточность. Неадаптированность человека к окружающему миру давно указывалась мыслителями. Так, еще Григорий Нисский в труде «Об устройении человека» писал, что начальником над всем естеством Бог сделал самое слабое и беспомощное существо, которое

⁶³ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 321.

существует только за счет подчинения себе природы⁶⁴. Действительно, если бы человек в своей жизни действовал так же, как животные, он не смог бы выжить в конкуренции с ними. Человек – самое неприспособленное к природе животное, который нуждается в превосходящем материю свойстве, которым не обладают другие животные, чтобы продолжать существование. Обыкновенно способностью, позволяющей компенсировать недостаток физических качеств инструментами, изобретениями, социальными отношениями и др., объявляются «труд», «разум», «творчество». В таких случаях упускается фактор «подручности»⁶⁵ используемых и преобразуемых вещей, включенности их в человеческое бытие и, кроме того, подмеченное мыслителями заимствование человеком приемов самой природы (начиная с «подражания» у Демокрита⁶⁶). Приспособление носит имитативный характер, используемые предметы и отношения вливаются в человеческое естество как его часть, имитируя и этим восполняя отсутствие того или иного свойства. Для того чтобы человек воспользовался острым камнем как оружием в борьбе с хищником, он должен исказить свой взгляд на себя, этот камень и свое с ним единство. По природе, человек — слабое существо, которое не может дать отпор хищному зверю. Камень — пассивный кусок вещества. Знание гипотетического первочеловека, составляющее в его понимании объективную реальность, указывает ему на очевидную невозможность системы человек-камень победить хищника. И с точки зрения рассудка, такая возможность никак не выводится. Если бы человек был обыкновенным природным существом, это было бы верно. Однако в системе человек-камень есть сила, и для открытия этой силы человеку не хватает того субъективного факта, который дал бы мотивацию к открытию ее. Это не разум, так как разум тесно связан с объективной реальностью и ее поддержанием, и в данном случае он подсказывал бы, что единственный шанс на спасение – бегство. Требуемый факт сознания заключается в искаженном мышлении о действительности. Человек должен извратить свою реальность,

⁶⁴ Григорий Нисский. Об устройении человека // Творения Святаго Григория Нисскаго. М.: Типография В. Готы, 1861. Часть 1. С. 93.

⁶⁵ Хайдеггер, М. Бытие и Время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 69.

⁶⁶ История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-ти томах, Том 1, М., «Искусство», 1962, С. 86.

превратив систему человек-камень в систему хищник-коготь. Как бы мы ни определили этого исходного человека, человек-с-камнем уже не считает себя им: теперь он считает себя хищником, способным конкурировать с другим хищником, как с себе подобным. Разумеется, система человек-камень не иллюзорна и, принимая роль «хищник-коготь», обладает объективной силой. Однако само принятие этой роли – следствие изменения представления о реальности. Победа человека-с-камнем над хищником невозможна по законам объективной реальности, теперь же она становится возможна, так как человек, приняв иллюзию, претерпевает изменение. Также происходит и при создании новых состояний и отношений. Таким образом, чтобы создать вещь или отношение или чтобы воспользоваться ими, человек нуждается в субъективном представлении этой вещи, иллюзорной роли для себя и иллюзорном отношении, их связывающем.

2. **Бездомность.** Здесь мы рассматриваем бездомность как общую характеристику человека, а не как указываемый М. Бубером отдельный этап существования человечества. Будучи специализированными в отношении конкретной деятельности и среды, все природные существа и явления имеют конкретное место в мироздании - как конкретную среду, так и конкретную роль в поддержании мира. Человек же не имеет ни места, ни роли, ни экологической ниши. Этот вывод более сложен, чем идея неадаптированности, но, скорее, отсутствие места в мире служит причиной неадаптированности, а не наоборот. Если посмотреть на деятельность современного человека, очевидно, что он имеет особое влияние на природу, и теперь, если человек вдруг исчезнет, для природы многое изменится. И, тем не менее, если бы человек исчез на более раннем этапе своего развития, природа бы не изменилась: ни бытие, ни небытие человека миру не нужны. Человек скорее вносит в мир дисбаланс, в то время как остальные существа гармонично встроены в него. Получается, что материя, «объективная реальность», которая «отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»⁶⁷, отвергает человека. Человек – существо,

⁶⁷ Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 131.

обладающее материей и духом, но природа не приемлет духовное. Неизвестно, есть ли дух у природы: в природе, возможно, присутствует информация, а это уже нематериальная составляющая. Но есть ли дух в природе или нет, его существование было бы излишним, так как внечеловеческий мир может быть объяснен законами материи. Таким образом, все, что не обладает материей, ложно для мира. Материя – объективная реальность, и все, что не материя нереально. Для мира в человеке существенна и истинна его телесная природа, которая, в отличие от духовной, не имеет места в мире не потому, что чужда ему, а потому, что, как было указано выше, не приспособлена к нему. Относительно материи всякая мысль – то, чего нет, искажение действительности. Человек, безусловно, способен к поиску своего места в мире: он даже нередко находит его. Человек может считать себя микрокосмом, высшим и завершающим творением или же животным, таким же, как остальные. Но, если можно так сказать, мир не считает его таковым. Человек не микрокосм, он играет роль микрокосма, обманывает себя, что он им является. «Если вселенная внезапно лишается как иллюзий, так и познаний, человек становится в ней посторонним»⁶⁸. Разница между «эпохами обустроенности» и «эпохами бездомности»⁶⁹ тогда заключается в том, создает ли человек видимость своей обустроенности или честно сталкивается со своей бездомностью. Сама множественность противоречащих друг другу способов вписаться в мир уже говорит о том, что большая часть из них не соответствует действительности. Не только человеческое бытие не действительно для материи, но и человек, пытаясь найти свое место в мире, создает себе иллюзорные роли.

3. Зброшенность. Данная характеристика человека призвана расширить и усилить значение его бездомности. Говоря о заброшенности, мы выходим за пределы ее понимания Хайдеггером, подчеркивая не только то, что человек заброшен в мир, но и то, откуда он в мир заброшен. Зброшенность, в данном

⁶⁸ Камю, А. Миф о сизифе. Эссе об абсурде // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 26.

⁶⁹ Бубер, М. Проблема человека // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 165.

понимании, означает, прежде всего, принадлежность человека иному миру, при отвергнутости от этого иного мира или вовсе при отсутствии его. Таким образом, можно условно говорить о трансцендентности человека. Представители атеистического экзистенциализма выводили заброшенность из отрицания Бога⁷⁰: человечество одиноко и самостоятельно перед лицом мира, в котором ему нет места. Для верующих заброшенность связана именно с существованием Бога и является давно известной истиной, кроме того, в религиозном подходе заброшенность-из-иного рассматривалась в большей степени, чем заброшенность-в-мир. Принцип изгнания идет из иудаизма, не столько в связи с историческими неудачами еврейского народа, сколько из идеи грехопадения: человек отвергнут от божественного и низвергнут в тленность. Таким образом, человек не только не имеет места в мире, но и по естеству не должен этим местом обладать. Здесь необходимо два отдельных рассмотрения, зависящих от того, действительно ли человек принадлежит некоему высшему миру или нет. Рассмотрим тот случай, в котором этого высшего мира нет: человек все равно противопоставлен окружающему миру, так как считает себя не принадлежащим ему. Чтобы преодолеть осознание своей смертности (З. Бауман), в поисках смысла, который скрыл бы абсурдность существования (А. Камю), чтобы сдерживать порывы своей естественной природы (З. Фрейд), человек решает, что он выше природного мира, ближе к богам, чем к животным, и в этом он противопоставляет себя миру. Если это не так, если человек – всего лишь высокоразвитый примат, он живет в постоянной видимости своей трансцендентности. Но подобная посылка влечет не только субъективные, но и объективные следствия: будучи уверенным в своей иномирности, человек действует в соответствии с ней, ведя себя не как животное, а как пришелец из другого мира, которым он вследствие этого и становится. Нельзя считать, что отнесение человека к иному, высшему миру — удел верующих и мистиков. Самый убежденный атеист противопоставляет человека природе как существо разумное, говорящее, познающее само себя, по

⁷⁰ Сартр, Ж.-П. Указ. соч. С. 327.

какой-либо причине возвышающееся над мирозданием. Если же принадлежность к божественному миру на самом деле имела место, то нынешний человек уже не принадлежит к нему: он лишился ее и был отрезан от иного мира. И его заблуждение тогда заключается в вере в то, что он не изменился, столкнувшись с брэнной материей, подпитываемой нежеланием смириться со своим падением.

На данном этапе мы переходим от катафатических характеристик, связанных с апофатическими, к самим апофатическим, первой из которых мы назовем несводимость.

4. Несводимость. Из вышеуказанного следует, что человек чужд миру, не необходим для его существования, не имеет места в нем, неприспособлен; тем не менее, создает идеальные конструкции, позволяющие приспособиться и хотя бы верить в то, что он к этому или другому миру относится. Человек ищет себя и в этих попытках находит себя в конкретных своих проявлениях. Потребность человека в самопознании возникает именно из-за отсутствия очевидности, которая присутствует в сущности природных существ. Эта потребность ведет к попыткам описания себя человеком: на уровне обыденных представлений — через занятие, положение и социальную роль конкретного лица, а на уровне философского осмысления — через конкретную свою функцию или феномен. В первом случае речь идет о представлении конкретного лица о себе как о враче, крестьянине, отце и др. без дальнейших обобщений: человек, не склонный к абстрактному мышлению будет довольствоваться этим. Мыслитель будет искать место человека в мире, определяя его как существо «политическое», «мыслящее», «обещающее», «играющее», выделяя одну сторону человеческого естества как его центральное качество. Однако человек – существо многогранное, несводимое к отдельным своим проявлениям. И здесь иллюзорность человеческого восприятия и мышления проявляется двояко. С одной стороны, любые предикаты к человеку, такие как «врач» или «отец» обладают меньшей укорененностью в бытии, чем «человек», стоящий за ними, они – части эмпирического «Я», которое слишком субъективно и слишком

изменчиво, чтобы служить прочным бытийственным основанием. Что касается способностей и свойств человека, таких как мышление, творчество и игра, они были рассмотрены выше. Если же принцип несводимости принять за посылку, то это еще больше принижает реальность отдельных проявлений человеческого бытия, так как нивелирует их действительность: если они не определяют сущности, они теряют значимость и смысл. С другой стороны, вновь встречается столкновение действительного и желаемого: человек стремится найти себя и ради этого ограничивает свою безграничность, сводя свою сущность к отдельным феноменам своей жизни.

Но несводимость не значит невозможности определения. Она еще подразумевает определение человека во всем многообразии его проявления, но не может найти подходящего способа.

С несводимостью тесно связана **непредопределенность** человека. Конкретный человек, разумеется, включен в причинно-следственные связи мира. Можно утверждать свободу человека, как это делал И. Кант⁷¹, указывая на двойственность природы, но сложно отрицать такие явления, как детерминированность собственной психикой. Обнаруживается решение этого парадокса. Человек, в своем надмировом существовании, не может выступать ни причиной, ни следствием; он оторван от бытия. Необходимо быть определенным, чтобы быть predeterminedным. Человек оказывается predeterminedным в той же мере, в которой он сводит себя к своим проявлениям: predetermined он в конкретных ролях, конкретных определениях, которые он для себя придумывает. Но, как мы увидели, эти роли не действительны. Тогда человек сам не predetermined, predeterminedены его идеальные образы: человек находится в причинно-следственных взаимодействиях или движим некоторой судьбой только тогда, когда принимает недействительную роль.

5. Неопределимость. Возникает вопрос: возможно ли определить человека в условиях несводимости его к одному из своих проявлений, равно

⁷¹ Кант, И. Основоположения метафизики нравов // Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 4. М.: ЧОРО, 1994. С. 234.

как к совокупности всех своих проявлений, что противоречило бы принципу эмерджентности: человек больше суммы своих составляющих. Отсутствие места в мире, неверность любого конкретизирующего определения указывает, что человек неопределим. Необходимо понять, в чем смысл неопределимости, для чего надо выяснить, в чем сама суть определения. Согласно современному пониманию, определение — «логическая процедура придания строго фиксированного смысла терминам языка»⁷²; такое понимание подчеркивает условность определения и, если исходить из него, человека все же можно определить, однако это не приблизит к его пониманию. Связь с действительностью, несводимую к конвенции, показывают представления об определении древнегреческих философов. Для Сократа и Платона определение – путь к миру идей, лежащих в основе вещей; оно дается не чувственно-воспринимаемому, а самой его идее⁷³. Аристотель указывает, что определение обнаруживает сущность бытия вещи⁷⁴. Таким образом, определение – поиск сущности, природы, идеи, попытка дойти до вещи-в-себе, а невозможность его дать указывает на отсутствие сущности.

Именно отсутствие сущности стоит за утверждением, что «существование предшествует сущности». Человек просто дан существующим, а не создан с конкретными свойствами и целями. Формулировка «природа человека» подразумевает наличие места в мире, которого, как было выяснено, у человека нет. Обычно форма, сущность вещи определяется функционально, вещь тогда соответствует своей сущности, когда полноценно выполняет свои функции, но у существования человека также нет и очевидной цели.

Можно сказать, что в сравнении с другими существами, предметами и явлениями человек не реален, так как находится в подвешенном, не укорененном в бытии состоянии. Конкретный человек действителен хотя бы в своей телесности, в этом смысле он объективен, он часть материи. Но если бы природа человека существовала, она была бы отлична от его животной

⁷² Бочаров, В.А. Определение // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 154.

⁷³ Аристотель. Метафизика // Сочинения в 4 т. Т.1. М.: Мысль, 1976. С. 79.

⁷⁴ Аристотель. Указ. соч. С. 154.

телесности. Таким образом, мы можем сказать о человеке «существует», но не можем сказать, «что» существует. Как указывал Сартр, человек есть ничто.

6. Создание себя. Отрицательные описания неопределенности и отсутствия сущности приводят к утверждению человека, как создающего самого себя. В эпоху Возрождения возникла мысль о сотворчестве Бога и человека в отношении человеческой сущности; Бог начал его сотворение, но закончить его должен сам человек, выбрав, кем ему быть: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь»⁷⁵. Или можно обратиться к современной мысли: «человек есть усилие быть человеком»⁷⁶ — это указывает на самосозидание человека. Человек реагирует на свою бессущность попытками сформировать себе сущность, придать себе форму. Но здесь и возникает вопрос столкновения субъективной и объективной реальности. В определении самого себя человек сталкивается с объективностью, которая противостоит этому: объективно человек — это человек, даже если данное понятие не отсылает ни к какой сущности; он не зверь, не ангел, не демон, не Бог. С точки зрения действительности, человек не может себя создать, так как он уже существует в определенном виде. Совершенствуясь, человек физически остается неизменным. И, тем не менее, мы видим создание человеком самого себя через определение себя, через наделение себя сущностью, определенностью, ролью и местом в мире — всем, чего человек лишен. С одной стороны, имеет место метод сведения к одной черте, истинность которого была опровергнута принципом несводимости; с другой — человек приписывает себе совершенно необычные сущности: центр мироздания, микрокосм, образ и подобие Бога. Возможно принятие сконструированной сущности в качестве идеального состояния и стремление к ее достижению через духовные практики: но и выбор этого пути остается за человеком. Такой путь уже подразумевает определенное представление о самом

⁷⁵ Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология. Т.1. М.: Искусство, 1981. С. 249.

⁷⁶ Мамардашвили, М.К., Пятигорский, А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 119.

себе, которое не может быть истинным или ложным: человек сам творит его⁷⁷. Человек может работать над достижением новой сущности или над ее подтверждением, он может действовать так, как будто это его истинная сущность, но объективная реальность по-прежнему не признает его измененным. Мнение человека о самом себе – прежде всего иллюзорный образ себя. Человек считает себя не тем, кто он есть, а тем, кем он хочет быть. Сила этих иллюзорных образов такова, что нередко спасает обывателя от экзистенциального кризиса: многие люди точно «знают», кто они, и не задумаются над вышеуказанными особенностями человеческого бытия. Массовый поиск своей сущности, выходящий за рамки интеллектуальной среды, может возникать только в моменты смены культурных парадигм, когда старое представление о человеке разрушается, а новое еще не возникает.

И, тем не менее, особенность человека такова, что построения его сознания не могут оставаться только в субъективном представлении, не влияя на объективный мир. Человек всей своей деятельностью утверждает содержание своего сознания вне себя. Иногда он просто действует так, как будто его субъективные построения реальны, иногда, частично осознавая их нереальность, пытается всеми силами воплотить эти конструкции в жизнь. Таким образом, осуществляется выход за рамки субъективности носителя. Объявляя себя «политическим животным», человек не только живет этой иллюзией, но и устанавливает такие отношения, по которым и сторонний наблюдатель подтвердил бы эту гипотезу.

Из рассмотренного проистекает парадоксальный вывод: из основных статусов идентичности (согласно J. Marcia⁷⁸: moratorium, identity achievement, foreclosure, identity diffusion) диффузная идентичность (identity diffusion), состояние неопределенности ценностей, убеждений и целей, в наибольшей мере отражает иллюзорную природу человека. Достигнутая идентичность (identity achievement) — это принятие конкретного иллюзорного Я в качестве

⁷⁷ Хоружий, С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки. Вып. 8 Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002. С. 136.

⁷⁸ Marcia, J.E. Development and validation of Ego-identity status // Journal of personality and social psychology. №5. Vol. 3. 1966. С. 152.

единственного и неустранимого, в то время как диффузная, при всех ее негативных проявлениях, оставляет человека свободным и открытым для любого пути. Даже если человек более счастлив и психически здоров в статусе достигнутой идентичности, именно в диффузной он реализует неопределенность своей природы.

7. Незаменимость и неповторимость. Данные апофатические определения касаются уже не человека вообще, а конкретных личностей, которые уникальны. Чтобы провести путь от иллюзии к индивидуальности, можно обратиться к идее В. Франкла: незаменимость следует из несовершенства индивида⁷⁹. Идеальное состояние (которое в контексте данного рассмотрения можно считать свободой от принятия субъективного за объективное) является состоянием уравнивающей нормы, в условии которой не возможна уникальность. Хотя было бы крайностью утверждать, что личность человека недействительна, стоит задуматься над следующим: содержание сознания, подменяющее действительность, субъективно и служит превосходным основанием любой субъективности. И если личность и имеет некоторые объективные основания, то, по крайней мере, иллюзорное представление о себе, которому подвержено не только человечество, не только культура, но и отдельные люди, усиливает субъективный фактор, делая человека действительно уникальным, незаменимым и неповторимым.

Итак, рассмотрев отрицательные характеристики человеческого бытия, мы пришли к выводу об их верности: человек – существо, не имеющее природы, неадаптированное, неопределенное, не имеющее места в мире. Катафатические представления о человеке, обнаруживающие его сущность с апофатической точки зрения, иллюзорны, что ставит под сомнение сам катафатический метод.

Подмена элементов объективной реальности иллюзорными конструкциями не просто компенсирует экзистенциальные характеристики человека, не только успокаивает его, но и действительно создает его сущность:

⁷⁹ Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем./ Общ. Ред. Л.Я. Гозмана и Д.А.Леонтьева; М.: Прогресс, 1990. С. 197.

он начинает полностью соответствовать своей сконструированной сущности. Человек на протяжении своего исторического пути сменил множество искусственных образов: он был тем, кем хотел, но каждый раз при гибели и рождении культур этот образ сменялся другим. Единственное, что в человеке остается неизменным, кроме выявленных характеристик, – его способность к созданию пространства идеального и предпочтения его внешней действительности. Без этого существо, не обладающее сущностью, не смогло бы выжить.

Таким образом, катафатические и апофатические определения указывают атрибутивные свойства, с одной стороны, очевидно, присущие человеку, с другой стороны, находящиеся в противоречии между собой. Тем не менее, в них обнаруживаются общие тенденции и особенности: превалирование идеального над материальным, субъективного над объективным, трансцендентного над имманентным, самосоздание человека, определение человеком реальности, что указывает на наличие идеальных объектов, которые человек субъективно создает и изменяет, обладающих равной значимостью с объективной реальностью для человека, что позволяет ему представлять действительность согласно этим построениям. Способность к созданию этих объектов оказывается самостоятельным атрибутивным свойством.

Возникает закономерный вопрос: может ли быть так, что у человека все-таки есть сущность, наличие которой согласовывалось бы с апофатическими определениями. Выявленное в определениях атрибутивное свойство обращения к искаженной реальности может лечь в основу определения. Тогда человек – существо, создающее идеальные объекты, подменяющие элементы объективной реальности. В таком случае мы от апофатических характеристик приходим к единственной катафатической. Данное развитие мыслей идет по пути «отрицания отрицания»: в качестве исходного тезиса имеется множество катафатических определений, антитезис представлен апофатической традицией, синтез же заключается в определении человека через указанную способность. Противоречие апофатических и катафатически определений снимается в

данном понимании. Идеи человека как существа, создающего подменяющие объективные идеальные конструкции, и как неопределенного и несводимого существа взаимосвязаны и взаимообусловлены: иначе идеальная неопределенность человека непримирима с его опытом, в котором он определяет свою сущность.

Таким образом, из атрибутивных свойств человеческого бытия выводятся общие черты, указывающие на наличие у человека особой способности, с помощью которой он создает идеальные конструкции, предпочитаемые им в качестве замены объективной реальности. Необходимо выяснить, правомерно ли отождествить указанные идеальные конструкции с иллюзией, проявленной в исследованных подходах и общих для них философско-антропологических основаниях. В случае их совпадения мы можем говорить о способности к созданию иллюзии как атрибутивном свойстве человеческого бытия и о человеке как существе, способном к созданию, преобразованию и направлению иллюзии.

1.2. Иллюзия как антропологический феномен

В целях выявления антропологической роли иллюзии, а также утверждения способности к созданию иллюзии в качестве атрибутивного свойства человеческого бытия, необходимо сформировать философско-антропологический подход к иллюзии. Прежде всего следует выяснить положение иллюзии среди других идеальных явлений, а также отделить понятие «иллюзии» от схожих по смыслу понятий; затем выявить основные признаки иллюзии и сформулировать определение.

1.2.1. Место «иллюзии» среди смежных понятий. Исследование атрибутивных свойств человека показало, что человек – существо, создающее идеальные реальности и идеальные объекты, оперирующее не только материальным миром, но и миром духовным – внутренним миром сознания и бессознательного, наделяющее идеальные построения онтологическим,

гносеологическим и аксиологическим смыслом. Выявлена способность к созданию идеальных конструкций, предпочитаемых человеческим сознанием перед объективной реальностью, подменяющих собой ее элементы. Возникает задача выяснения сущности этих идеальных построений. Из формулировки следует, что искомая область должна не только играть центральную роль в большинстве проявлений человеческого, но и соответствовать следующим требованиям: 1. интерпретировать действительность; 2. формировать цельные реальности и соответствующие им представления человека о себе; 3. замещать, подменять и искажать объективную реальность.

Мы выдвинули гипотезу, что указанные идеальные объекты – это иллюзии. Для ее подтверждения и доказательства следует уточнить невозможность принятия на данную роль других идеальных объектов, обосновать соответствие самой иллюзии указанным признакам, а также отделить понятие «иллюзия» от схожих по смыслу, но не полностью синонимичных понятий.

Рассмотрим положение иллюзии в системе понятий, характеризующих устройство и особенности субъективного мира. Основная группа понятий описывает идеальные конструкции, которые составляют внутренний мир человека: образы, идеи, идеалы, мечты, абстракции, символы, виртуалы, галлюцинации, ошибки, заблуждения. Все указанные объекты существуют только в сознании, возникают как следствие деятельности мышления и восприятия.

Чувственный образ, «результат реконструкции объекта в сознании человека»⁸⁰ представляет собой именно акт интерпретации чувственно-воспринимаемой действительности. Если признавать, что чувства человека верно отражают действительность, образы необходимо признать копиями объективно существующих вещей. Однако мы не обладаем уверенностью в точности своих познавательных способностей, кроме того, образ может

⁸⁰ Фарман, И.П. Образ // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 128.

изменяться в результате наложения на восприятие присутствующих в сознании человека идей, убеждений, ассоциаций. Человек существует в чувственно-воспринимаемой реальности, которая в его представлении состоит именно из образов вещей, а не из действительных вещей. Образ формирует реальность и воспринимается вместо вещи-в-себе, его породившей. Однако невозможно понять, присутствует искажение или нет, действительно ли образ подменяет объект или полностью соответствует ему. Искаженность не является атрибутивной характеристикой образа.

Общие понятия, в отличие от образов, отсылают не к конкретным объектам, а к набору признаков целого ряда объектов. При том, что они также объясняют, систематизируют бытие, они сами по себе не составляют реальности, по крайней мере, такой, в которой человек мог бы существовать (теоретически они могут быть объединены в единое пространство наподобие платоновской Гиперурании, но такое пространство уже не может быть непосредственно дано человеку). Общая идея не может полностью подменить представление или восприятие материального объекта, так как имеет другую структуру, хотя и может повлиять на формирование образа, приписывая объекту определенные качества. Это касается и *абстрактных понятий*, которые сами не могут выступать в качестве образов объектов, но могут косвенно влиять на мышление о них. Как и в случае с образами, здесь отсутствует необходимость искажения: общие и абстрактные понятия могут соответствовать свойствам и группам, которые они должны отражать.

Образы и идеи, хотя замещают в сознании объекты и их свойства, в отличие от иллюзии, стремятся к максимальному соответствию действительности.

Представления, сходные с чувственными образами, но не имеющие реального денотата, следует рассмотреть отдельно. К ним относятся *фантазии, идеалы, мечты*. В них конструируются несуществующие и невозможные объекты, противоречащие законам реальности явлений, либо не наличествующие в актуальной действительности, но служащие ориентирами в

качестве гипотетических возможностей. Эти идеальные объекты способны создавать реальности, образы человека; они не соответствуют действительности, поэтому можно говорить об искажении. Но они не относятся к интерпретации действительного, так как не претендуют на действительность. Их реальности обычно несопоставимы с объективной и потому не подменяют ее.

Иллюзии, с одной стороны, тесно связаны с каждой из вышеназванных форм идеального, а с другой — отличны от них. Предварительно (определению иллюзии будет посвящена следующая часть исследования) определим иллюзию как искаженное восприятие и мышление, не забывая при этом важное уточнение З. Фрейда: иллюзия основана на желании. В некотором смысле каждый из вышеуказанных идеальных объектов при определенных условиях может оказаться иллюзией: чувственный образ иллюзорен в том случае, если личностные, субъективные причины делают его не соответствующим объекту, к которому отсылает; общая идея становится иллюзией, если под влиянием желаний она искажается таким образом, что из нее можно получить неверные выводы о признаках предметов; фантазии и идеалы обращаются в иллюзии, когда с них снимается уточнение их объективного несуществования.

Иллюзия соответствует указанным условиям: она субъективно истолковывает действительность, создает иллюзорные реальности, подменяет собой объективное, заставляя обращаться к себе, а не к внешнему миру. Именно возможность спутать иллюзию с действительностью является той сильной стороной иллюзии, которая позволяет ей иметь огромное влияние на восприятие и мышление человека.

Иллюзия отличается от таких явлений, как виртуалы, галлюцинации, заблуждения и ошибки. Виртуал (согласно Н.А. Носову) обладает свойством непривыкаемости: всегда оценивается как непривычное событие, а иллюзия, напротив, вписывается в производящую ее реальность; кроме того, иллюзия указывает на объекты сознания, подменяющие действительность, а виртуал — на состояние такой подмены. Галлюцинации традиционно отличаются от

иллюзий отсутствием действительного основания: иллюзия возникает в результате искажения объективной реальности, а галлюцинация не зависит от объективного; кроме того, галлюцинации относятся только к области восприятия. Заблуждения и ошибки, в отличие от иллюзий, не обладают достаточной значимостью для человека и не формируются в соответствии с желаниями.

Отдельный сложный вопрос возникает в связи с соотношением иллюзии и *символа*. Выведение способности к созданию подменяющих реальность иллюзорных объектов из понимания человека как «символического животного» порождает проблему: если *символ* столь близок иллюзии, где проходит граница между ними и чем человек, создающий символы, отличается от человека, создающего иллюзии. Ведь символ интерпретирует действительность, формирует символическую реальность, которая может исказить реальность объективную.

Основное различие вновь кроется в принципе веры и подмены реальности: символ не подменяет или, по крайней мере, не должен подменять объективную реальность, а лишь расширять, уточнять ее, таким образом ограничивая возможность своего воздействия. Рассмотрим различия отношения иллюзии и символа к своему содержанию. Символ, если понимать его только лишь как знак-символ, отсылает к объекту, с ним не связанному, а в более специфическом понимании еще и содержит сложившиеся в культуре представления о денотате, а также содержит некоторую информацию о нем, способствует его познанию через себя. Иллюзия, как кажется, действует подобным же образом, так как имеет за собой истинный объект и его осмысление, к которым, в некотором смысле, отсылает. Однако эта отсылка не объективна, так как иллюзия не утверждает свое отличие от своего содержания, напротив, иллюзия, отсылая к объекту, убеждает в том, что она и есть этот объект. Фактически иллюзия всегда отсылает к самой себе, утверждая, что отсылает к другому. Приведем примеры: символ «дерево свободы», отсылающий к свободе и революции, и иллюзия хорошего правителя,

отсылающая к тирану. Чтобы указанный символ расценивался как иллюзия, необходимо заключить, что свобода — это дерево, у свободы есть ветви и корни, при этом отрицая все те аспекты свободы, которые в дереве не отражены. Чтобы приводимая иллюзия могла быть символом, нужен обратный ход: нужно признать, что, глядя на хорошего правителя, мы всегда думаем и помним о тиране, которым он является. Нередко свойства символа переносят на денотат, и это не ослабляет символ, но сближает его с иллюзией. Некоторые символы уже закладывают в себя выражение конкретных свойств денотата: так из ряда круговых солярных символов можно делать выводы о направлении движения солнца на небосводе. Бывает, что структура символа явно изменяет представление о денотате. В то же время иллюзия, осмысленная только лишь как изображение действительности, иллюзией быть перестает. Таким образом, символ может быть сведен к иллюзии, а иллюзия к символу — нет. Кроме того, символ часто определяется как наилучшее выражение денотата, что не обязательно верно в отношении иллюзии. Нельзя отрицать, что по случайному совпадению иллюзия могла бы в наилучшей степени выразить искажаемый объект, но иллюзия, напротив, уводит от истины и от правильных и полных выражений. Преимущество рассмотрения человека как существа, создающего иллюзии, а не как создающего символы, заключается в указании на оторванность от объективного.

Другой важный момент заключается в отношении к интерпретации. Символ, его связь с денотатом и, в связи с этим, представление о денотате подвержены интерпретации, при которой символ и объект, как считается, сохраняются: истолкование открывает новые, неизвестные их стороны. Последнее утверждение, на наш взгляд, спорно. Э. Кассирер указывал, что нельзя в условиях символической реальности выносить суждения о несимволическом мире: даже вопрос о его существовании бессмыслен⁸¹. Через символ не открывается истина о денотате, она ему приписывается. Однако при интерпретации символ действительно сохраняется. Для сравнения:

⁸¹ Свасьян, К.А. Указ. соч. С. 56.

интерпретация иллюзии — действие, зачастую уничтожающее иллюзию. Если у символа есть некоторая базовая структура, которая сохраняет его существование при переосмыслении, иллюзия сама является одним моментом осмысления, поэтому другой взгляд на иллюзию — это новая иллюзия. Интерпретация имеет ничтожно малые шансы развеять иллюзию, но, скорее всего, она создаст иную иллюзию, которая заменит старую (или возникнет на ее основе в качестве субреальности, иллюзии иллюзии). Так происходит потому, что интерпретация — уже иллюзорный акт: в условиях недоступности вещей-в-себе интерпретация не открывает, а приписывает свойства вещи или символу. Интерпретация — уже иллюзия. Таким образом, при явном различии в отношении к интерпретации, символ в связи с вышеупомянутой бесконечностью интерпретации оказывается зависим от иллюзии.

Следует рассмотреть соотношение искомого объекта со способностью человека к *воображению*. Любые продукты воображения являются идеальными объектами, не существующими в действительности. Но среди них только иллюзии способны заставить верить в них. Только иллюзия одновременно и имеет содержание, отличное от действительности, и может подменять ее собой. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить именно о способности к созданию иллюзии, а не о способности к воображению: не подменяя объективную реальность, воображение оказывается бессильным при столкновении с ней.

Необходимо определить отношение иллюзии к категориям объективного и субъективного. Иллюзия формируется на основе объективных и субъективных элементов, но сама становится частью субъективной реальности. Принцип субъективности сохраняется даже в коллективных иллюзиях: приобщение к иллюзии означает ее ассимиляцию в соответствии с личностью носителя. Несмотря на наличие действительного основания, иллюзия противопоставлена объективной реальности. В отношении субъекта и объекта иллюзия, в соответствие со способностью человека к ее созданию, должна выступать в качестве объекта человеческой деятельности; однако в процессе отчуждения от человека иллюзия обретает мнимую субъектность.

Анализ положения иллюзии в категориях рационального, иррационального и сверхрационального демонстрирует, что иллюзия в целом иррациональна и противопоставлена рациональному: она не нуждается в логической стройности или в соответствии правилам и методам мышления, формируется при участии эмоционального компонента. Часто ей свойственна видимость рациональности. Иллюзия не сверхрациональна (вне контекста мистических концепций), однако сложно дифференцируема от него: основной аргумент сверхрациональности – невозможность рационального в связи с выходом за границы разума – может скрывать иллюзорные проявления.

Иллюзия находится на пересечении сознания и бессознательного. Сама иллюзия не способна существовать вне данности сознанию, а значит, принадлежит к его области. Однако многие причины и основания иллюзии пролегают в области бессознательного. Тем не менее, термином «иллюзия» в данной работе обозначена именно данная сознанию ее часть. Сверхсознательное прямо не связано с иллюзиями, но может формироваться под их воздействием.

Термин «иллюзия» до этого момента в исследовании употреблялся достаточно условно: теперь мы подходим к этапу, на котором следует уточнить содержание понятия «иллюзия» и *отделить его от схожих по значению, но не синонимичных понятий*. Проблем употреблению термина «иллюзия» две: с одной стороны, сама «иллюзия» может пониматься по-разному (что было рассмотрено в исследовании подходов к ее пониманию), с другой стороны, явление, к которому отсылает подразумеваемый нами смысл термина, имеет разные наименования.

Надо учесть, что ряд философских учений, способствующих тем или иным аспектам понимания иллюзии, вовсе не признает ее: так И. Кант, выдвигая систему, весьма схожую с системами, признающими иллюзорность феноменального мира, утверждает, что не говорит об иллюзии, хотя и формулирует идеи, явно к ней отсылающие.

Рассматривая альтернативные термины, следует обратиться сначала к философии «как если бы» Г. Файхингера, выдвигающей идеи, весьма схожие с тем, что в данном исследовании вкладывается в «способность к созданию иллюзии». Файхингер говорит о «*фикциях*» или «*вымыслах*» (fiktion), определяемых как «ментальные структуры».⁸² На наш взгляд, данное понятие, хотя и ярко характеризуя нереальность содержания очеловеченного мира, имеет два недостатка: во-первых, рассматривая только мышление, игнорирует родство этих «вымыслов» с искажениями восприятия. Во-вторых, Файхингер заостряет внимание на нереальности, не отмечая при этом веру в эту нереальность. Напротив, его философия утверждает, что фикция должна выражаться в форме «как если бы», то есть, открыто указывать на свою нереальность. Сила же рассматриваемого свойства заключается именно в вере в продукты этой способности: ни одна «фикция» не повлияла бы на устройство культуры, если бы не принималась за истину: а ища выведенное из определений человека качество, мы подчеркиваем в качестве необходимой черты возможность подмены реального вымысленным.

Родственно данному понятию и понятие «*воображаемый дискурс*», используемое С.В. Никоненко при описании идеи конструирования пространства культуры. Указанная формулировка не подходит, так как подчеркивает роль отдельных людей и идей, создающих воображаемые элементы культуры, мы же исходим из постоянного неконтролируемого создания иллюзорных идей. Ф. Ницше в подобном контексте употребляет термины «*мифология*» и «*мифотворчество*»⁸³, которые так же явно указывают на коллективное создание фикций, не акцентируя внимания на индивидуальном.

Одним из наиболее подходящих терминов является «*видимость*» (либо «*кажимость*»). «Видимость» - универсальный термин, который можно найти у мыслителей разных культур и эпох. Данный термин встречается у индийских

⁸² Vaihinger, H. The Philosophy of "As If". London: Routledge & Kegan Paul LTD. С. 12.

⁸³ Никоненко, С.В. Воображаемое и реальное // Онтология возможных миров (материалы научной конференции). СПб: Изд-во Санкт-петербургского университета, 2001. С. 74.

мыслителей, у И. Канта, видимость, как антитеза реальности встречается у С. Жижека⁸⁴. И. Ламберт определил «видимость» как среднее между истинным и ложным⁸⁵. Препятствует использованию этого термина его излишняя ориентация на чувственность, однако в остальном он может расцениваться как синоним иллюзии.

Другим, способным заменить «иллюзию», термином является «симулякр». Данное понятие, ввиду основной области его употребления Ж. Бодрийяром, зачастую трактуется как феномен современной культуры: иллюзии, тиражируемые средствами массовой коммуникации и искажающие восприятие действительности, подменяя представление о ней. Тем не менее, симулякр - явление более масштабное и значимое: современная культура скорее показывает явные его формы, а постмодернистская мысль дает осмысление данного феномена, но они не изобретают симулякр. Согласно Ж. Делезу, симулякр — «ложный претендент» на бытие копии, изображающий копию явления, но не содержащий сходства⁸⁶; образ без подобия. Данное толкование расширяет область применения понятия. А.Я. Флиер, говоря о виртуальности культуры, применяет понятие симулякра и симуляции к языку, мифологии и другим формам символической деятельности⁸⁷. Таким образом, «симулякр» оказывается понятием столь же всеобъемлющим, как «иллюзия». Однако понятие «симулякра» оказывается шире предмета данного рассмотрения, так как включает в себя не только идеальные объекты, но и объекты физические (физические копии, подделки также могут описываться данным термином).

Термин «иллюзия» более подходит для рассмотрения исследуемого качества, так как в равной степени относится ко всем познавательным способностям, свободно используется разными отраслями знания, применяется не только западной традицией, но и является наиболее удобным (хотя все равно

⁸⁴ Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 17.

⁸⁵ Ламберт, И.Г. Феноменология, или учение о видимости // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 2006. С. 105.

⁸⁶ Делез, Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. С. 230.

⁸⁷ Флиер, А. Я. Культура как виртуальная реальность // Обсерватория культуры. М., 2006. № 2. С. 22-27.

неточным) переводом для «майи» адвайта-веданты. В отличие от фикции, иллюзия не обязывает к постоянному осознанию «как бы», а, напротив, выдает себя за то, что есть; в отличие от симулякра описывает только идеальные объекты, которые, на наш взгляд, являются первичными по отношению к физическим преобразованиям; а в отличие от «воображаемого дискурса» не ограничивается творениями отдельных уникальных личностей, но при этом, как и видимость, не тождественна ложному, но находится между ним и истинным.

Таким образом, в отношении исследуемой области идеальных объектов употребляется термин «иллюзия», а выявленная способность формулируется как способность к созданию иллюзии.

1.2.2. Определение и признаки иллюзии как феномена бытия человека.

Концептуальный подход к иллюзии как центральному явлению жизнедеятельности человека обуславливает необходимость синтеза основных подходов и выделения центральных признаков иллюзии с целью анализа антропологического аспекта иллюзии и всеобъемлющего характера данного явления. Рассмотрим данные аспекты проблемы.

В истории мысли термин иллюзия приобретал разные значения и часто заменялся иными терминами. Однако за иллюзиями восприятия, галлюцинациями, ложными идеями, актами самообмана, социальными иллюзиями, мировой иллюзией стоит единое трансцендентальное основание, которое и представляет ту предельную иллюзию, которая будет рассмотрена ниже. Упомянутые явления, входящие в объем понятия «иллюзия», мы называем «формами» или «проявлениями». Иллюзия предстает двумя способами: как априорное основание своих форм и как их родовое определение. Здесь рассмотрим иллюзию как предельное понятие, выражающее общие черты своих форм. Необходимо выработать основные признаки иллюзии и сформулировать определение на их основе.

По причине слабой разработанности темы иллюзии вне отдельных ее проявлений почти единственный стройный перечень признаков иллюзии

принадлежит М.И. Рыбальскому⁸⁸. Однако он анализирует иллюзию в рамках психологического подхода, сужающего объем понятия «иллюзия», сводя ее только к иллюзиям восприятия. Поэтому он не может быть использован при анализе, например, такого явления, как идеология. Кроме того, за последнее время роль иллюзий в западном мире, а тем более в России, существенно изменилась, и произошедшие изменения должны быть также отражены. Необходимо вывести новые признаки иллюзии, учитывая расширенный объем и изменившуюся роль в обществе.

Прежде выделения характерных черт иллюзии следует найти предварительное определение понятия «иллюзия». Большинство существующих определений иллюзии даны в рамках психологии и рассматривают только частную область: либо только ошибочное чувственное восприятие (большинство энциклопедических определений), либо только ложное представление (о такой иллюзии, хотя и не давая четкого определения, говорит З. Фрейд в «Будущем одной иллюзии»). Определение, охватывающее оба названных проявления иллюзии, дано О.В. Суворовым: «Иллюзия – искаженное восприятие или представление действительности»⁸⁹. С нашей точки зрения, данное определение, как и большинство других, не показывает специфику иллюзии по сравнению с обычной ошибкой (позже будет рассмотрено, как подобное различие осуществил Фрейд), но его достаточно для того, чтобы начать поиск основных признаков иллюзии. Однако было бы точнее говорить не о восприятии и представлении, а о восприятии и мышлении. Такая формулировка охватывает больший круг явлений, так как иллюзии мышления должны быть с необходимостью учтены. Представление же осуществляется на стыке мышления и восприятия и потому при такой формулировке сохраняется.

Признаки иллюзии. Для выявления признаков иллюзии обратимся к анализу пяти признаков иллюзий чувственного восприятия у М.И. Рыбальского: 1. «Наличие объективного, действительно существующего

⁸⁸ Рыбальский, М.И. Иллюзии, галлюцинации и псевдогаллюцинации. Баку: «Маариф», 1983. С. 92.

⁸⁹ Суворов, О.В. Иллюзия // Новая Философская Энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т.2 С. 95.

предмета или явления»; 2. «Ошибочное, искаженное ощущение или восприятие предмета или явления»; 3. «Субъективная оценка искаженно воспринимаемого предмета или явления в качестве реально существующего»; 4. «Участие интеллектуальной (мыслительной) деятельности субъекта при образовании феномена»; 5. «Сенсорный, чувственный характер феномена»⁹⁰. Если попытаться примирить этот перечень с заданными выше условиями, то необходимо отказаться от последнего признака (сенсорность не характерна для иллюзий мышления) и переформулировать второй: «искаженное восприятие или мышление».

Выделим признаки, одна часть которых представляет переосмысление вышеуказанного перечня; остальные вводятся для различения иллюзии и подобных ей явлений (например, заблуждения). Признаки иллюзии: наличие основания, несоответствие основанию, правдоподобность, субъективность, идеальность, феноменальность, содержательность, практикоориентированность и значимость как основные признаки иллюзии.

Необходимое присутствие действительно существующего объекта в основе иллюзии указано в большинстве ее определений в качестве отличия от галлюцинации: галлюцинация возникает независимо от реальных вещей, а иллюзия всегда является искажением уже существующего. Чтобы была иллюзия, должен быть объект, подлежащий искажению. Когда речь идет о чувственном восприятии, это действительно предмет или явление внешнего мира. В случае иллюзии представления, даже если это представление о реальном объекте, искажается именно идея этого объекта, знание о нем. Если речь идет о всеобщей иллюзии, ставящей непреодолимую преграду на пути познания мира, то реальным основанием является вещь-в-себе. Данный признак можно было опустить, если бы речь шла только об отличии от галлюцинации: в психологи не существует единого мнения насчет того, нужно ли их различать или нет, мы в дальнейшем будем стремиться к тому, чтобы различать их по другим основаниям. Но для данной характеристики существует другая

⁹⁰ Рыбальский, М.И. Указ. соч. С. 57.

серьезная причина: иллюзия – это искажение истинного положения вещей, а, значит, не может возникнуть на пустом месте. Для этого истина должна существовать: именно поэтому без критерия истинности или при признании множества равноценных истин человек погружается в иллюзии. Однако один пример заставляет усомниться в том, что иллюзия всегда основана на чем-то существующем. В представлениях об иллюзорности в индийской мистике мы видим два основных направления: ведантистское и буддийское. В веданте основание, стоящее за иллюзией, признается: это Брахман, но в буддизме мир пуст. Тем не менее, невозможно сказать, что веданта говорит об иллюзии мира, а буддизм о его галлюцинации. Но существует тенденция онтологизировать пустоту мира, говоря, что мир основан на пустоте, пустота лежит в его основании. Таким образом, нами предлагается добавить оговорку о том, что иногда само отсутствие объекта становится тем объектом, на основании которого возникает иллюзия. Так, в случае с сенсорной депривацией мы тоже должны говорить об иллюзии, так как нереальные ощущения возникают именно по причине отсутствия стимула, и само отсутствие становится стимулом. Другое уточнение заключается в том, что основание не обязательно должно быть истинным (тем более существование одной единственной истины сейчас является спорным вопросом). Возможно, что иллюзия является искажением другой иллюзии. Так если мир иллюзорен, а реален только Брахман, то веревка, которая кажется змеей, не многим более реальна, чем эта иллюзорная змея. Следует признать, что иллюзия может появиться на основе другой иллюзии, хотя в отношении надстроенной иллюзии базовая будет казаться истинной. Таким образом, можно сформулировать первый признак.

Наличие основание – присутствие объекта, явления или представления о них, лежащего в основе иллюзии и подлежащего искажению.

Далее, как и в приведенном перечне, следует перейти к аспекту, связанному с искажением истины. Это главный, наиболее очевидный и бесспорный признак иллюзии, названный вторым только потому, то уже подразумевает существование основания, упомянутого в связи с предыдущей

характеристикой. Иллюзия заимствует элементы своего истинного основания, которые смешиваются с другими чертами. Если рассматривать возникающий при восприятии или представлении образ как знак объекта или идеи, то, исказившись, он становится неадекватен своему денотату: для него требовался бы иной денотат, но такого не существует. **Несоответствие основанию – искажение истинного объекта, явления или представления.**

Что касается оценки субъектом иллюзии в качестве действительно существующей, иллюзия не была бы возможна, если бы она не казалась реальностью, а сразу откидывалась бы как заблуждение. Но, в связи с расширенным пониманием иллюзии, в данном пункте следует перейти от вопроса существования к вопросу истинности, так как про идеи и утверждения нельзя сказать, что они реально существуют, правильнее сказать, что они истинны. Получится приблизительно: «субъективная оценка искаженно воспринимаемого или представляемого предмета, явления или факта в качестве истинного». Также следует отметить, что коллективные иллюзии (стереотипы, симулякры) должны быть еще более реалистичны, так как в противном случае они не смогли бы овладеть умами многих. Иллюзии не должны сами себе противоречить, чтобы не разрушить себя⁹¹. Нам кажется, более точным при характеристике иллюзии говорить не о наличии оценки (так как это качество не иллюзии, а субъекта), но о некоторой степени правдоподобности, которая позволяет вызвать эту субъективную оценку. **Правдоподобность – наличие у иллюзии черт, делающих ее схожей с реальностью, что вызывает субъективную оценку искаженного предмета, явления или факта в качестве истинного.**

Из анализируемого перечня, учитывая то, что положение о сенсорном характере было отвергнуто в связи с расширением объема понятия, остается только четвертый пункт, указывающий на участие интеллектуальной деятельности субъекта в создании иллюзии. Это сложная характеристика, так как из нее можно сделать разные выводы и, вероятно, получить даже несколько

⁹¹ Гиренко, Ф.И. Ускользящее бытие. М.: ИФ РАН, 1994. С. 74.

более частных признаков. В данном утверждении речь идет о том, что искаженный образ, то есть сама иллюзия, получается путем соединения как элементов исходного объекта (основания), так и элементов внутреннего мира субъекта: как сознания, так и бессознательного. Человек постоянно осуществляет интеллектуальную деятельность, даже если сам этого может не ощущать, таким образом, если что-то (в нем самом или в окружающей среде) препятствует адекватному восприятию и представлению, то он, сам того не понимая, добавляет к образу собственные идеи, установки, ожидания. Это приводит к тому, что субъект накладывает отпечаток своего внутреннего мира на свою иллюзию. В контексте этого сложная ситуация возникает при анализе коллективных иллюзий: кажется, что это одна единая иллюзия, разделяемая многими субъектами. Но тогда возникает вопрос: чей внутренний мир лежит в основе этой иллюзии - ее создателя или всех субъектов? На наш взгляд, коллективная иллюзия должна каждый раз воссоздаваться для каждого субъекта, присваиваться им, приобретать черты именно его субъективности. Это не так противоречиво, как может показаться на первый взгляд: доказательством этому служит то, что массовыми становятся наиболее легко усваиваемые представления. Возможно, свою роль играют архетипы, априорные элементы психики, само трансцендентальное «Я». Тогда коллективная иллюзия становится просто общим понятием, объединяющим множество субъективных: при передаче этой иллюзии от одного субъекта другому она как будто открывается заново. Всякая иллюзия субъективна. **Субъективность – наличие в искаженном образе элементов внутреннего мира субъекта, участие его интеллектуальных сил.**

Иллюзии присущи и другие черты, не указанные в перечне Рыбальского, необходимые для лучшего понимания этого явления. Так, из признака субъективности проистекает существенная черта, которую важно отметить в условиях современного мира, при развитой индустрии иллюзий, облекающей иллюзорные объекты в материальные формы. Каковы бы ни были способы ее передачи и выражения, иллюзия существует только в сознании. Если иллюзия

выражена в материальном объекте, то она в нем не содержится. Так кинофильм не существует ни на экране, ни на кассете: он существует только в восприятии человека, который его смотрит. Виртуальная реальность на материальном уровне представляет собой последовательность присутствий и отсутствий сигнала, затем нашему восприятию даются световые и звуковые сигналы, которые интерпретируются как некоторая реальность. Даже голографическое изображение, которое, казалось бы, является предметом материального мира, существует лишь в сознании: в мире материи наличествует только игра света, иллюзией же является тот смысл, который придает этой игре сознание. Таким образом, можно сформулировать еще два существенных признака иллюзии, взаимосвязанных, но несводимых друг к другу: идеальность и феноменальность. **Идеальность – существование иллюзии только в сознании, несмотря на возможную связь с материальными объектами. Феноменальность – данность иллюзии в восприятии или представлении субъекта, невозможность иллюзии-в-себе.**

Чтобы избежать излишне одностороннего толкования иллюзии и ценностного к ней отношения, следует сформулировать еще один признак. Часто иллюзорное воспринимается как противоположное существующему и в этом тождественное несуществующему. Это, например, звучит в упомянутой формулировке «субъективная оценка... в качестве реально существующего». При анализе такого явления, как иллюзия, появляется проблема, связанная с двойственным пониманием «существования» и «реальности», которая во многом является скорее проблемой языка, нежели бытия. Слово «существование» употребляется для обозначения независимого от субъекта присутствия в материальном мире, как, например, в вопросе: «Существует ли кентавр?». В случае, если задается подобный вопрос, очевидно, имеется в виду: «Существует ли кентавр в объективной действительности?». И правдивый ответ будет отрицательным. С другой стороны, существование – это также существование в культуре, в языке, в сознании, в художественном произведении. И в этом смысле кентавр будет существовать. Можно говорить,

что это иное существование, но мы не можем сказать, что кентавр – небытие (хотя бы потому, что небытие, как справедливо заметил Парменид, нельзя себе представить, а кентавра мы себе представляем и даже многое о нем можем сказать). То же самое касается и понятия «реальность». Зачастую иллюзия и реальность противопоставляются. Но при этом существует, например, понятие «виртуальная реальность», которое в таком случае внутренне противоречиво. Причина здесь подобна: реальностью называют не только объективный мир, но и миры, существующие только в сознании. По этой причине мы можем говорить только о несоответствии иллюзии объективному миру, но не выделяем признака «несуществования». Более того, необходимо подчеркнуть, что в той мере, в которой мы говорим об иллюзии, как о существующей, становится очевидно, что иллюзия с необходимостью обладает содержанием и иногда содержит в себе целый воображаемый мир. Поэтому необходимо указать на содержательность иллюзии. **Содержательность – наличие у иллюзии стройного содержания, не только обеспечивающее подобие реальности, но делающее ее саму отдельной иллюзорной реальностью.**

Однако остается одна существенная проблема. Названные признаки должны не только объяснять, что такое иллюзия, но и обнаруживать ее отличие от других явлений. Тем не менее, могут существовать явления, которые мы не можем полностью отождествить с иллюзией, но которые подходят под уже выделенные характеристики. Речь идет о том, что они не обнаруживают различий между иллюзией и другими заблуждениями и ошибками. Если бы иллюзия была тем же, чем является ошибка, то само слово «иллюзия» было бы не нужно. Должно быть нечто, что иллюзию выделяет. Более того, одно и то же явление может быть или не быть иллюзией в разных обстоятельствах. Так, если человек вследствие успешной пропаганды свято верит в доброго, любящего свой народ царя – это иллюзия; но если он просто во фразе «царь не добр» просмотрел элемент «не» и поэтому с уверенностью говорит, что царь добр, то это сложно назвать иллюзией. Подобным вопросом задается Фрейд в работе «Будущее одной иллюзии», где показывает, что иллюзия не тождественна

заблуждению⁹². В качестве определяющей характеристики он выделяет отношение к человеческим желаниям: указывает на то, что к иллюзии всегда примешивается желание, которое и становится главным фактором искажения. В составляемом перечне мы уже выделили аспект влияния субъективных установок. Теперь следует рассмотреть эту связь с желанием. Примеры, приводимые Фрейдом, хорошо соответствуют этой идеи: в них показано, как желаемое выдается за действительное (иллюзия Колумба, что он попал в Индию, иллюзия о том, что только индоевропейцы способны к созданию культуры). Здесь встает вопрос о том, подразумевал ли Фрейд под иллюзией только подобные явления или шире понимал возможности искажения в иллюзиях желания. Дело в том, что многочисленные заблуждения, напротив, основанные на негативном отношении, также заслуживают называться иллюзиями. Иллюзия не всегда выражает желание, иногда, напротив, в ней показано худшее развитие событий: например, если это уверенность человека в том, что кто-то хочет его убить. Даже если можно попытаться вывести упомянутый пример из желания, нет гарантии, что все иллюзии, основанные, к примеру, на страхе, имеют желание в своей основе. Но главное можно вывести из данных аргументов, это важность предмета иллюзии для человека: лежит ли в основе желание, надежда, страх, волнение, иллюзии не бывают безразличны человеку. Если некто принимает веревку за змею и проходит мимо, это просто ошибка, об иллюзии мы можем говорить в случае, если он боится эту змею или, наоборот, из любопытства хочет рассмотреть ее поближе. Так формулируем следующий признак. **Значимость – существенная роль для человека, в связи с которой он не может оставаться безучастным по отношению к иллюзии.**

Отсюда вытекают следующие мысли. Нечто значимое не может не оказывать влияния на человека. Может показаться, что если иллюзия нереальна, если ее объекта нет, то тогда она не имеет никакого отношения к реальности, не влияет на нее. Это не так: субъект организует свою жизнедеятельность, руководствуясь своими знаниями и убеждениями. И если

⁹² Фрейд, З. Указ. соч. С. 164.

среди них присутствуют иллюзорные, то субъект будет руководствоваться и ими. Деятельность обусловлена не реальностью, а ее представлением⁹³. Если человек видит змею вместо веревки, он, вероятно, будет вести себя так, как если бы змея была настоящая: убежит, попытается прогнать ее, зажжет свет, чтобы разглядеть. Иллюзия не могла бы реализовать свою значимость, если бы не имела связи с деятельностью, не влияла на нее.

Практикоориентированность – способность иллюзии влиять на деятельность субъекта. В контексте способности к созданию иллюзии выявляется взаимообусловленность деятельности и иллюзии: деятельность как преобразует иллюзию, так и осуществляется в соответствии с ней.

При рассмотрении понятия иллюзии, ее определений и объема был сформулирован перечень основных признаков иллюзии. Данные признаки характеризуют все формы иллюзии и позволяют провести четкую грань между иллюзиями и заблуждениями.

***Определение иллюзии.** Рассмотренные признаки формируют и новое определение иллюзии. Приведенное выше ее определение как «искаженного восприятия и мышления» отражает только признаки обоснованности и несоответствия основанию. Исходя из сформулированных признаков, а также необходимости формирования философско-антропологического подхода получаем следующее развернутое определение. **Иллюзия** — феномен человеческого сознания, идеальный объект, формируемый внутренним миром человека путем смешения компонентов объективной и субъективной реальностей; бессознательно или сознательно принимаемый человеком за результат правильного отражения действительности мышлением и восприятием, независимо от соответствия ей; подменяющий собой элементы объективной реальности, тем самым образующий новую субъективную реальность, которой человек руководствуется в своей жизнедеятельности, предпочитая ее действительности.*

⁹³ Липпман, У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. С. 46.

1.2.3. Характерные черты способности человека к созданию иллюзий.

Выяснив, таким образом, чем является иллюзия, необходимо подробнее рассмотреть выявленное атрибутивное свойство человека: способность к созданию иллюзии. Рассмотрение определений человека и выведение философско-антропологического понимания иллюзии уже сформировало предварительное понимание этой способности: возможность воздействия на иллюзии, приводящее к принятию их вместо объективной реальности, что влечет возможность создания человеком собственной сущности, формирования субъективной действительности. Способность к созданию иллюзии служит основой для ряда антропологических черт.

Для более глубокого исследования данной способности выделим ряд черт, подчеркивающих специфику способности к созданию иллюзии как особого взаимодействия человека с пространством идеального: прежде всего, сохранение иллюзии при ее осознании, отделение иллюзорной реальности от объективной и активный характер взаимодействия.

Сохранение иллюзии при осознании — возможность осознания иллюзии в качестве таковой, без разрушения ее. Как считает М. Шелер, одним из главных отличий человека от животного является способность представлять некоторый объект самотождественным, независимо от изменений (как реальных, так и иллюзорных), происходящих с ним, что следует из различения вещи и субстанции⁹⁴. Следовательно, для животного изменившийся или по-другому воспринимаемый объект становится другим объектом, не тождественным первому. При применении данной особенности к иллюзиям (или ошибкам у животных) мы обнаруживаем, что животное не может, выявив ошибочность, осознать, что это была ошибка: для него прошлая ошибочная реальность останется ушедшей реальностью. Человек же осознает, что у него были иллюзии всякий раз, когда освобождается от них. Более того, человек способен осознать иллюзию, не разрушая ее: его стремление верить в некоторую иллюзию может сохраняться при осознании ее нереальности. Возможен

⁹⁴ Шелер, М. Положение человека в космосе // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994г. С. 157.

прогноз изменения в отношении иллюзий, так как на протяжении истории развития человека осознаются новые иллюзии: искусство перестает быть магическим актом, воздействующим на окружающий мир, сновидение не объясняет производящей его реальности, современная наука постепенно начинает признавать свою условность и конвенциональность. Эти иллюзии не исчезают, но осознаются, тем самым раскрывая для человека новые грани способности к созданию иллюзии.

Формирование цельных реальностей, отличаемых от объективной — структурирование содержания иллюзии и различение иллюзорных реальностей. Данная характеристика проистекает из тех же оснований. Если животное воспринимает и мыслит подобные иллюзии ошибки в пределах объективной реальности, так как «вживается в конкретную действительность своего настоящего»⁹⁵, оно никак не разделяет внешнее и внутреннее. Может показаться, что так же происходит с человеком, ведь правдоподобность иллюзии подразумевает веру в нее, как в объективную реальность. Однако человек обладает склонностью к различению и упорядочиванию своего восприятия и мышления, вследствие чего, в той или иной мере, невольно обособляет иллюзорное от реального. Это менее выражено в иллюзиях восприятия: вещи, не вписанные в привычную парадигму восприятия, уже обособляются в отдельную сферу. В иллюзиях мышления возникает вопрос конструирования разных реальностей. Несмотря на синкретичность обыденного массового сознания, каждый человек обладает возможностью различить, какие утверждения относятся к результатам его собственного чувственного опыта, какие — к области малодостоверных слухов, продуктов СМИ, области науки, области религии и т.д. Тем не менее, ряд подобных реальностей претендует на место объективной, поэтому способность человека к созданию иллюзии еще не позволяет ему всегда обнаруживать иллюзию, осознавать ее нереальность.

⁹⁵ Шелер, М. Указ. соч. С. 159.

Процесс воплощения иллюзии в качестве отдельной реальности и приписывание этой реальности существования тесно связаны с явлением реификации. Реификация — восприятие результатов деятельности (в данном случае, прежде всего мыслительной) человека, как независимых от него элементов объективной реальности, происходящих от природных законов или божественной воли⁹⁶. Иллюзия создается человеческим мышлением, но человек не осознает или не желает осознавать ее как свое творение и приписывает ей объективность. В мистических учениях об иллюзорности процесс реификации является духовным падением, прекращение которого вывело бы человека из иллюзии. На наш взгляд, прекращение овеществления могло бы привести человека к контролю над своей иллюзией, а впоследствии над реальностями, ею создаваемыми.

Активность человека в отношении к иллюзии. Мы можем выделить два уровня проявления иллюзии в человеке: иллюзия как свойство и иллюзия как способность. Подобные иллюзии ошибки животного носят пассивный характер — они присущее ему свойство, находящееся полностью вне его контроля. Иллюзия-свойство совпадает, подразумевает подверженность иллюзии, метафорическую активность иллюзии по отношению к человеку и активную, но бессознательную деятельность познавательных способностей. Афоризм «человеку свойственно заблуждаться» подчеркивает независимость иллюзий от воли человека, в этом пассивном отношении человек воспринимает иллюзию как нечто активное, даже обособленное от него (откуда появляются представления о майе и т.д.). Деятельность познавательных способностей является активной деятельностью, формирующей иллюзии (через оформление объективной реальности априорными формами чувственности, рассудка и разума), однако не является активностью человека. В то же время человек способен сознательно и активно создавать иллюзии и искать уже созданные: человек создает миры искусства, киберреальности, понимая их иллюзорность, но, испытывая потребность в них, ищет сознательного ухода в иллюзии

⁹⁶ Бергер, П., Лукман, Т. Указ. соч. С. 146.

измененных состояний сознания, берет под контроль некоторые механизмы психологической защиты, насильно вводя себя в иллюзию. В дальнейшем мы увидим, что целый ряд ведущих сфер культуры выражает эти три особенности человеческой иллюзии: иллюзии осознаваемой, составляющей отдельные реальности, активно и сознательно создаваемой человеком. Именно в таких иллюзиях, на наш взгляд, и проявляется человеческое «мощное «нет»... действительности»⁹⁷, выход за пределы чувственного восприятия и противостояние самому принципу жизни.

Три указанных признака являются наиболее важными; ниже будут названы менее значимые, но также имеющие место признаки.

Адаптация к иллюзии — способность приспосабливаться к иллюзорным изменениям реальности. Данный признак тесно связан с вышеназванными, так как основывается на возможности построения реальности относительно иллюзии, на осознании и контроле иллюзии. Несмотря на отнесение животным подобных иллюзии ошибок к единой объективной реальности, животное не способно адаптироваться к значительным изменениям этой реальности. Примеры этого обнаружены в исследованиях иллюзий восприятия: эксперименты Дж. Стрэттона по искажению зрительного восприятия, примененные рядом исследователей (О. Пфистер, Р. Сперри, В. Хесс) в отношении животных,⁹⁸ показали, что животные не способны к адаптации к искаженному восприятию⁹⁹. То же показывает и другой эксперимент Р. Сперри: лягушка, которой хирургическим путем перевернули глаз, не научилась попадать в цель с учетом нового восприятия¹⁰⁰. Таким образом, животное, включающее локальное заблуждение в свой мир, не может адаптироваться к иллюзиям, затрагивающим сам способ восприятия. Человек способен к этому,

⁹⁷ Шелер, М. Указ. соч. С. 163.

⁹⁸ Грегори, Р.Л. Нужно ли нам учиться видеть // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 607.

⁹⁹ Эксперименты Дж. Стрэттона заключались в переворачивании или искажении изображения на сетчатке с помощью специальных устройств. Человек через несколько дней ношения данных устройств научался ориентироваться в измененном пространстве: то вовсе не воспринимая его, как неправильное, то осознавая это, но все же не теряя способность ориентироваться. О. Пфистер, Р. Сперри и Хесс надевали такие устройства на животных и отметили полную неспособность животных к подобной адаптации. Только высшие приматы иногда достигали незначительных успехов.

¹⁰⁰ Варела, Ф., Матурана, У. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 111.

потому что постоянно проводит работу по формированию реальности, создает на основе иллюзии новые реальности, в которых все оказывается с ней согласовано. Иллюзия человека не создает пробелы в его понимании мира, а напротив, заполняет их: человек может быть удивлен тем, что иллюзия делает его реальность не похожей на привычную, но он не будет дезориентирован ей, так как иные иллюзии сложатся вокруг нее, формируя новый мир.

Транслируемость иллюзии — передача иллюзии между субъектами. Человек обладает не только индивидуальными, но и коллективными иллюзиями. Однако коллективные иллюзии, в свою очередь, могут быть подразделены на коллективные по причине врожденности и всеобщности и коллективные в результате переноса от одних субъектов другим. Возможность трансляции идеальных элементов одного субъекта другому является особенностью способности человека к созданию и восприятию иллюзии. Причина, на наш взгляд, не только в отсутствии способов передачи сложной информации, но в случайности других форм жизни, отсутствии стремления к передаче своей точки зрения или принятия чужой, из-за неразличения реальностей, что, предположительно, создает уверенность в наличии у других существ тех же представлений. С этим также связана тенденция человека к материальному воплощению своих иллюзий.

Стремление к поддержанию иллюзии также является проявлением активного характера способности человека к созданию иллюзии. Человек, ввиду значимости иллюзии, зачастую не пытается избавиться от нее, но, напротив, поддерживает иллюзию, находя ей подтверждения и оправдания. Указанное стремление связано с возможностью позитивных оценок конструктивного результата иллюзии человеком. Кроме того, человек способен наслаждаться иллюзией при осознании ее иллюзорности. Животное, судя по всему, может быть довольно стечением обстоятельств, предлагаемым ей заблуждением, но в момент рассеивания не будет пытаться его сохранить. Человек с частичной осознанностью может продлевать необходимые ему иллюзии, в чем проявляется возможность контроля над ними.

Свободность человека в пространстве иллюзорного — потенциальное всемогущество и независимость человека в иллюзорных реальностях. Свобода — «процесс снятия внешней необходимости, ... самопорождение своей природы»¹⁰¹. Для животного подобные иллюзии ошибки — область несвободы и детерминации. Так как животное не имеет способности влиять на свои заблуждения, их связь односторонняя. Иллюзия животного выражает исключительно совпадение его врожденных склонностей с ситуацией, сложившейся в среде. Таким образом, ошибки не зависят от животного, но ставят его в зависимость от себя. Иллюзия человека также может действовать подобным образом, но указанные признаки активности и осознанности, свойственные способности человека к созданию иллюзии, открывают доступ к воздействию на иллюзию. Хотя часть иллюзий человека и присуща ему априори, таковых должно быть гораздо меньше, чем априорных заблуждений у других форм жизни: они должны проистекать из повышенной роли инстинктивного. Способность человека к созданию иллюзии не только частично освобождает человека от власти самой иллюзии, но выводит его за границы природы, освобождая от естественной детерминации.

Конфликт между активной способностью к созданию иллюзии и пассивной подверженностью ей решается двумя путями: через рассмотрение особенности положения человека в качестве субъекта данной способности и различения конструктивной и деструктивной иллюзии (в третьем параграфе первой главы). Предварительно следует сказать, что сама иллюзия нейтральна в отношении как полезности и вредоносности, так и в отношении активности и пассивности человека: это зависит от самого человека, от его умения пользоваться способностью к созданию иллюзии и от намерений, вкладываемых в ее использование.

Способность к созданию иллюзии — это возможность человека выступать в роли субъекта особого отношения к иллюзии, в котором он

¹⁰¹ Богданов, В.В. Логика становления и семантика понятия свободы // Вестник ТГПИ. Таганрог, 2006. №2. С. 22.

выстраивает, направляет, преобразовывает иллюзии в целях сохранения и развития культуры и общества, отдельных индивидов и групп.

Таким образом, в человеке способность к созданию иллюзии обладает одновременно и необходимой силой, и необходимым контролем, чтобы позволить противостоять своей живой и животной сущности, выйти за рамки природы, если таковая определена для человека, преобразовывать существующую реальность и создавать иные реальности. Если высшие животные проявляют в ограниченных и частных случаях подобные возможности, это свидетельствует не о том, что они обладают той же способностью к созданию иллюзий и управлению ими, что и человек, но и не о том, что для человека эта способность не является определяющей, а лишь о нахождении на промежуточной стадии между состоянием идеального животного и зачатками человеческого бытия. Кроме того, здесь следует отметить принцип очеловечивания всего, с чем соприкасается человек: указанные свойства могут быть ограниченно присущи животному, существующему рядом с человеком, однако здесь оно перенимает себе человеческие качества. Так большинство сведений об адаптации к непривычной для некоторого животного вида ситуации касаются одомашненных животных или, по крайней мере, искусственно созданных для них условий. Животное, вступившее в контакт с человеком, изменяется под его влиянием.

Итак, идеальные объекты, которые выстраивает человек для замещения ими элементов объективной реальности — это иллюзии. Из этого следует, что человек — это существо, способное к созданию иллюзии. Способность к созданию иллюзии подразумевает активность, свободу человека, обращение к конструктивному аспекту иллюзии, также определяет формирование иллюзорных реальностей.

1.3. Способность человека к порождению иллюзии: субъектный подход

Доказательство обладания человеком в качестве его атрибутивного свойства способностью к созданию иллюзии требует утверждения исключительности человека в субъектном положении по отношению к иллюзии. В соответствии с данной задачей, необходимо ответить на два вопроса: 1. выяснить, является ли человек единственным обладателем иллюзий, а соответственно, способности к их созданию, или она имеется у других форм сущего; 2. разрешить противоречие между активностью человека как обладателя указанной способности и его пассивностью в подверженности иллюзии.

1.3.1. Способность к созданию иллюзии как основание обособления человека среди субъектов восприятия и мышления. Определяя иллюзию как искаженное восприятие и мышление, мы приходим к выводу о недоступности иллюзии для не обладающих восприятием или мышлением существ. Поэтому круг исследуемых, помимо человека, субъектов сужается до обладающих данными способностями или, по крайней мере, некоторым их подобием. Термин «субъект восприятия и мышления» употребляется в связи с некорректностью понимания под понятием «существа» носителя мышления и восприятия, так как в противном случае из множества выпадает рассмотрение искусственного интеллекта, роль которого в качестве воспринимающего и мыслящего нельзя однозначно отвергнуть. Целесообразно рассмотреть не только объекты, реальность которых известна, но и гипотетические, существование которых в равной степени не доказано и не опровергнуто. Таким образом, для исследования выделены следующие объекты: животные, искусственный интеллект, Бог-Абсолют и гипотетические разумные существа — всем им в той или иной мере может быть приписано восприятие и мышление. Рассмотрим их по отдельности, начиная с тех, для которых обладание иллюзией менее вероятно.

Возможность рассмотрения Абсолюта, понимаемого в качестве Бога, вытекает из антропоморфических свойств личностного Бога, придающих ему

способность к восприятию и мышлению. В религиозной парадигме существуют попытки выведения разумности Абсолюта из него самого: когда разумное считается более совершенным, чем неразумное, а значит, обладатель совершенств должен быть разумен (что, конечно, не обязательно в отношении иных моделей абсолюта, например Единого у Парменида). Кроме того, и без приписывания личности Абсолюту могут быть присущи данные способности: так созерцание и мысль учитываются в понятии «Сознания» формулы Бытие-Сознание-Блаженство¹⁰², выражающей сущность свободного от антропоморфизма Брахмана. Бог, Абсолют — существо, которое «обладает величайшей из возможных совокупностью возвеличивающих свойств»¹⁰³, и ответ на поставленный вопрос о возможности основания Абсолюта на иллюзорных началах возникает, когда все качества Абсолюта рассматриваются как совершенства: не знание, а Всеведение, не разум, а Сверхразум. Подверженность иллюзии требует возможности искажения объективной действительности, принимаемой за истину, что, в свою очередь, требует неспособности к различению в конкретном случае истины и лжи. Последнее невозможно для Всеведущего Абсолюта, которому в восприятии и мышлении непосредственно дано все мироздание: Бог не может быть носителем иллюзии. В рамках установленной философской и богословской традиции невозможно согласиться и с сознательным принятием иллюзии, свойственным человеку: будучи Всеблагим существом, Бог не лжет даже самому себе. Кроме того, самообман не значим для всемогущего существа. Сомнение здесь может возникнуть в контексте учения адвайта-веданты, где каждое существо является единым Брахманом, погружившимся в иллюзию. Однако, во-первых, Брахман одновременно с этим непротиворечиво существует и в незатемненном состоянии, во-вторых, именно это побуждало ряд ведантистов к перенесению майи с Брахмана на индивидуальную душу, в-третьих, в условиях такого подхода невозможно разделить Абсолют и человека. Таким образом, не

¹⁰² Шанкара. Созерцание Брахмана // Семь трактатов / пер. с санскр. СПб.: О-во «Адити», О-во Рамакришны, 1999. С. 58.

¹⁰³ Мюррей, М., Рей М. Введение в философию религии. М.: Библийско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2010. С. 11.

тождественный человеку Абсолют не подвержен иллюзии и не обладает способностью к созданию иллюзии.

Рассмотрение искусственного интеллекта (ИИ), как обладающего иллюзией, вызвано причиной внешнего сходства его деятельности с мыслительной, и, согласно модели сильного психологического ИИ, он потенциально способен воспроизвести человеческое мышление: стать не моделью разума, но самим разумом¹⁰⁴. Здесь следует рассмотреть не существующий ИИ, ограниченный данным уровнем технического развития, а теоретически возможный. Прежде всего, ИИ, в отличие от рассмотренного выше Абсолюта, не обладает Всезнанием, а, значит, может считать ложное истинным. Однако это скорее свидетельствовало бы не об ошибке в его «мыслительном» процессе, а о его запрограммированности на некоторую иную систему истины. Ошибки для ИИ – невозможные действия, непроработанные тупики, не имеющие общего с иллюзией: на ошибке ИИ останавливается, не способный включить ошибку в свою реальность. Хотя распространено мнение, что ИИ призван достичь более высокого состояния, чем человек, что выражалось бы в отсутствии субъективных искажений¹⁰⁵, именно эти искажения столь важны для человеческой сущности. По словам А. Тьюринга, чтобы сделать машину интеллектуальной, она должна уметь ошибаться: «... if a machine is expected to be infallible, it cannot also be intelligent...»¹⁰⁶. Как будет рассмотрено ниже, только в условиях субъективных искажений возможна полноценная творческая, символическая и разумная деятельность.

Однако в случае создания ИИ, способного ошибаться, он все еще не обладал бы иллюзией: для иллюзии недостаточно только лишь искажения действительности. Необходимо также основание в субъективности и личности, а личности у ИИ нет, и даже «сильная версия» обычно говорит о мышлении, а не о личности. Кроме того, здесь возникает проблема чужого

¹⁰⁴ Серл, Д. Разум мозга – компьютерная программа? [Электронный ресурс] URL: <http://www.mpak.su/pages/599> (дата обращения 07.02.2014).

¹⁰⁵ Амосов, Н.М. Искусственный разум. Киев: Наукова думка, 1969. С. 147.

¹⁰⁶ Тьюринг, А. Цит. по Wagman M. Historical Dictionary of Quotations in Cognitive Science. London: Greenwood Press, 2000. С. 141.

сознания: создание ИИ, производящего действия, присущие разуму и личности¹⁰⁷, не будут свидетельствовать о том, что эта личность на самом деле есть. Главным аргументом является то, что ИИ не обладает желаниями, а его интенция заимствуется у создателя¹⁰⁸. Иллюзия же, как было рассмотрено выше, основана на желании. Таким образом, иллюзии для ИИ невозможны: он также не выступает в качестве носителя иллюзии, и его бытие не основано на ней.

В целях полного охвата исследуемых объектов, правомерно допустить возможность существования иных разумных существ, исходим ли мы из гипотезы существования внеземных цивилизаций или говорим о неких мистических созданиях. Отсутствуют доказательства существования подобных существ, однако нельзя однозначно и окончательно ответить на вопрос, является ли человек единственным разумным существом. В пользу существования нечеловеческой разумной жизни говорят некоторые статистические расчеты, которые, правда, не могут дать точных результатов (например, уравнение Ф.Д. Дрейка). Разумных существ описывает религия и мистика. Здесь нельзя однозначно ответить на вопрос об обладании подобными иллюзией или ее характере, так как нам ничего неизвестно о подобных существах. Возможно, нечеловеческий разум не подвержен иллюзии, а возможно, подвержен так же, как и человеческий. Но если эти существа в той же мере производили все свои достижения из своей иллюзии, это не опровергало бы идеи данного исследования: человек — не столько биологический вид, сколько существо, обладающее особым отношением к миру и положением в нем; существо, обладающее разумом, подобным человеческому, теми же иллюзиями, тем же положением в мире должно быть признано человеком, независимо от его физиологических особенностей.

Таким образом, сохраняется один, но самый сложный вопрос: вопрос о наличии иллюзии у неразумных форм жизни. Мы исходим из обладания

¹⁰⁷ Амосов, Н.М. Указ. соч. С. 142.

¹⁰⁸ Haugeland, J. Цит. по Wagman Historical Dictionary of Quotations in Cognitive Science. London: Greenwood Press, 2000. С. 44.

животными восприятием и некоторым подобием мышления, отличным от мышления человеческого, так как современные исследования не поддерживают картезианскую теорию животного-автомата. Животные заблуждаются, и даже обыденных эмпирических наблюдений достаточно, чтобы понять, что высшие животные подвержены ошибкам, подобным иллюзии. Можно рассмотреть на примере нападения животного на свое отражение в зеркале. Признаки иллюзии в указанном примере, на первый взгляд, соблюдаются: есть объективная реальность (отражающая поверхность), есть ее искаженный образ (иллюзорное продолжение пространства, в котором обитает это "другое" животное), этот образ принимается за действительность, такое понимание обусловлено субъективным представлением (о том, что все, выглядящее таким образом, является живым существом), искажение исключительно идеально (в материальном мире есть только поверхность и поток света), существует только в данности данному субъекту, конструирует собственное содержание, обладает значением для субъекта (чужой на моей территории), лежит в основе деятельности (нападение). Однако это не иллюзия, так как можно поставить под сомнение моменты, связанные со значимостью и субъективностью. Субъективность в отношении человека открывает присутствие богатого внутреннего мира, наличие личности, представления о себе как о «Я»; значимость иллюзии человека подразумевает наличие сложной системы желаний. Указанные черты невозможно применить относительно животного: 1. скорее всего, оно не обладает ими; 2. мы не можем знать точно ответа на этот вопрос, так как исследуем животное с помощью модели черного ящика, в то время как единственный точный способ исследования внутреннего мира – метод интроспекции. Однако, если обратиться к признакам способности к созданию иллюзии, выясняется, что бессмысленно выяснять, подвержены животные иллюзии или нет, так как даже если подвержены, то иным способом, нежели человек. Активность, свобода, возможность осознания – не применимы к иным формам жизни, кроме человеческой.

Однако положение человека в качестве субъекта иллюзии входит в кажущееся противоречие с фактом подверженности человека ее воздействию: иллюзия как способность и иллюзия как свойство противостоят друг другу. Способность человека к созданию иллюзии — инструмент свободы человека, то, что выводит его за рамки непреложных ограничений. Подверженность иллюзии — несвобода, детерминированность иллюзией. Тенденция к подчеркиванию влияния иллюзии на человека, а не человека на иллюзию, ярко выражается в персонификации иллюзии, примерами которой может быть майя адвайта-веданты, злой демон Декарта. Сам способ употребления слов располагает к тому, чтобы выделять иллюзию в качестве сущности, отделенной от человека. В этом есть определенный смысл, так как иллюзия, выпадающая из сферы прямого контроля, приобретает обособленные черты, выступает в качестве паразита для человека (в чем и заключается модель иллюзии как случайного и временного несовершенства). Однако иллюзия не может существовать в качестве отдельной сущности: она является особым качеством человека, которое он, более того, может контролировать. В иллюзии прослеживается та же тенденция к отчуждению от человека его качеств, которая видна, например, в обособлении от человека техники, в возникновении идеи Бога (согласно теории Фейербаха). Проблема заключается в том, что иллюзия для своего поддержания требует правдоподобности, веры в нее, как в реальность. И те иллюзорные составляющие реальности, в которых есть возможность, сохраняя долю правдоподобности, тем не менее, осознавать иллюзию, не всегда признаются происходящими из той же способности, что и неосознаваемые иллюзии. Субъектом, источником деятельности и создателем самого взаимоотношения, является человек. Мнимая «деятельность» иллюзии обусловлена ее происхождением от человеческой деятельности: человек, как субъект, является истинным источником влияния иллюзии на самого себя.

Возникает вопрос о том, кто именно подразумевается под человеком как субъектом, так как он имеет несколько вариантов ответа: конкретная личность, родовая сущность человека, группы и все человечество, как коллективные

субъекты. Все они в определенной степени верны: конкретный человек сознательно создает иллюзорные реальности и управляет ими; субъектность, как показал анализ определений, заложена в самой сущности человека; группы формируют и изменяют коллективные иллюзии – то же касается и всего человечества. Однако, несмотря на то, что каждая иллюзия имеет в качестве субъекта своего взаимоотношения хотя бы один из перечисленных субъектов, это не значит, что каждая иллюзия подвластна всем им. Один человек может создать иллюзию для контроля над другим человеком, иллюзии, конструктивные для человечества, могут оказаться деструктивными для конкретных лиц. Чаще всего субъектом способности к созданию иллюзии можно признать человечество как целое, так как оно не подвержено ограниченности индивидуального сознания.

Из субъектов восприятия и мышления только люди подвержены иллюзии: ни искусственный интеллект, ни гипотетическое существо не могут иметь иллюзий. Если даже другие формы жизни могут обладать деструктивными иллюзиями, только иллюзию человека можно охарактеризовать, как «способность к созданию иллюзии», выражающую ее активность, осознанность и обособленность в отдельных реальностях, и позволяющую иллюзии вывести своего носителя за пределы естественных взаимодействий в область надприродного бытия.

1.3.2. Классификация иллюзий по отношению к субъекту. Способность человека к созданию иллюзии, положение его в качестве субъекта относительно иллюзии порождают особенности, не присущие подобным иллюзиям ошибкам у других форм жизни. Помимо приведенных характеристик данного взаимоотношения, исследуемая способность определяется наличием особых видов иллюзии. Наряду с выявлением видов обнаруживаются некоторые особенности их функционирования в отношении человека, культуры и общества.

Для выявления связи человека и его иллюзии, а также подчеркивания уникальности для человека способности к созданию иллюзии, необходимо классифицировать иллюзии по ряду оснований¹⁰⁹:

1. По задействованной познавательной способности (иллюзии восприятия и мышления). Выделяются для уточнения единства в иллюзии форм, связанных как с восприятием, так и с мышлением, и преодоления стремления к их разделению как разных явлений. Способность к созданию иллюзии ставит во главу угла иллюзии мышления, принижая роль иллюзий восприятия, более близких к подобным иллюзии ошибкам других форм жизни.

2. По необходимости возникновения (трансцендентальные и акцидентальные). Это различие подчеркивает наличие иллюзий, исследование которых осложнено неочевидностью их существования из-за неразрывной связи с мышлением и восприятием (трансцендентальных). Для способности к созданию иллюзии, отношения к иллюзии различие трансцендентальных и акцидентальных иллюзий становится значимым в связи с вопросами контроля и осознания.

Два вышеназванных основания являются скорее вспомогательными для исследования, так как касаются в большей мере самой иллюзии, чем ее связи с субъектом.

3. По типу субъекта (индивидуальные и коллективные). Подчеркивает усиленную роль коллективных иллюзий человека, проистекает из транслируемости, подразумеваемой способностью к созданию иллюзии. Преследует цели снятия противоречия между возможностью коллективного субъекта являться носителем иллюзии и субъективностью иллюзии.

4. По источнику происхождения (естественные, искусственные) — Подчеркивает способность человека к сознательному созданию иллюзии, указывает на активную позицию человека к иллюзии, демонстрируя уникальный для человека вид иллюзии – искусственные иллюзии.

¹⁰⁹ Здесь не будут рассматриваться классификации, касающиеся иллюзии, как изолированного явления (например, по длительности), но только, которые помогают исследованию иллюзии в качестве присущей человеку и определяющей его бытие.

5. По уровню осознанности. Указывает на наличие у человека осознанных иллюзий, в которых снято противоречие между осознанностью и правдоподобностью, что выше было названо в качестве одного из базовых признаков способности к созданию иллюзии.

6. По влиянию на человека, культуру и общество (конструктивные и деструктивные). Указывает на наличие конструктивных иллюзий, в наибольшей степени характеризующих способность к созданию иллюзии: именно конструктивный аспект иллюзии является основанием основных достижений человечества. Кроме того, данное основание позволяет рассматривать иллюзию в качестве ценностно-нейтрального инструмента, чья польза или вред определяются способом применения.

Можно выделить множество оснований классификации иллюзии, таких как длительность, влияние на психические состояния, эмоциональная окраска и другие, однако они не будут затронуты, так как это значило бы рассмотрение узких частных вопросов, имеющих опосредованное отношение к данному исследованию.

Рассмотрим виды иллюзий по указанным основаниям.

1. По задействованной познавательной способности выделяем иллюзии восприятия и иллюзии мышления. Это естественная классификация: иллюзии мышления и восприятия рассматриваются обычно отдельно: исследователь интересуется одним видом, что вызывает представление о них, как о разных явлениях, которые названы одним словом.

Иллюзия восприятия. Определения данного вида иллюзии даны в психологии. Иллюзия восприятия — это «неадекватное отражение воспринимаемого предмета и его свойств; искажение восприятия частных признаков неких предметов или изображений»¹¹⁰. Можно обратиться и определению Эскироля: «ложная интерпретация внешних объектов»¹¹¹. К иллюзиям восприятия относятся значимые искажения ощущений и искаженные образы. Следует уточнить: отсутствие стимула способно являться основанием

¹¹⁰ Головин, С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. С. 135.

¹¹¹ Parish, E. Hallucinations and illusions. London: the Walter Scott publishing co., 1914. С. 18.

иллюзии: иллюзорные образы возникают не всегда на основе актуального восприятия. Значимые галлюцинации, вопреки действующему в психологии различению, включены в иллюзии восприятия. К ним относится и имитация восприятия, например, возникающая во сне.

Иллюзия мышления. Для указанного вида четкие определения отсутствуют, так как иллюзии мышления предстают во многих формах, исследуемых в отдельности. Сформулируем следующее определение: *внечувственное искаженное представление о действительности*. К ним следует отнести симулякры, мифы, стереотипы, идеологии, личные значимые заблуждения, формы самообмана, другие ложные идеи, искажающие мировоззрение людей. Для иллюзий мышления также можно выделять подвиды *по области действия*: научные иллюзии, политические иллюзии, социальные иллюзии и другие.

Отличие иллюзий мышления от иллюзий восприятия можно выразить в наличии признаков образности и сенсорности у иллюзии восприятия, которым следует противопоставить понятийность и внечувственность в иллюзии мышления. Сенсорность заключается в связи с ощущениями (вне зависимости от наличия внешнего стимула: если органы не получают сигналов извне, но образы иллюзии кажутся чувственно-воспринимаемыми, это иллюзия восприятия). Иллюзия мышления не имеет чувственного воплощения, выражена в идеях, мыслях. Иное проявление иллюзии восприятия — образность: содержание выражено в форме совокупности чувственных образов. В иллюзиях мышления не видимая форма подвергается искажению, а внутренний смысл: искажение влияет на понятия, выставляет ложные высказывания как истинные и наоборот.

Рассматривая приложение к данным видам выделенных признаков иллюзии, можно обнаружить расхождения. Это заметно, прежде всего, в правдоподобности иллюзии. Искажённое восприятие легче принимается за истинное, чем иллюзорное мышление, что происходит из привычки доверия чувственному восприятию. Утверждения в большинстве случаев проходят

первичную проверку на истинность. Воспринятый же объект первым делом принимается в качестве объективно существующего. Таким образом, иллюзии восприятия оказываются более устойчивыми.

Значимость, субъективность и идеальность выявляются легче в иллюзиях мышления. Следует отличать иллюзию восприятия от его ошибок: субъективный мыслительный элемент утрачивает очевидность при искажении ощущения. Может казаться, что всякое искажение восприятия возникает из физических причин либо недостаточной внимательности: следовательно, не связано с внутренним миром человека. Однако это не так: содержание иллюзии восприятия составляет то, что значимо для человека, в открытой или скрытой форме.

Из-за повышенной правдоподобности иллюзий восприятия, этот вид особенно эффективен в ориентированных на веру в иллюзию задачах: компенсацию недостатков действительности и рекреацию. Но по причине сложности распространения играют малую роль в манипуляции общественным сознанием. Иллюзии восприятия, не считая их роли в искусстве, имеют меньше влияния на общество и человека, чем иллюзии мышления. Иллюзии мышления широко применимы, полно реализуют основные функции иллюзии. Также умышленное создание иллюзии восприятия требует большого усилия, создание же иллюзии мышления может быть осуществлено одним только авторитетным высказыванием.

Надо учесть, что здесь рассматриваются простые иллюзии, относящиеся с очевидностью к одной из групп. Мы также можем говорить о сложных иллюзиях, имеющих оба элемента. Третий, смешанный вид не требуется, ведь сложная иллюзия не носит двойственного характера, а состоит из единичных иллюзий разных видов (например, в мировой иллюзии адвата-веданты присутствует и несовершенство мышления, и недоступность восприятия вещей-в-себе). Наиболее устойчивые иллюзии формируются во взаимодействии

восприятия и мышления, так в сновидении человек видит то, во что верит, но сильнее верит в то, что видит¹¹².

2. По необходимости возникновения различаем акцидентальные и трансцендентальные иллюзии. К данному различению подталкивает, прежде всего, трудность выявления трансцендентальных иллюзий.

Трансцендентальные иллюзии – искажения восприятия и мышления человека, присущие ему с необходимостью, вне зависимости от индивидуального опыта. К трансцендентальным прежде всего причислим иллюзии, относящиеся к «идолам рода» Ф. Бэкона. Трансцендентальные иллюзии восприятия — общечеловеческие оптические обманы, такие как стробоскопический эффект. Трансцендентальные иллюзий мышления: прежде всего врожденные стремления, например, тенденция к одушевлению неодушевленного. Особое место здесь занимает возможная неосознаваемая иллюзорность действительности, в том случае, если восприятие искажено априорными формами чувственности, а мышление — формами рассудка и разума. Иллюзия феноменального мира — трансцендентальная иллюзия.

Акцидентальные иллюзии – искажения восприятия и мышления, присущие человеку случайным, необязательным образом, обусловленные индивидуальными особенностями или появляющиеся в связи с конкретными явлениями и событиями. К акцидентальным иллюзиям отнесено количественное большинство иллюзий: все, не разделяемые всеми людьми, но и те, которые, разделяются всеми, не принадлежа человечеству с необходимостью.

Отличительные признаки трансцендентальных иллюзий: врожденность, необходимость, всеобщность; им в акцидентальных противопоставлены приобретенность, случайность, индивидуальность. Всеобщность подразумевает распространение трансцендентальных иллюзий на человечество, равные предпосылки для возникновения иллюзии. Акцидентальные относятся к индивидам и группам, если присущи человечеству, то по причине широкого

¹¹² Бескова И.А. Природа сновидений (эпистемологический анализ). М.: ИФ РАН, 2005. С. 175.

распространения, а не из всеобщих причин. Под врожденностью подразумевается независимость от опыта. Необходимость означает включение иллюзий в само человеческое бытие: без некоторых трансцендентальных иллюзий, возможно, человек не являлся бы человеком. Случайность иллюзий акцидентальных указывает на возможность их несуществования: это не произвол в возникновении, но отсутствие неизбежно создающих иллюзию предпосылок.

Трансцендентальные иллюзии в большей мере правдоподобны, чем акцидентальные: если человек не способен выйти за пределы себя, узнать о собственных иллюзиях, так и другой ему не поможет, разделяя данную иллюзию. Человек не может различить трансцендентальную иллюзию, сживается с ней. Акцидентальные иллюзии обладают явной значимостью для индивида, больше связаны с субъективностью. В трансцендентальных иллюзиях субъективное преломление – не начальная точка, а результат.

В своей роли в жизни человека трансцендентальные и акцидентальные иллюзии не сильно различаются: у них различные исходные предпосылки, но они служат одинаковым целям. Разница в сложности контроля человеком трансцендентальных иллюзий: нельзя их создать или помешать их появлению. Полезные функции иллюзии ослаблены для трансцендентальных, хотя на основе них можно создавать конструктивные акцидентальные иллюзии. Например, трансцендентальная иллюзия движения лежит в основе акцидентальной иллюзии реальности кинематографа.

3. По типу субъекта выделим индивидуальные и коллективные иллюзии. Можно выделить подвиды коллективных иллюзий, описывая иллюзии разных типов групп; однако здесь важно только отделить их от индивидуальных: иллюзия на разных уровнях объединения обладает схожими чертами.

Индивидуальные иллюзии – искаженная действительность, присущая только одному единственному сознанию. Индивидуальные иллюзии — личные заблуждения, искажения восприятия, результаты самообмана, имеющие причиной индивидуальное развитие; это одномоментные случайные иллюзии.

К ним же отнесены иллюзии, возникшие по разным причинам у разных людей, но, тем не менее, схожие¹¹³.

Коллективные иллюзии – искажения восприятия и мышления, разделяемые группой лиц и основанные на общей причине. К коллективным причисляем иллюзии, возникающие двумя способами: из одинаковых начальных условий или распространением иллюзии, передачи от одних лиц другим. Первый случай подразумевает одинаковое воздействие на определенные способности организма, ошибки вследствие особенностей мышления человека, общие следствия из коллективных убеждений, распространившихся в группе. Второй подразумевает, стереотипы, передающиеся в культуре, ложные убеждения, передаваемые одними несведущими людьми другим, идеологии, разработанные для контроля масс. Оба случая не сильно различаются. В коллективных распространяется не иллюзия, распространяется ее материальная форма: сама по себе иллюзия — следствие восприятия формы. Наличие общей причины подчеркнуто для отделения от выше упомянутого случая совпадения индивидуальных иллюзий, что придает им видимость коллективности.

Основное различие индивидуальных иллюзии и коллективных — в характере их субъективности. Иллюзия, даже коллективная, субъективна в определенной степени: необходимо воссоздать для себя иллюзию, чтобы стать ее субъектом. Различие в том, что иллюзия индивидуальная не имеет иной формы, кроме субъективного воплощения, а коллективная преломляется в разных сознаниях, проявляется во многих формах, сохраняющих, однако, единство.

Наличие у коллективных иллюзий нескольких носителей преобразуют действие иллюзии и ее влияние на человека. Практикоориентированность в коллективных иллюзиях связана с областью совместной деятельности.

¹¹³ Например, если один человек из-за нарушения зрения видит собаку вместо камня, а другой — из-за душевного расстройства, очевидно, что им кажется разная собака; если в самом камне нет того, что подталкивало бы к этой мысли каждого.

Это очевидно при рассмотрении роли коллективных и индивидуальных иллюзий. Основное отличие заключается в том, что коллективные иллюзии обладают дополнительными функциями в обществе. Речь идет об особой роли в способствовании общению, объединении субъектов иллюзии: тот, кто разделяет одну иллюзию, разделяет одну реальность. Обратная сторона этого влияния — отделение от лиц, не являющихся субъектами данной иллюзии. Ниже эта роль будет рассмотрена как коммуникативная функция. Роль иллюзии в познании через нее ее субъекта в коллективных иллюзиях распространяется на целые общности, способствуя уже не только психологическому, но и социологическому познанию. Коллективные иллюзии просто создаются и управляются, а значит, активно используются в целях манипуляции общественным сознанием: индивидуальные хуже поддаются контролю.

4. По источнику происхождения выделяем искусственные и естественные иллюзии. Манипулятивная роль иллюзии требует существования не только случайных иллюзий, но и умышленно создаваемых одними лицами для других.

Естественные иллюзии — это иллюзии, возникновение которых не зависит от сознательной деятельности человека. К ним можно отнести врожденные иллюзии, многие иллюзии восприятия, большую часть индивидуальных иллюзий. Не имеющие явного создателя социальные иллюзии — также естественные.

Искусственные иллюзии — это иллюзии, создаваемые умышленно лицом, осознающим, что создает иллюзию. К искусственным явно относятся иллюзии социальные, созданные в целях манипуляции. Применяемые в искусстве иллюзии — также относятся к ним. Неоднозначно положение иллюзий, которые вызываются специально, но на их содержание нельзя повлиять (например, наркотические галлюцинации искусственны, ведь человек вызывает их самовольно, но он не может управлять их содержанием).

При различении естественных и искусственных иллюзий необходимо различить автора иллюзии и ее носителя. Мы понимаем под автором лицо, создающее иллюзию сознательно. Истинным создателем иллюзии всегда

является носителем, даже коллективные иллюзии должны воссоздаваться в его сознании. Носитель не властен над иллюзией, не может контролировать ее, так как был бы вынужден отказаться от ее правдоподобности и тем самым разрушить иллюзию. Автор же создает иллюзию для других: хотя может погрузиться в свою иллюзию, но не поверит в нее столь сильно, как не знающие процесса ее создания. Автор нередко может быть носителем художественной иллюзии. Основным признаком искусственной иллюзии – описанное выше авторство. Естественная, напротив, возникает по естественным причинам; она случайна и непредсказуема (кроме необходимых трансцендентальных иллюзий).

Искусственные иллюзии чаще являются коллективными. Более того, у искусственной иллюзии имеется возможность стать коллективной: она уже использует механизмы передачи, позволяющие обрести новых носителей.

Искусственные иллюзии более эффективно воздействуют на общество: прежде всего в задачах манипуляции и рекреации. Влияние же на внутренний мир человека лучше реализуется в естественных иллюзиях: свое содержание они берут из сознания и из бессознательного носителя, а, следовательно, соответствуют его требованиям и нуждам.

5. По уровню осознанности иллюзии разделяются на неосознанные и осознанные. Подобное различие было использовано Л.В. Шукшиной¹¹⁴ по отношению к социальным иллюзиям, но также может быть распространено на другие разновидности. Осознанность иллюзии — это возможность определения иллюзии в качестве таковой, без разрушения ее. Правдоподобность иллюзии требуется, чтобы иллюзия была воспринята как реальность, однако не все иллюзии развеиваются при осознании их иллюзорности. Ошибочная интерпретация действительности, лежащая в основе иллюзии, несмотря на ее укорененность в бессознательном, в равной степени может быть присуща сознанию: оба уровня психики подвержены искажению¹¹⁵.

¹¹⁴ Шукшина, Л.В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: дисс. ... док. фил. наук. Саранск. 2010.

¹¹⁵ Воскобойников, А.Э. Бессознательное и сознательное в единении и на миру // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 120.

Неосознанные иллюзии – искажения, расценивающиеся субъектом как реальность. Они составляют подавляющее большинство иллюзий.

Осознанные иллюзии — иллюзии, понимаемые субъектом в качестве иллюзий, но, несмотря на это, сохраняющие свои функции. К осознанным относятся некоторые иллюзии восприятия (например, «видя» в темноте чудовище, но осознавая полностью, что его там нет, понимая, какие предметы мира сложили такую картину, человек продолжает бояться). К ним относится и сознательный отказ в пользу иллюзии от объективности.

Основные отличия осознанной иллюзии от неосознанной — понимание ее иллюзорности и сохранение иллюзии при ее осознании.

Важнейшую роль осознанные иллюзии играют в задачах рекреации и компенсации. Так, например, события художественной реальности не существуют в мире, и воспринимающий придуманную реальность понимает это, однако понимание не уничтожает ценность и правдоподобность иллюзии. Смотрящий относится к иллюзии как к «как бы» реальности, заставляя себя верить в нее. Осознанные иллюзии непригодны для манипуляции.

6. По характеру влияния на человека, культуру и общество мы выделим деструктивные и конструктивные иллюзии.

Конструктивные иллюзии — иллюзии, оказывающие на человека, культуру и общество положительное влияние. **Деструктивные** — иллюзии, оказывающие негативное влияние.

Здесь важно уточнить характер конструктивности. Не многие явления могут быть позитивным во всех отношениях. Так, не всегда полезное для общества, полезно индивиду. Следует различать влияние на человека, на единое человечество, конкретные группы, отдельные культуры. Суждение о деструктивности или конструктивности иллюзии относительно. Можно выделить иллюзии очевидно деструктивные и очевидно конструктивные, если такое влияние они оказывают одновременно на всех уровнях.

Это основное различие, указывающее на наличие конструктивных иллюзий, обеспечиваемое активным, субъектным отношением человека к

иллюзией. Деструктивные иллюзии возникают либо как следствие недостаточности развития человеком потенциала данной способности, либо в случае сознательного навязывания искусственных иллюзий.

Особое внимание в данном различии уделяется практикоориентированности: необходимость этого различения обоснована данным признаком. Иллюзия оказывается вредной или полезной, когда она обращается к практике. Создается ошибочное представление, что деструктивные иллюзии не обладают субъективностью и значимостью, выражая противоположное им. Однако они присутствуют и в деструктивных иллюзиях: выводят негативные аспекты бессознательного на поверхность.

Любое воздействие иллюзии на человека и общество имеет созидательный и разрушительный аспект. Одни и те же пути влияния иллюзии на человека могут нести как конструктивное, так и деструктивное значение. Так, у созидательной роли иллюзии имеется деструктивный аспект: создание нежелательных вещей; а, влияя на ценности, иллюзии могут как утверждать позитивные ценности, так и подменять их негативными.

Таким образом, разработанная классификация позволяет не только систематизировать базовые формы иллюзии, признать включенность их в расширенное понимание иллюзии, но также показывает особенности способности человека к созданию иллюзии, отрицает преимущественно негативный характер иллюзии, демонстрирует ее формы, обычно не замечаемые человеком, утверждает активность человека по отношению к иллюзии, снимает противоречия между понятием и формами иллюзии.

Итак, человек является единственной формой сущего, обладающей иллюзией: не как пассивным свойством, но как активной способностью, позволяющей ему осознавать отдельные иллюзии и адаптироваться к ним и с их помощью к окружающему миру, формировать иллюзорные реальности, поддерживать их, вовлекать в них других людей и самому становиться причастным к чужим реальностям. Способность к созданию иллюзий освобождает человека от естественных ограничений, делая его внеприродным

существом. Эти особенности проявлены в исследованных видах иллюзии, подчеркивающих разрыв между иллюзией человека и ошибками других форм сущего: главенствующими для человека являются не иллюзии восприятия, а иллюзии мышления, не индивидуальные иллюзии, а коллективные; иллюзии осознанные и искусственные подчеркивают активность человека в отношении иллюзии.

Уникальность человеческого бытия — особенность положения человека в мире, его исключительные черты и способности, создаваемая им культура — проистекает из специфики связи человека и иллюзии, формулируемой в термине «способность к созданию иллюзий» и подразумевающей понимание иллюзии в междисциплинарном смысле, как значимого, правдоподобного, идеального и субъективного искажения восприятия и мышления, идеального построения, подменяющего объективную реальность. Способность к созданию иллюзии обуславливает бытие человека в качестве неопределимого, бессущностного, надприродного существа, использующего восходящие к иллюзии средства разумной, творческой, свободной деятельности для формирования реальностей, в которых он существует.

ГЛАВА II. Бытие в иллюзорных реальностях как основной способ существования человека

2.1. Актуализация способности к созданию иллюзий в построении виртуальных реальностей

Исследование в первой главе было посвящено выявлению способности к созданию иллюзии в качестве одного из атрибутивных свойств человеческого бытия, исходя из исследования иных свойств человека и свойств самой иллюзии, присущих им априори, описанных в определениях их сущности. Для полного понимания роли способности к созданию иллюзии в человеческом существовании необходимо исследовать, каким образом способность к созданию иллюзии функционирует на уровне конкретного существования в иллюзорных реальностях.

В качестве одной из основных особенностей способности человека к созданию иллюзии было выявлено разделение объективной реальности и иллюзорных реальностей, выделение иллюзий в отдельные реальности. Связь с иллюзией актуализируется во взаимодействии с иллюзорной реальностью. Необходимо проанализировать иллюзорные конструкции, создаваемые человеком как отдельные миры, в которых человек одновременно существует, создавая видимость их непротиворечивости. Следует рассмотреть соприкосновение проблематики иллюзии и реальностей в контексте виртуальной реальности и исследовать основные реальности, которые создает человек.

Иллюзии свойственна содержательность: иллюзия обладает содержанием, которое упорядочивается познавательными способностями, формирует целостные образы. Однако способность человека к созданию, преобразованию, направлению иллюзии приводит его к формированию из этих образов целостных реальностей, обособляемых от объективной, хотя это обособление не всегда и не всеми осознается. Это поднимает как вопросы о реальности, так и вопросы о действительных и возможных мирах.

Прежде всего, надо определить, что такое реальность. Частично это было сделано в начале первой главы, где был уточнен подход к реальности не с позиции обыденного знания, понимающей ее в тождественности бытию и сущему, а как существование, оформленное в качестве вещей, как единство вещей одного уровня.

Опорой для исследования реальности нам будет служить ее определение Л. Витгенштейна. Согласно его подходу, реальность — это «осмысленная часть мира»¹¹⁶. Это понимание можно взять за основу дальнейшего рассмотрения, если не принимать во внимание, что для Витгенштейна, ввиду идеи соответствия мира, мышления и языка, это не влечет умножение реальностей. В противостоянии представлений о связи реальности и языка у Витгенштейна и в гипотезе Сепира-Уорфа мы встаем на вторую позицию: реальность подчинена языку (и другим способам осмысления), а не наоборот.

Указанное определение реальности имеет смысл, если мир понимать как истинное бытие, совокупность вещей-в-себе. В рассмотрении понятия «мир», вслед за В.П. Визгиным¹¹⁷, обратимся к двум пониманиям его Кантом: как космологической идеи совокупности явлений и как «целокупность синтеза» явлений одного плана — оба представления не указывают на единственный объективно-существующий мир. Второе понимание представляется нам наиболее пригодным для данного рассмотрения, так как именно в контексте мира как совокупности вещей¹¹⁸ одного порядка можно говорить о возможных мирах.

Реальность, в таком случае, оказывается результатом контакта с миром, выражением его данности человеку, его осуществленности в чувственности, рассудке и разуме. Данное понимание мира и реальности уже в языковых структурах дает представление об их множественности: объективная,

¹¹⁶ Цит. по: Руднев, В.П., Друк В.Я. От составителей // Возможные миры и виртуальные реальности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.net/books/vozmozhnye-miry-i-virtualnye-realnosti-read-140812-1.html> (дата обращения 06.12.2013).

¹¹⁷ Визгин, В.П. Мир. // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 576.

¹¹⁸ Понятие «явления» в представлении о мире Канта было заменено понятием «вещь», так как, при различении мира и реальности, «явления» относятся к реальности, а к миру относятся вещи.

субъективная, виртуальная реальности, мир искусства, мир науки, внутренний мир.

Рассмотрение в работе многих привычных представлений человека как иллюзий требует уточнения положения объективной реальности и мира вещей-в-себе. При указанном понимании реальности возникает противоречие: принцип данности реальности человеку противостоит пониманию объективной реальности, как полностью независимой от сознания. Объективная реальность также должна являться «осмысленной частью мира», а, значит, не тождественна вещам-в-себе. В указанном противоречии мы вынуждены пожертвовать устоявшимся пониманием объективной реальности ради сохранения принципа данности реальности. Различение вещей-в-себе и явлений является исходной посылкой исследования; объективная реальность относится к феноменам. Вещи-в-себе должны существовать, так как всякая реальность должна иметь некоторую опору в бытии: даже субъективная реальность требует существования некоторого трансцендентального сознания. Таким образом, вне зависимости от субъекта и его иллюзий существует, по крайней мере, трансцендентальное «Я» и, если не принимать позицию солипсизма, «не-Я», с которым «Я» взаимодействует.

В таком случае объективная реальность должна формироваться в таком восприятии и мышлении, которое сможет постичь вещи-в-себе. Объективная реальность — это не мир вне сознания, но абсолютно правильное отражение мира. Если бы человек мог быть уверенным в абсолютном совершенстве своих познавательных способностей, следовало бы признать тождественность вещей-в-себе и реальности человека и объявить эту реальность объективной. Однако, как показал И. Кант, условия познания находятся вне возможностей самого познания. Человек не может исследовать свое познание со стороны, а значит, не может знать, доступна ему объективная реальность или нет. С другой стороны, относительно реальностей иллюзорных мы можем понимать объективную реальность в другом смысле: как совокупность очевидных обыденных знаний, свободную, по крайней мере, от тех иллюзий, которые человечество способно

осознать в качестве таковых. Тогда объективная реальность – предел познавательных способностей человека: реальность, сформированная познавательными способностями, работающими так, как они должны работать.

Таким образом, мы говорим о том, что, несмотря на исследуемую роль иллюзии в существовании человека, объективная реальность имеет место: либо как идеал познания, к которому человек стремится; либо как ориентир, определяющий наиболее свободное от иллюзий состояние, доступное человеку. Однако способность человека к созданию иллюзии указывает на расхождение цели познания с другими жизненными целями человека (в качестве примера можно привести негативное отношение Платона к художественным искусствам именно в виду их иллюзорности). Мы не отрицаем необходимость и возможность познания, однако зачастую конструктивная иллюзия может превзойти объективное знание с прагматической точки зрения.

Центральным понятием для описания соотношения иллюзии и реальности может являться понятие «виртуальной реальности». Здесь мы отходим от обыденного отождествления виртуальной реальности с продуктами современных информационных технологий и рассматриваем с позиции виртуальной психологии (Н.А. Носов). С этой позиции виртуальная реальность — любая реальность, вторичная по отношению к иной, обладающая следующими признаками: порождена (создается активностью иной внешней реальности), актуальна (существует «здесь и сейчас», пока порождающая реальность активна), автономна (обладает своими законами, пространством и временем) и интерактивна (взаимодействует с другими реальностями и обособлена от них)¹¹⁹. Виртуал — необычное смещение реальности, порожденное разумом, но воспринимаемое как объективная реальность¹²⁰. Однако мы не соглашаемся с «необычностью» виртуала и «обычностью» консуетала, так как допускаем возможность адаптации к иной реальности. Во-первых, свойства иллюзорной реальности только укрепятся от того, что она станет обыденной, хотя она и потеряет свойства гратуальности или

¹¹⁹ Носов, Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. С. 47.

¹²⁰ Там же, С. 55.

ингратуальности; во-вторых, если бы действительной была бы необходимость в сохранении контраста объективной и виртуальной реальностей¹²¹, человечество не стремилось бы, например, в области киберреальности, к достижению максимальной близости в подражании действительности.

С точки зрения данного понимания виртуального и выработанного в первой главе понимания иллюзии, иллюзия и виртуальность сближаются, и можно выдвинуть следующие положения: всякая иллюзия формирует виртуальную реальность, а виртуальная реальность, как правило, иллюзорна. Первое положение базируется на признаке содержательности иллюзии. Сомнения могут возникнуть из-за необходимой гратуальности или ингратуальности виртуала, но и иллюзия значима и, как мы видели, не возникает в нейтральной форме, она либо конструктивна, либо деструктивна. Но мы избегаем универсализации, говоря об иллюзорности виртуальной реальности, хотя бы потому, что она не всегда значима (тогда речь идет об ошибке, также находящей отражение в виртуалистике¹²²). Таким образом, человеческая иллюзия — не только искаженное восприятие и мышление действительности, но и построение виртуальной реальности.

Однако на этом этапе вновь возникает вопрос о соотношении реальности и мира. Мы приходили к выводу, что реальность — данность человеку мира, восприятие и мышление его. С иллюзорной (виртуальной) реальностью в этом различении не возникает проблемы: иллюзия всегда дана человеку, она не может быть «в-себе». Проблема в порождающей реальности, необходимой, согласно Н.А. Носову, для существования виртуальной. Мы не отрицаем возможность реальности порождать другую, даже утверждаем возможности длинных цепочек взаимопорожденных реальностей, но нельзя отрицать порождающую функцию мира. Так «реальный» мир, мир вещей-в-себе, находится с реальностью явлений в тех же отношениях порождения; мир явлений также актуален (явления существуют как данные человеку), автономен

¹²¹ Руднев, В.П., Друк В.Я. Указ. соч.

¹²² Пронин, М.А., Юрьев, Г.П. Онтология ошибки: не-виртуалистика и виртуальный подход // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3. М.: ИФРАН, 2009. С. 221.

(априорные формы задают свои законы и координаты) и интерактивен (взаимодействует с реальностями, не сливаясь с ними). Таким образом, реальность явлений также оказывается виртуальной реальностью, а мир вещей-в-себе наделен возможностью порождения.

Другим дополнением здесь к теории виртуальной реальности будет являться гипотеза о возможности иллюзорного порождения не только реальности, но и мира. Разумеется, мы не можем говорить о виртуальном мире, так как виртуальное дано человеку, а мир, не принятый, как реальность, человеку не дан. Однако всякая реальность функционирует так, как будто за ней (по крайней мере, иллюзорно) стоит мир. Так реальность художественного произведения, будучи данностью, дается человеку, как фрагментарные представления о некоторых событиях, однако формируется представление о единстве этих фрагментов в целом мире, который может продуцировать и иные реальности (например, если автор напишет новую книгу о том же мире). Таким образом, несмотря на парадоксальность, иллюзия человека создает не только новые иллюзорные реальности, но и новые иллюзорные миры: так как реальность нам дана, а о мире мы судим только в терминах существования, мы можем говорить о создании иллюзорных вещей-в-себе. Иллюзорная вещь-в-себе кажется оксюмороном, но выражает всего лишь соответствующее признакам иллюзии ложное убеждение в существовании объективной основы за той или иной реальностью. Второе уточнение, которое необходимо сделать, касается способности порожденной реальности выступить в качестве порождающей: как возможен вымысел внутри вымысла¹²³, таким же образом иллюзия возникает на основе иллюзии, «реальным основанием» становится основание иллюзорной реальности.

Процесс формирования реальности, с точки зрения П. Бергера и Т. Лукмана, проходит три стадии: экстернализацию, деятельность по созданию реальности; объективацию, обретение статуса объективности; интернализацию,

¹²³ Льюз, Д. Истинность в вымысле // Возможные миры и виртуальные реальности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.net/books/vozmozhnye-miry-i-virtualnye-realnosti-read-140812-29.html> (дата обращения 26.11.2013)

включение человека в существующую реальность, присвоение этой реальности¹²⁴. Стоит уточнить, что третья стадия касается только коллективных иллюзорных реальностей, когда требуется приобщение к ним новых субъектов. Также в данном рассмотрении следует обратить внимание на экстернализацию: П. Бергер и Т. Лукман рассматривают ее как любую человеческую деятельность, однако в контексте иллюзии эта деятельность будет прежде всего психической (в построении иллюзорной реальности физическая деятельность всегда вторична¹²⁵).

Подобный вывод не означает, что мы должны говорить о ложности реальности: иллюзорность (и виртуальность) не одно и то же с ложью. Именно принцип разграничения реальности позволяет прийти к этому выводу. Оговорка «в такой-то реальности» меняет истину и ложь местами. У реальности своя истинность и нельзя судить из одной реальности о другой. М. Бьюрок, опровергая картезианский скептицизм, указывает, что если есть «демон Декарта» (или иная подобная обманывающая человека сила), то этот «демон» не препятствует познанию реальности, определению ее как истинной или ложной, так как его обман является неотъемлемой частью реальности¹²⁶: без «демона» реальность бы рухнула. Также и Н. Гудмен указывает, что конструируемые символическими средствами миры являются именно множественными действительными мирами¹²⁷.

Изучение социальных взаимодействий индивидов привело к выводу, что одинаковой для всех объективной реальности не существует (Г. Блумер), так как, наполняя реальность собственными значениями и смыслами, пересоздавая ее, человек формирует собственную интерпретацию действительности. В работе "Истина и интерпретация" Л. Парейсон, говоря о различных аспектах человеческой жизнедеятельности, как имеющих характер интерпретации,

¹²⁴ Бергер, П., Лукман, Т. Указ. соч. С. 103.

¹²⁵ Физическая деятельность необходима, например, при создании материального воплощения реальности, однако сама реальность творится в уме.

¹²⁶ Burock, M. Falsehood: an analysis of illusion's singularity. [Электронный ресурс]
URL: http://ia700307.us.archive.org/13/items/FalsehoodAnAnalysisOfIllusionsSingularity/Falsehood_r4.pdf (дата обращения 13.02.2014)

¹²⁷ Гудмен, Н. Способы создания миров // Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. С.119.

отмечает, что интерпретация «всегда толкует об истине». Действительно, человек принимает за истинное свое индивидуальное видение. Имея индивидуальную карту реальности, человек в процессе жизнедеятельности реагирует на нее, а не на «объективную». Факты, которыми он оперирует, сформированы индивидуальной версией мира (Гудмен), даже наука выносит суждения о предметах, отношениях и свойствах, находясь «внутри теорий» (Куайн). На видение мира влияет ряд факторов: язык, установка и направленность личности, различная глубина опредмечивания и распределмечивания объектов действительности, характер социализации человека, зависимость «каждого нового впечатления от структуры и содержания предыдущих».¹²⁸ Однако карта реальности человека не статична. Индивидуальная реальность, способность осознавать свое «Я», формируется под воздействием смены социальных ролей (символический интеракционизм Дж. Мида), причем принятие некоторой роли ставит индивида в зависимость от нее, изменяя реальность.¹²⁹ Здесь действует принцип взаимовлияния иллюзии и индивида. Но и само общество оказывается зависимо от иллюзии. Согласно Г. Блумеру, «символическая интеракция», взаимодействие между людьми, в котором действия являются ответом не на действия других людей, а на интерпретацию этих действий, является основой общественной жизни¹³⁰. Данная идея еще не свидетельствует об иллюзорности, но указывает на несущественность действительных, объективных событий для человека, его постоянную ориентацию на конструкции собственного сознания. Особую роль субъективной интерпретации в социальном взаимодействии подчеркивает и Дж. Келли в понятии «личного конструкта»¹³¹: каждый человек имеет набор оценочных систем, искусственных классификаций, под которые он подгоняет окружающую действительность.

¹²⁸ Бим-Бад, Б.М. Педагогическая антропология. М.: Из-во УРАО, 2003. С.82.

¹²⁹ Зависимость человека от его роли иллюстрируется известным экспериментом Цимбардо П.Г., разделившим группу на «узников» и «надзирателей».

¹³⁰ Блумер, Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 173.

¹³¹ Келли, Дж. Природа личных конструктов // Теория личности. СПб.: Речь, 2000. С.10.

Необходимость существования множественности иллюзий зависит не только от количества обособленных индивидуальных миров. Отдельно взятый индивидуальный мир представляет собой совокупность иллюзорных реальностей. А. Щюц утверждает наличие множественности миров, представляющих собой совокупность индивидуального опыта и составляющих общую картину мира существования индивида: миры повседневности, религии, науки, искусства и т.д. Формируя свой мир, человек избирает иллюзии, непротиворечиво вписывающиеся в его представление о феноменальном мире. Возможно одновременное обращение к нескольким дополнительным реальностям: большинство современных западных людей верят и в религиозные догмы, и в научные теории. Тем более нет ограничений в доступе к обособленным реальностям: находя в этих многочисленных и свободных реальностях все, чего не могут дать ограниченные явления и авторитарные догмы.

Рассматривая иллюзорные реальности, мы должны их упорядочить и первое и главное различие, которое нужно сделать — вычленить **реальности полной автономности** и **реальности неполной автономности** (*далее будем называть их также полными и неполными реальностями*). Под **реальностями полной автономности** мы будем понимать реальности, полностью соответствующие четырем признакам виртуальности (производность, актуальность, автономность, интерактивность). В центре различения стоит признак автономности – отделенность пространства, времени, закономерностей от порождающей реальности. Полная реальность стремится к полноте в себе: либо обособляется от порождающей реальности, либо искажает каждый ее элемент¹³². **Реальностями неполной автономности** мы назовем реальности, замещающие лишь часть пространства, времени и законов порождающей реальности: в них лишь частично действует признак автономности, изменяя только некоторую частную закономерность. Такие

¹³² Примером первого случая может служить киберреальность, не имеющая соприкосновений с привычной реальностью явлений; примером второго — реальность науки, которая воспроизводит все содержания мироздания в соответствующем ей виде.

реальности могут изменять одну вещь, область, явление, заимствующие остальные элементы из производящей реальности. Границы между неполной реальностью и производящей ее реальностью стерты, что и затрудняет осознание таких иллюзорных реальностей¹³³.

Мы провели это различие, чтобы на его основе выдвинуть положение об одинаковых механизмах функционирования и полных, и неполных реальностей, что позволяет изучать прежде всего полные, в которых все аспекты более очевидны, и переносить результат также на неполные иллюзорные реальности.

Рассматривая иллюзию как основополагающую черту человеческого бытия с точки зрения иллюзии как построения реальностей, можно выделить основные полные иллюзорные реальности, с которыми имеет дело человек. Их мы разделим на три группы, различаемые по степени всеобщности и правдоподобности: реальности феноменального мира, дополнительные реальности и обособленные реальности.

1. Реальности феноменального мира. Данную группу можно было бы представить не в виде множества реальностей, а в виде одной единственной — доступный человеку мир явлений, данный в восприятии и осмысляемый рассудком. Однако, учитывая вероятность индивидуальных особенностей восприятия и мышления, признаваемых не только с философской, но и с медицинской точки зрения¹³⁴, у отдельных субъектов, нельзя с уверенностью сказать, что единичность этой реальности сохраняется не только для человека, но для человечества. Поэтому мы осторожно говорим о потенциальном множестве этих реальностей. С другой стороны, как указывает Н. Гудмен, «один мир может быть рассмотрен как многие или многие миры могут быть рассмотрены как один; один мир или их много — это зависит от способа

¹³³ Например: иллюзия змеи, которой кажется веревка, вводит в новую реальность, реальность, характеризуемую присутствием змеи в комнате, в которой ее быть не должно, но подобное изменение не изменяет реальность всего остального мира.

¹³⁴ Ялом, И. Вглядываясь в Солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2010. С. 154.

рассмотрения»¹³⁵. Данные реальности наиболее редко расцениваются как иллюзорные как в обыденном, так и в научном сознании — только ряд философских систем и учений (трансцендентализм, адвайта-веданта) обоснованно утверждают иллюзорность реальности явлений.

В рассмотрении реальности явлений в качестве иллюзорной реальности в истории философии прослеживаются две различающиеся традиции, которые можно назвать западной и восточной. Под западным представлением об иллюзорности явлений мы понимаем традицию, зародившуюся в античном противопоставлении становления и бытия, нашедшую развитие в платонизме, обретшую новое воплощение в идеях философов нового времени и достигшую апогея в немецкой классической философии. Кроме того, это представление широко распространяется в современной массовой культуре, а также формирует мистические учения. Восточное представление об иллюзорности развивается прежде всего в пределах индийской философии и включает в себя учение о майе адвайта-веданты и учение о пустотности в буддизме.

Прежде всего, необходимо отметить, что и западная, и восточная традиции являются самобытными. Несмотря на то что античные родоначальники западной идеи иллюзорности мира имели связи с восточной культурой, слепое заимствование не имело места, так как и самые первые западные учения, отрицающие реальность явлений, не были похожи на аналогичные восточные. Несмотря на обычное мнение о том, что запад с необходимостью укоренен в материи, а лишь востоку свойственно стремление к идеальному, и западная, и восточная культуры содержат свои предпосылки для возникновения сомнения в действительности феноменальной реальности.

Социокультурные основания появившейся на Востоке идеи иллюзорности видятся в следующих отличиях восточной культуры: традиционализм, длительная неизменность образа жизни и идей; преобладание религиозно-мифологического сознания; отсутствие противопоставления себя внешнему миру, но в то же время обращенность к сознанию, к духовному миру;

¹³⁵ Гудмен, Н Указ. соч. С. 119.

существование человека в ограничении его положением, фиксированное место того или иного человека в обществе и мире, тесная связь со своей социальной группой. В условиях ориентации на внутреннюю духовную составляющую возникает недоверие к внешнему миру, предположение об иллюзорности его. Но и человек как часть мира тоже подвергнут сомнению. Неизменность культуры порождает стремление к поиску неизменного начала мира. Превосходство целого над частным стимулирует поиск абсолютной целостности, стоящей за видимой множественностью вещей. В отличие от восточной культуры, культуре Запада свойственны: динамизм, постоянное развитие, смена культурных парадигм; направленность на познание внешнего мира, активное с ним взаимодействие; рационализм, развитие теоретической и практической науки; индивидуализм, личностность; утилитарность; стремление к свободе. В этих признаках присутствует кажущееся противоречие с идеей иллюзорности, но каждый из них одновременно и отрицает ее, и делает ее возможной. Динамическая направленность, с одной стороны, ориентирует человека на мир становления, но с другой, - напротив, показывает ему, сколь непостоянен и изменчив воспринимаемый мир. Стремление к познанию, рационализм, с одной стороны, отвращают от возможной мистики, но с другой — порождают крайний скептицизм, готовый отвергать не только сомнительное, но и почти очевидное. Во взаимодействии с миром западный человек может не замечать его небытия, но он также взаимодействует с новыми виртуальными реальностями, которые могут привести к сравнению их с окружающей нас действительностью: то есть дают дополнительный прецедент того, как нечто, кажущееся целой отдельной реальностью, оказывается иллюзорным. Индивидуализм и свободолюбие не позволяют стремиться к слиянию с высшим принципом, но при этом призывают к снятию ограничений, налагаемых нереальным миром, если он таков. Подобная противоречивость не позволяет идее иллюзорности явлений стать господствующей на Западе: она всегда носит маргинальный характер.

Как западный, так и восточный подходы не являются однородными, хотя и содержат общие черты. Западная традиция учений об иллюзорности мира проходит несколько ключевых точек развития, в каждой вырабатывая свои аргументы в пользу иллюзорности феноменальной реальности:

1. Различение Гераклитом и элеатами множественного, изменчивого и сложного мира становления и единого, неизменного, простого бытия. Основной аргумент: истинно существует бытие, а бытием может быть названо лишь то, что не переходит в небытие, что требует единства, простоты и неизменности. Данный взгляд на истинную и иллюзорную реальность обретает новую жизнь в Едином неоплатонизма. Эта позиция наиболее похожа на аналогичные восточные учения.

2. Учение Платона об идеях как истинном бытии, а о вещах феноменального мира как отражениях идей, неподлинной реальности также исходит из неистинности временных, уходящих в небытие вещей, но ищет бытие не в единстве, а в неизменных общих и абстрактных понятиях, которым придает действительное существование. Платону принадлежит известная метафора иллюзорности мира, «Миф о пещере»¹³⁶, описывающий узников, связанных в пещере, уверенных, что тени, которые они видят на стене, представляют собой реальный мир, так как не знают другого мира, который на самом деле отбрасывает эти тени. Явления известной человеку реальности расцениваются как тени, отбрасываемые вещами истинного мира — идеями.

3. Картезианское сомнение: недоверие к чувствам и мышлению, обоснованная уверенность только в существовании мыслящего субъекта. Основной аргумент: теоретическая возможность привнесения содержания восприятия и мышления извне враждебным существом.

4. Отрицание необходимости объективного существования мира в субъективном идеализме Дж. Беркли. Все, что ощущает и знает человек, присутствует в нем самом, а значит не необходимо действительное существование объектов, эти ощущения и знания приносящих.

¹³⁶ Платон. Государство // Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 349.

5. Признание явлений отличными от вещей-в-себе у И. Канта. Аргументируется опосредованностью познания самим устройством познавательных способностей, необходимым оформлением чувств и мыслей. Наследуется А. Шопенгауэром, однако дополняется попыткой синтеза с восточным представлением об иллюзорности.

6. Сомнение в истинности воспринимаемой и мыслимой реальности на основе сравнения ее с киберреальностью в современной массовой культуре. Достижения информационных технологий демонстрируют человеку запада возможность создания искусственной реальности: если человек уже может сам создавать иллюзорные реальности, нет никакого доказательства тому, что реальность явлений не создана подобным способом.

Надо заметить, что, хотя в этих идеях проявлено учение об иллюзорности, само слово иллюзия старательно избегается. Кроме того, как правило, находится путь, по которому можно, несмотря на это, избегать суждений об иллюзорности: так Беркли вводит высшего из мыслящих духов, Бога, в своем субъективном восприятии формирующего объективность; Кант избегает иллюзии, объявляя мир явлений единственным доступным, а значит настоящим для человека.

В индийской философии идея иллюзорной реальности представлена в основном в двух направлениях. Она проходит две основные линии развития, которые, возможно, пересекались на определенных этапах, но все равно оставались в достаточной мере обособленными. Один путь развития идет от упанишад, затем наследуется ведантой и также распространяется на шиваизм, а затем на множественные современные индуистские культы, тесно связанные также и с западной культурой. Центральное понятие этого подхода – иллюзия (майя). Другой путь связан с буддизмом и отдельными его школами. Центральное понятие в этом подходе – пустота (шунья). Идея иллюзорности косвенно присутствует и в других направлениях, но не столь разработана в них.

Первое направление можно назвать ведантистским, так как именно в веданте (конкретно, в адвайта-веданте) идея иллюзорности была наиболее

подробно разработана. Ключевой идеей данного направления является существование Абсолюта (Брахман), в отношении которого воспринимаемая реальность является лишь тем, чем Абсолют кажется. И отношение существующего Абсолюта и несуществующего мира, которое иногда представляется в виде некоторой особой силы, именуется «майей» (или Махамайей, «великой майей», чтобы отличить иллюзию всего мира явлений от других иллюзий). D. Braue выделил шесть определений майи, но если объединить наиболее похожие, то получаются следующие три основных смысла: 1. Необъяснимое отношение между Брахманом и миром; 2. Сила, с помощью которой Брахман проявляется в мире и, в более широком смысле, вообще сила, творящая мир, причина существования мира; 3. Иллюзорность мира; мир, в смысле своего несуществования. В учении адвайта-веданты сила майи не позволяет субъекту понять, что он и есть Брахман, что только его «трансцендентальное Я» имеет смысл, а феноменальное сознание и чувственно-воспринимаемый мир – всего лишь иллюзии при попытке воспринять Брахман, сравнимые с тем, как в темноте можно принять веревку за змею. Соотношение мира и Брахмана описывается здесь как «виварта» — смещение точки зрения, смена гештальта, иллюзорная реальность возникает при неправильном взгляде на Брахман.

Другое направление, буддийское, включает в себя буддизм со всеми его школами: в одних идея нереальности мира реализована в большей степени, в других — в меньшей. В качестве учения, в наибольшей мере выражающего эту идею, мы рассмотрим мадхьямаку. Нагарджуна, ключевая фигура этого учения, многократно высказывает центральную идею: мир пуст. Приводятся многочисленные доказательства этой идеи, в основном через демонстрацию невозможности существования качеств, вещей и их Творца. Однако не говорится о том, что мир - иллюзия, речь идет именно о «пустотности» («шуньята»), о необладании собственной сущностью. Само понятие «пустота» («шунья») обладает двумя смыслами: с одной стороны, это аспект несуществования мира и вещей, сам факт отсутствия, пустота в понимании,

близком обыденному. С другой стороны, дальнейшая традиция онтологизирует пустоту, придавая ей черты абсолюта. Часто пустота трактуется как неопределенность, невыразимость истинного бытия: истинное бытие есть, но для нас оно пусто, так как мы не можем его познать. Но как бы то ни было, сам мир представляется как иллюзия, сновидение, мираж. Учение о пустотности в таком виде зародилось в праджняпарамитских сутрах, которые нередко относят уже к мадхьямаке, но не существовало в раннем буддизме. Ранний буддизм тоже можно условно назвать учением об иллюзорности в связи с концепцией дхарм: все в мире является только сочетанием вспышек и угасаний особых психофизических частиц.

Следует отметить существенные отличия между западной и восточной традициями признания феноменальной реальности иллюзией:

— в отношении единства и множественности в истинной реальности: западное представление склоняется к потенциальной множественности и неоднородности вещей-в-себе, единство не необходимо, вершина иерархии реальности (например, идея Блага у Платона) не имеет кардинального отличия от других истинных объектов; восточная традиция объявляет истинное бытие единым Абсолютом или выступающим в его качестве небытия; незнание единства всего сущего — главная причина заблуждения;

— в отношении истинно существующего, трансцендентального «Я»: западному подходу свойственно признавать его онтологическую действительность («мыслящий дух», «*res cogitans*», «субстанциальный деятель»); ведантистская традиция отождествляет трансцендентальное «Я» с единым Брахманом, буддийская вовсе отрицает существование «Я»;

— в отношении употребления понятия иллюзия: западные учения осторожно сомневаются в иллюзорности мира, избегая прямого объявления мира иллюзией, речь обыкновенно идет о сомнении в его реальности, разных уровнях истинности, отношении относительности истинности к познанию (тот или иной факт является истинным или ложным в рамках познавательных

способностей человека); в восточном представлении прямо объявляется, что мира нет, он столь же иллюзорен, как змея, показавшаяся в веревке;

— в отношении ведущей познавательной способности: западный подход исходит из первичности восприятия как фактора возникновения иллюзии явлений, если существует возможность преодолеть иллюзию, она, прежде всего, будет заключаться в изменении восприятия; восточный подход концентрируется на мышлении и осознании, нужно понять, осознать единство всего, чтобы преодолеть иллюзию;

— в отношении активности человека к иллюзии: западная традиция исходит из неосознанной деятельности человека по созданию и поддержанию иллюзии; для восточной мысли носитель иллюзии сохраняет ее в результате бездействия;

— в отношении возможности преодоления иллюзии явлений: западные представления об иллюзорности отрицают возможность полного избавления от иллюзии феноменального мира, любое познание останется субъективной интерпретацией, таким образом, можно только найти наилучшую, но все рано не истинную интерпретацию; восточные учения подразумевают возможность избавления от иллюзии и мистического познания истины;

— в отношении аксиологической характеристики иллюзии: западное отношение к иллюзии двойственно, хотя иллюзия препятствует познанию, допустимо, признавая иллюзорность феноменальной реальности, принимать ее, как источник привычных жизненных благ; восточное представление непримиримо с иллюзией, она должна быть устранена, как источник всех страданий.

На наш взгляд, из указанных учений и их аргументов наиболее важным и труднооспоримым аргументом в пользу иллюзорности явлений является невозможность необусловленности познания устройством познавательных способностей (у И. Канта — зависимость явлений от априорных форм познания) либо в других формулировках: зависимость описания от способов

описания (Н. Гудмен¹³⁷), интерпретации от точки зрения и личных сил, мышления и познания реальности от структуры языка (гипотеза Сепира-Уорфа). Мы можем знать только реальность, отраженную в нашем сознании, но почти невозможно для содержания действительного мира войти в сознание без изменений.

Несмотря на то что иллюзорная реальность явлений не позволяет достичь истинного познания, она необходима для существования человека, так как не только препятствует истинному познанию, но и является условием самой попытки познания. Пребывание в реальности феноменов – единственный доступный человеку способ контактировать с миром вещей-в-себе, без априорных форм познания мы, скорее всего, воспринимали бы неразборчивый хаос, если бы могли воспринимать вообще: именно в эту реальность мы «заброшены», именно ее следует считать нашей «родной» реальностью, несмотря на возможное несоответствие ее истинному бытию.

2. Дополнительные реальности. К этой группе мы относим реальности, которые 1. не являются первичным осмыслением мира: производны не от мира вещей-в-себе, а от реальности феноменов, 2. стремятся к замещению реальности феноменов, претендуя на объяснение действительности.

При рассмотрении исключительно реальностей полной автономности дополнительные реальности предстают в качестве картин мира. Наличие реальностей неполной автономности не позволяет отождествить дополнительные реальности и картины мира. Понятие «картина мира» подразумевает глобальность и всеобъемлющность, что в неполных реальностях недостижимо. Примерами неполных дополнительных реальностей могут служить отдельные иллюзорные убеждения, искаженное восприятие конкретных объектов. Для удобства в дальнейшем рассмотрении исследуются полные дополнительные реальности. Таким образом, основными

¹³⁷ Гудмен, Н Указ. соч. С. 120.

представителями данного вида реальностей оказываются научные, философские, мифологические, религиозные реальности¹³⁸.

Особенностью дополнительных реальностей является частичное дублирование реальности явлений и стремление подменить ее, утверждение своей возможности постижения абсолютной истины. Они возникают тогда, когда для понимания того или иного аспекта мироздания становится недостаточно простого опыта, и он осмысливается в определенной парадигме, которая и формирует реальность. В основе дополнительных реальностей лежит определенная система, которую можно представить по-разному: особый язык и его понятийный аппарат, конвенция, набор установок и аксиом. К. Айдукевич, основатель «радикального конвенционализма», описывает процесс формирования дополнительных реальностей (*у Айдукевича – картины мира*) как перевод данных опыта в сферу определенного языка¹³⁹: каждой картине мира соответствует свой язык, который оформляет данные, полученные от мира явлений. В пределах картины мира, при такой ее интерпретации, действуют свои критерии истинности и ложности, не применимые за ее пределами, но и сама картина мира находится вне оценок истинности других систем. Если рассматривать истинность как вывод из правил языка, то, вставая на позицию конкретного языка, следует признать истинным то, что истинным образом выводится из его правил. Поэтому невозможно сравнивать картины мира как более и менее истинные.

Искусственность, иллюзорность дополнительных реальностей очевидна, когда они рассматриваются вместе, в равном положении, что выявляет их общую природу. В тех случаях, когда расхождение между чувственно-воспринимаемой реальностью и дополнительными реальностями заметно, сторонники этих реальностей справедливо утверждают недостаточность

¹³⁸ Религиозные и мифологические картины мира, хотя безусловно относятся к дополнительным реальностям, частично входят и в нижеследующую группу обособленных. Следует отметить, что можно выделить и картину мира, признающую за истину только само чувственное восприятие и выводы из него, которую не следует путать с реальностью явлений: данная картина мира является вторичным осмыслением реальности явлений, в котором воспринимаемое и истинное совпадают.

¹³⁹ Айдукевич, К. Картина мира и понятийный аппарат // *Философия науки*. Вып. 2. Гносеологические и логико-методологические проблемы. М.: ИФ РАН, 1996. С. 245.

чувственного восприятия и обыденной очевидности для познания мира, но затем утверждают, что знают способ, ведущий к истине. Их иллюзорность открывается уже в их взаимных противоречиях и попытке объяснить действительность с одной узкой позиции, несмотря на то, что действительность всегда шире описывающих ее систем¹⁴⁰. Однако отдельно взятые картины мира в конкретных культурных ситуациях обретают прочное положение, выступая в качестве единственно верного объяснения мироздания, и требуют частных опровержений, которыми изобилует история философской мысли.

Научная картина мира, несмотря на все произошедшие изменения в ней, пытается сохранить установленную в Новое время позицию истины, разрушающей иллюзии. Наука исследует общие закономерности развития бытия и культуры, совмещая эмпирические данные и построение теорий, тем самым обеспечивая доказательство своей объективности опорой на опыт и логические правила. В основе науки лежит научный метод, который и должен обеспечить правильное описание и интерпретацию реальности. Сомнения в истинности науки изначально возникали либо в контексте опровержения конкретных ее методов, либо в противопоставлении научному альтернативных способов познания (мистического познания, интеллектуальной интуиции) или веры. Они указывают на некоторую конкретную ошибку науки или выход ее за пределы своих возможностей (например, Бергсон считал науку пригодной только для изучения мертвой материи, но не для изучения жизни¹⁴¹). Однако в современном мире сомнению подвергаются основополагающие принципы научного знания. Непрочность положения науки ярко показал П. Фейерабенд¹⁴². Объективность науки базируется на методе, факте и теории. Но сама разработка и выбор метода не имеют оснований, позволяющих предпочесть один метод другому: не только один из методов науки другому методу, но и научную методологию другим способам познания. Факты науки не имеют ничего общего с атомарными фактами Витгенштейна: они не существуют в реальности, а

¹⁴⁰ Руднев, В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. С. 9.

¹⁴¹ Бергсон, А. Указ. соч.

¹⁴² Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.

создаются в соответствии с теориями. А.Ф. Лосев отмечает, что наука пренебрегает объективным, не решая вопроса о существовании¹⁴³. Ввиду этой неопределенности и ни одна теория не может быть признана лучше другой: в науке постоянно происходит смена парадигм, при этом не всегда прогрессивная, нередко происходит возвращение к старым теориям. Научные и философские картины мира исходят из аксиом и, как правило, сменяются именно из-за отказа от своих недоказуемых посылок. Научная картина мира не соответствует внешней действительности, но является иллюзорной реальностью.

Религиозная картина мира также стремится к описанию бытия. Основная цель религии практическая: она учит, как надо действовать, обещая за правильные действия спасение или освобождение в посмертном существовании или блага в этой жизни. Но эта практическая составляющая не может существовать без описания и объяснения реальности в том ключе, в котором поддерживается и обосновывается необходимость указываемых действий. Каждая религия создает свой взгляд на мир, который ее последователи считают истинным. Зачастую мир религии дополнен сверхъестественными существами, трансцендентным основанием мироздания, или в нем изменен сам принцип реальности вплоть до его отвержения. Религия не имеет познавательной ценности для того, кто ее не исповедует, но для верующего утверждения религии о реальности не менее действительны, чем научные данные. Свою объективность религия основывает на авторитетных свидетельствах, мистическом опыте и субъективном ощущении ее истинности. Основным аргументом критики религиозной картины мира является необоснованность и бездоказательность внерационального познания действительности: обращение к вере, а не к разуму. Для человека, находящегося вне той или иной религии, она не имеет отношения к реальности. Устные и письменные свидетельства правдивости религий не дают безоговорочных оснований для доверия; мистический опыт же необходимо пережить самому. Кроме того, истинность

¹⁴³ Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С.36.

реальности религии не находит обоснования в существовании самой религии: существуют теории ее природного либо искусственного возникновения. Большинство критиков возводит религию к реализации потребности в защите со стороны высших сил, в спасении от неизбежной смертности. З. Фрейд обнаруживает в религии потребность в отце-защитнике¹⁴⁴; У. Джеймс указывал, что религия должна существовать только потому, что вера, успокаивая человека, приносит ему пользу¹⁴⁵. Ф. Ницше сводил религию к морали, рассматривал ее как вторичную по отношению к ее моральной системе и отрицал бытие моральных феноменов¹⁴⁶. Фейербах демонстрировал антропоморфичность религии, воплощение в божественном образе собственных качеств человека¹⁴⁷. Если наука может защищать свои позиции указанием на практическую пользу в своей связи с техникой, истины религии не только не доказаны, но и не подлежат попыткам доказательства.

Картины мира, формируемые народным, национальным сознанием, принадлежностью к конкретной культуре и субкультурам, детерминированы их точкой зрения, их установками и предрассудками.

Таким образом, дополнительная реальность оказывается выражением веры человека в свою способность к познанию мира тем или иным способом. Построение картины мира выступает в качестве инфантильной «фиктивной цели»¹⁴⁸ (богоподобия, но выраженного не во всемогуществе, а во всеведении), которая не осознается как «фиктивная», но принимается как достижимая (или достигнутая).

В конечном счете, как и любая другая реальность, данные реальности субъективно искажаются в сознании каждого человека. Следует отметить тенденцию к совмещению этих реальностей через разделение их областей: образцом этого является «теория двух истин» (Ибн Рушд, Гильберт

¹⁴⁴ Фрейд, З. Указ. соч. С. 164.

¹⁴⁵ Джеймс, У. Что такое прагматизм? [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.allru.net/perv26.html> (дата обращения 15.03.2014).

¹⁴⁶ Ницше, Ф. К генеалогии морали // Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: Сборник. Мн.: ООО «Попурри», 1997. С. 299-452.

¹⁴⁷ Фейербах, Л. Сущность христианства // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1995. С. 51.

¹⁴⁸ Адлер А. Указ. соч. С. 13.

Порретанский, У. Оккам), примиряющая философскую (или научную) и религиозную реальности, как занимающиеся разными вопросами. Однако нельзя не заметить, что при совмещении одна реальность начинает подчинять другую: либо Бог будет сведен к перводвигателю, либо философия начнет неумело обосновывать чудеса. Противоречие снимается, когда разные картины мира сливаются в одну, например синкретическую картину мира современного обыденного сознания, где противоречия вообще не существуют.

Человек всегда обращается к данным реальностям, так как не может ограничиваться только восприятием и простейшим осмыслением чувственной реальности. В дополнительных реальностях человек пытается восполнить пробелы в известном ему мире, понять и познать его и даже выйти за его пределы. Как и реальность явлений, дополнительные реальности оформляют, ограничивают мышление, не позволяя ему стать хаотичным: из всего объема возможных значений для того или иного факта выбирается конкретное, вписываемое в данную картину мира. Это не только означает ограничение бесконечной вариативности трактовки одного факта, но и согласование разных фактов между собой, если они истолкованы в одной и той же парадигме. Поэтому в пределах картины мира или в субъективно непротиворечивом синтезе нескольких картин мира, мироздание однородно, понятно, до определенной степени объяснимо и не приемлет в себе противоречий и диссонанса: реальность упорядочена по одному конкретному образцу. Данное упорядочивание выражено не только внешним действием реальности, но и ее внутренним устройством: даже предельно иррациональные картины мира, провозглашающие протест против любой логики и любого порядка (например, картина мира в нагуализме¹⁴⁹), содержат в себе набор правил и закономерностей. В дополнительных реальностях ярко проявлена коммуникативная, объединяющая функция иллюзии: общие картины мира

¹⁴⁹ Нагуализм – в данном случае имеется в виду мистическое учение К. Кастанеды, объявляющее разум ложным средством поддержания одного ограниченного мира, противопоставляемого иррационально устроенной бесконечной вселенной энергии.

позволяют разным людям сосуществовать в одной реальности, тем самым сплачивая общество.

Однако, хотя реальностям всегда свойственна определенная репрессивность ввиду того, что в них задаются правила упорядочивания восприятия и мышления, данная черта особенно ярко выражается именно в дополнительных реальностях. Реальность явлений не позволяет взглянуть за свои границы, поэтому труднее представить ее как нечто, ограничивающее наши возможности (хотя это и, безусловно, так). Картины мира, на которые периодически возможно взглянуть извне их (например, с точки зрения атеиста в отношении религиозной реальности), демонстрируют экспансивное влияние, стремление к максимальному расширению в мире и одновременному отвержению всех истин, не вписывающихся в их парадигмы. В определенных ситуациях те или иные реальности оказываются настолько общепризнанными, что начинают подавлять стремления к другим реальностям более радикальными методами, чем пропагандой со стороны своих сторонников. Так господство христианской картины мира в средние века поддерживалось социально-политическими средствами.

Дополнительная реальность тесно связана с понятием символической формы культуры, так как именно эти формы создают самые распространенные и сильные реальности. Э. Кассирер выделяет следующие символические формы культуры: миф, религию, науку, искусство, язык.¹⁵⁰ Первые три из названных уже упоминались в качестве формирующих дополнительные реальности. Язык также формирует свою реальность, претендующую на объективность: конвенциональные установления языка принимаются как истинные свойства и составляющие вещей и человека. Разные картины мира, создаваемые на этом этапе, оказываются залогом временного и пространственного разнообразия культур. Однако реальности искусства не являются дополнительными реальностями, так как не претендуют на замещение реальности явлений, а относятся к описываемым ниже обособленным реальностям. Тем не менее,

¹⁵⁰ Кассирер, Э. Логика наук о культуре // Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 31.

искусство может выступать в качестве дополнительной реальности при принятии идеи о художественном познании действительности.

Среди реальностей частичной автономности к дополнительным относится большинство искаженных восприятий и представлений отдельных объектов и событий, вера в истинность которых заставляет считать их частью реальности явлений.

3. Обособленные реальности. К данной группе будут отнесены реальности: 1. не претендующие на объективность; 2. не пересекающиеся с реальностями вышеназванных групп и не стремящиеся их заменить.

Их можно назвать инореальностями, так как они очевидно противопоставлены реальности явлений, чаще всего называемой «реальностью» в другом смысле этого слова. Именно эти реальности привычно описывать словом «виртуальные»; кроме того, их, до некоторой степени, можно называть «вымышленными». Сюда относятся реальности художественного творчества, игры, киберреальности («виртуальные» в обыденном понимании), реальности сна и разнообразных измененных состояний сознания, в тех случаях, когда они могут породить самостоятельные полные реальности. Религиозную реальность можно считать обособленной в том смысле, в котором предполагаемые ей сущности выносятся за рамки мира в отдельную от него реальность.

В качестве основной черты обособленных реальностей мы укажем характеристику, приводимую Й. Хейзингой как одну из основополагающих черт игры¹⁵¹ (реальности игры мы относим именно к обособленным), но, на наш взгляд, она относится к любой реальности данного вида: обладание своим собственным особенным пространством и особенным временем. Пространство-время, в котором живет человек — это пространство-время реальности явлений, хотя и отделенное от других реальностей, но возникающее при соприкосновении его познавательных способностей с вещами-в-себе (миру, в таком случае пространство и время не присущи). Дополнительные реальности,

¹⁵¹ Хейзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 34.

в свою очередь, приравнивают свою пространственно-временную структуру к реальности явлений или, по крайней мере, соблюдают ее в отношении «здесь» и «сейчас» человека. Такое уточнение необходимо, так как в отношении далеких от настоящего времен и далеких от нашего места положения пространства, в дополнительных реальностях пространство и время изменяются: наука, религия и обыденное знание дают представление одного и того же пространства-времени в пределах соразмерных человеку масштабов. Однако миллиарды лет, разделяющие большой взрыв от возникновения *homo sapiens*, никак не согласуются с семью днями творения, точно так же, как и множество пространств вечного мультиверсума — с единичным актом творения одного конечного мира. Пространствам рая и ада нет места в реальности расширяющейся вселенной. Обособленные же реальности уже в своей данности «здесь» и «сейчас» содержат абсолютно иную временную и пространственную структуру. Время сновидения циклично, несколько раз за сон возвращает сновидящего в уже пережитое событие; время кинофильма может быть остановлено и запущено позже; все обособленные реальности предоставляют доступ лишь к краткому моменту иллюзорного мира, к которому отсылают. Искусство, даже обращаясь к реальному объекту, вырывает его из среды, из его естественных связей, противопоставляет его им, разрушая присущую ему чувственную форму¹⁵², таким образом, переводя его в новую систему координат. Еще очевиднее расхождение в пространстве: материальное воплощение виртуальной реальности в производящей выступает не как пространство реальности, а только как средство доступа к этой реальности. Однако сон не происходит внутри черепной коробки, как и кинофильм не располагается в «ящике» телевизора. Это другие пространства, другие системы координат, несоизмеримые с феноменальным пространством. Кроме того, как и время, пространство этих реальностей ограничено и фрагментарно.

Особенным в предложенной нами системе оказывается положение сновидений и измененных состояний сознания: они проживаются

¹⁵² Хренов, Н.А. Художественный опыт XX века в контексте смены культурных циклов. // *Общественные науки и современность*. 1999. №2. С. 148.

непосредственно, что роднит их с реальностью явлений. Мы относим их к обособленным реальностям, прежде всего по признаку иного пространства и времени, но, в отличие от реальностей произведений искусства или киберреальности, человек, соприкасающийся с этими реальностями, не осознает момент и способ перехода в них, а значит, принимает их за действительный мир. Хотя, когда человек выходит из этих реальностей, для него очевидно отсутствие их связи с действительностью (по крайней мере, для современного западного человека). Однако это не дополнительные реальности, так как не заимствуют структуру явлений, но и не реальность явлений, так как не подразумевает вещей-в-себе, внешних по отношению к человеку.

Остальные, по преимуществу, «искусственные» реальности этой группы доступны опосредованно, иным способом, отличным от восприятия окружающего мира. Под этим опосредованием мы имеем в виду некоторый материальный образ, передающий содержание иной реальности: книга, изображение. Производность данных реальностей очевидна, однако для понимания их необходимо абстрагироваться от этой очевидности: эти реальности требуют веры в их действительность, определенного участия в них. Именно это позволяет судить о них, как об имеющих иллюзорную природу: человек умышленно вводит себя в иллюзию, заставляя относиться к происходящему в виртуальной реальности как к действительности. Когда некто увлеченно погружен в такую реальность, даже, несмотря на то что он созерцает ее из своей реальности, взаимодействуя с материальным носителем иллюзии, он отвлекается от существования производящей реальности и вживается в виртуальную.

Существуют культуры и отдельные индивидуумы, принимающие обособленные виртуальные реальности как часть объективного мира. Многочисленные этнографические источники описывают «нецивилизованные» культуры, в которых снам и видениям придается смысл объективной действительности. В таких культурах данные реальности значат гораздо больше: в них обретается знание о мире, хотя это знание и иллюзорно, им

руководствуются как действительным. Подобное неразличение сна и реальности свойственно детям на ранних этапах развития, может присутствовать и при психических расстройствах. Что касается «искусственных» реальностей, некоторые люди глубоко вживаются в них, так сильно сопереживают «обитателям» этих реальностей, что также могут воспринимать их как существующих в производящей реальности также. Кроме того, материальный носитель производной реальности, по форме совпадающий с носителем информации о производящей реальности, может быть спутан с последним.¹⁵³

Обособленные реальности не столь необходимы человеку, как две другие группы, но дают временный выход из привычного мира к чему-то другому, что активно используется каждым. Можно говорить об эскапической функции обособленных реальностей. В построение дополнительных и обособленных реальностей чаще всего выливается творческая деятельность человека.

Так мы приходим к выводу, что способность к созданию иллюзий, подразумевающая конструктивность иллюзии и стремление к разграничению действительного и иллюзорного, приводит к формированию иллюзорных реальностей. Осознанное бытие человека — бытие в реальности, а не в мире, ее создающем, а реальность всегда производна. К иллюзорным реальностям относятся как продукты творческой деятельности и измененные состояния сознания, так и картины мира, создаваемые символической деятельностью человека, и сама чувственно-воспринимаемая реальность.

2.2. Специфика «Я» субъекта иллюзорных реальностей

Из рассмотрения реальности, как данной в восприятии субъекта, может возникнуть представление о невключенности субъекта в эту реальность, отдельное от нее существование. Это в некоторой мере верно, когда речь идет о человеке как вещи-в-себе: мышление, себя сознающее, действительно является

¹⁵³ Примером данного положения является трансляция радиопостановки произведения «Война миров» в США в 1932 году.

неизменным субъектом созерцания. Однако действие иллюзии разворачивается в отличающей человека субъективной реальности, а субъективная реальность – это область, «в которой человек не тождественен самому себе»¹⁵⁴. «Я», формируемое опытом, будучи не вещью-в-себе, а феноменом, является частью реальности, действующей по ее законам. Н.А. Носов, говоря о виртуальности, подчеркивает не только смену внешнего мира: в качестве признаков состояния виртуала выступает изменение статуса сознания, личности, воли и телесности¹⁵⁵.

2.2.1. Иллюзорное «Я» как неотъемлемая часть виртуальной реальности. Можно сказать, что реальность формирует «Я» субъекта, что, сталкиваясь с каждой новой реальностью, с «не-Я» новой реальности, человек противопоставляет ему соответствующее «Я». По крайней мере, так происходит в связи с тем, что большинство реальностей, с которыми мы сталкиваемся, уже созданы другими людьми. В масштабе же всего человечества правильнее было бы воспроизвести соотношение «Я» и «не-Я» Г. Фихте: «Я», как создатель иллюзорных реальностей, первично; поэтому сначала формируется виртуальное «Я», а лишь затем оно противопоставляет себе «не-Я», но каким бы ни был этот путь, ясно, что реальность объединяет «Я» и «не-Я», соответствующие друг другу.

Рассмотрим формирование «Я» в выделенных видах реальностей. Реальности мира явлений, кажется, не предоставляют возможности судить о соответствии или несоответствии «Я»: строго научные системы мысли не признают возможности выхода за пределы явлений, значит, нет примера соотношения иного «Я» с иной реальностью явлений. Однако здесь можно обратиться к мистическим учениям, которые, в свою очередь, утверждают, что переход в иную реальность (или в иное восприятие и мышление реальности) осуществляется через изменения своего «Я»: осознание единства, отказ от личной истории и др. — новую интерпретацию явления может дать только новое самосознание.

¹⁵⁴ Гиренок, Ф.И. Указ. соч. С. 51.

¹⁵⁵ Носов, Н.А. Виртуальная психология. С. 58.

В дополнительных реальностях прослеживается двойная связь между «Я» и внешней реальностью. С одной стороны, как уже было рассмотрено, только определенные типы личности, обладающие определенным набором потребностей, принимают те или иные дополнительные реальности: только человек, готовый отказаться от рационального знания в пользу веры, принимает религиозную картину мира. С другой стороны, и сама реальность оформляет «Я» субъекта, объясняя его своими закономерностями точно так же, как объясняет окружающий мир: например, от принятой реальности зависит, является ли ее субъект высокоразвитым приматом или образом и подобием Божьим.

Наиболее явно соответствие «Я» и реальности видно в обособленных реальностях, в особенности в естественных реальностях. Пребывая в реальности сновидения, человек не только не осознает себя спящим, но и лишь частично сохраняет знание о привычном мире: происходящее во сне не удивляет его, так как его «Я» соответствует реальности, в которой пребывает. Это хорошо показано в учении нагуализма: существует «тело сновидения» — второе «Я», двойник человека, отличный от него, но которым тот становится во сне. То же касается других измененных состояний сознания, в которых, помимо восприятия внешнего мира, меняется и самовосприятие. В искусственных реальностях возможны две разные ситуации взаимодействия субъекта с реальностью: пассивная и активная. В случае пассивной ситуации созерцание реальности происходит без погружения в нее, субъект сохраняет «Я» производящей реальности, так как сам не становится участником производной, наблюдает со стороны, сознавая иллюзорность виртуальной реальности: в большинстве случаев такой контакт происходит с реальностью литературы, живописи, кинематографа и др. Активное взаимодействие возникает, когда субъект включается в производную реальность, создавая себе особое «Я» внутри этой реальности и, отождествляя себя с новым «Я», абстрагируется от старого. Это абстрагирование в обособленных реальностях редко достигает такого масштаба, как в дополнительных, когда старое «Я» совсем исчезает.

Лучшим термином, подходящим для описания данного явления, является «снятие». Происходит снятие «Я» производящей реальности и принятие «Я» виртуального. Наиболее яркий пример такого замещения дают игровые реальности; например, реальности ролевых игр: компьютерных, словесных или живого действия. Тем не менее, такой переход возможен и в реальностях, которым чаще свойственно пассивное отношение: при отождествлении своего «Я» с некоторым из созерцаемых персонажей, либо если речь идет о самом творце реальности, особым образом ее проживающим.

Как мы видим, доступ в реальность открывается только через обретение особого «Я» и отказа от «Я» привычного. Тогда возникает вопрос, что такое «Я» и как оно соотносится со способностью к созданию иллюзии.

Для этого необходимо рассмотреть дихотомию эмпирического и трансцендентального «Я». Под **эмпирическим** «Я» подразумевается совокупность знаний, установок, психических процессов, которые возникают у конкретного человека, характеризую его индивидуальность. **Трансцендентальное** «Я» — универсальная основа «Я», условие его возможности, в отношении которой мы можем судить только о ее существовании.

Речь здесь идет не только о введенном И. Кантом трансцендентальном единстве апперцепций¹⁵⁶, но и о проходящей через всю историю философии традицию различения неизвестной, непознаваемой, неизменной сущности, лежащей в основе человеческого существа, и известной, осознаваемой, изменчивой личности, формируемой в процессе взаимодействия с феноменальным миром. Гераклит говорил о вечном становлении¹⁵⁷, под которым сокрыт Логос-Огонь¹⁵⁸. Платон описывал человека как идеальную сущность, забывшую о своем истинном бытии, считая себя частью мира отражений. В последующей традиции роль трансцендентального и эмпирического Я в некоторой степени выполняют дух и душа, где дух

¹⁵⁶ Кант, И. Указ. соч. С. 132.

¹⁵⁷ Муравьев, С.Н. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. С. 129.

¹⁵⁸ Там же, С. 94.

настолько неизвестен и не связан с сознанием, что позволяло гностикам считать возможным незаметное изъятие духа из мира. Также это ярко проявлено в каббалистическом различии нефеш, руах и нешама, где нефеш представляет животную жизнь, руах – сознание и разум, нешама – проявление в человеке божественной воли. Решение вопроса об онтологическом статусе эмпирического и трансцендентального «Я» может быть найдено у Декарта¹⁵⁹, в его сомнениях и *cogito*, как единственном выходе из него. Демон Декарта, способный внушить человеку любую иллюзию, с легкостью смог бы внушить иную память, иное сознание, мысли, чувства, даже моральные установления. Единственное, о чем можно с уверенностью судить, – это о существовании мыслящего субъекта, воспринимающего это чужеродное влияние. Мыслящее «Я», существующее и неизменно независимое от содержания своих мыслей – это и есть трансцендентальное «Я». Эмпирическое – все остальное, находящееся во власти демона. Трансцендентальное «Я» Канта должно включать в себя также условия познания: априорные формы. Эмпирическое «Я» уже обусловлено столкновением с миром, воздействием априорных форм: это уже некоторое преломление человека-в-себе в собственном сознании.

Можно также обратиться к мистическим учениям: в философии адвайта-веданты джива, индивидуальная душа, играет роль эмпирического «Я», трансцендентальным оказывается Абсолют-Брахман: эту параллель показывает С. Радхакришнан¹⁶⁰, разъясняя положения адвайты в терминах западной философии.

Стоит также заметить, что эмпирическое «Я» основано преимущественно на памяти, той психической способности, которая не только подвержена множеству возможных расстройств, но и при нормальной работе постоянно совершает ошибки.

Таким образом, любое различие эмпирического и трансцендентального «Я» утверждает «истинность», реальность трансцендентального и подвергает сомнению эмпирическое. Даже если внешняя по отношению к человеку

¹⁵⁹ Декарт Р. Размышления о первой философии // Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1994. С. 22.

¹⁶⁰ Радхакришнан, С. Индийская философия. М.: Академический проект. Альма Матер, 2008. С. 820.

реальность объективна, его собственное «Я» — непостоянная субъективная реальность, которая может быть подвержена влиянию иллюзии. Если же, как в учении адвайты, внешняя реальность иллюзорна, то эмпирическое «Я», возникающее от соприкосновения с этим миром также не имеет онтологического статуса.

Трансцендентальное «Я» само по себе, как мы видим, должно реально существовать. Д. Юм указывал, что «Я» возникает из единства восприятий и представлений¹⁶¹ и не имеет само онтологического статуса. Но подобный подход не может объяснить существование самосознания. В условиях иллюзорности эмпирического «Я» должно существовать что-то (как у Декарта или у Августина), мыслящее эту иллюзию. И. Кант делает трансцендентальное «Я» средоточием изначально заложенных познавательных способностей человека.

Тем не менее, эти же способности порождают иллюзии. Познание через оформление вещей-в-себе априорными формами чувственности и рассудка действует так, как действует иллюзия: искажает истинную реальность, придавая ей субъективные черты. Следует отметить, что трансцендентальное «Я» не может служить оплотом истинного познания и преодоления иллюзий (как у Р. Декарта) ввиду своей неизвестности. Можно привести слова С. Кьеркегора: «потеря своего Я... может пройти у нас совершенно незамеченной, как если бы ничего не случилось»¹⁶². Трансцендентальное «Я», *cogito*, божественный дух, нешама — несмотря на всю их важность для человеческого бытия, они не обладают значимостью, так как субъект не сталкивается с ними так же, как со своим эмпирическим «Я». В контексте принципа Дж. Беркли, “*esse est percipi*”, истинно существующим и действительно относящимся к человеку является его иллюзорное, данное в опыте «Я».

Исследование преломления эмпирического «Я» в иллюзорных реальностях возвращает нас к рассмотренному выше принятию человеком

¹⁶¹ Юм, Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения в 2-х томах. Т.1. М.: Мысль. 1965. С. 367.

¹⁶² Кьеркегор, С. Болезнь к смерти // Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010. С. 309.

иллюзорных ролей. По сути, иллюзорная роль человека и есть «Я», соотносимое с конкретной реальностью.

2.2.2. Телесное «Я» как составляющая иллюзорной реальности. Говоря о «Я», прежде всего имеем в виду сознание, память, чувства, разум — элементы психической деятельности человека. Но человек проявлен как существо, обладающее двойственной природой; сам опыт человека дает ему знание о себе, как о сочетании внешней телесной составляющей, в которой он сопоставляет себя с окружающим миром, и психики, о существовании которой вне себя он может судить только по косвенным проявлениям. В истории философии эта двойственность возникла в виде заимствованного из религии соотношения тела и души (например, у Платона, Аристотеля, неоплатоников, затем в средневековой философии). Декарт провозгласил существование двух субстанций: мыслящей и протяженной. Материалистическая и идеалистическая позиции разрешают психофизическую проблему, сводя одну составляющую к другой. Немногие философы и мистики пытаются отказаться от этого различия (например, неразличение и непротиворечие друг другу существования тела и существования разума у Г. Райла¹⁶³; или тождественность сознания и тела в нагуализме¹⁶⁴). Иллюзии человека проявляются в его идеальной составляющей, кажется, что субъект виртуальной реальности — психика человека: восприятие и мышление — явления сознания, а значит, их искажения не должны влиять на тело. В таком случае, тело могло бы стать прибежищем объективности и опровержением основополагающей роли иллюзии. Однако это не так. Состояние виртуала включает в себя и изменение статуса телесности¹⁶⁵, поэтому следует рассмотреть возможность воздействия иллюзии на протяженную составляющую человека.

В качестве обладающего телом, человек включен в мир материи. Он выступает как биологическое существо, своим устройством напоминающее животных. Разделяя две субстанции, Декарт не делал различий между

¹⁶³ Райл, Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 32.

¹⁶⁴ Keen, S. Castaneda Interview [Электронный ресурс] URL: <http://kve71.narod.ru/Storage/Castaneda/SamKeen.htm> (дата обращения 15.12.2013).

¹⁶⁵ Носов, Н.А. Виртуальная психология. С. 58.

человеческой и животной протяженностью: человек – это дух, который пребывает в машиноподобном животном теле. Материализм рассматривает телесную составляющую как первичную, психика оказывается производной от нее. Если тело таково, оно полностью объективно и не оставляет места для влияния иллюзии. Тело может воздействовать на иллюзию: это видно на примере сновидений¹⁶⁶. Однако иллюзорные представления человека способны влиять на его телесное «Я». В данном случае требуется путь, противоположный тому, которым идет антропология тела, определяющая роль телесного в общественных и культурных явлениях, рассматривая проявления человеческого, в том числе и результаты символической деятельности с точки зрения телесности. В данном случае следует рассмотреть само тело с точки зрения подчиненности условиям идеального мира, который неизбежно формирует человек, обращаясь к своей способности построения иллюзий.

Обнаруживаются несколько путей влияния сознания, а через него и иллюзии, на физическую составляющую человека: психосоматический, психосоциальный, патопсихологический, идеалистический, инструментальный и технологический.

Психосоматический путь заключается в прямом объективном влиянии психических состояний на физические. Он подразумевает психическую регуляцию телесных процессов (как бессознательную, так и сознательную), связь душевного и физического здоровья, наличие телесных проявлений характеристик личности. Так как иллюзия подменяет истинное восприятие и мышление, ставя себя на их место, везде, где действуют данные психические процессы и их результаты, действует и иллюзия. Соматическое воздействие иллюзии ярко выражается в крайних проявлениях сенсibilизации, при которых иллюзорный стимул вызывает объективную телесную реакцию (например, возникновение ожога от ярко представленного огня). Психосоматический путь воздействия иллюзии на тело, как правило, ведет к

¹⁶⁶ Бескова И.А. Природа сновидений (эпистемологический анализ). М.: ИФ РАН, 2005. С. 169.

незначительным изменениям, но является доказательством возможности такого воздействия.

Психосоциальный путь. Проистекает из переосмысления физической составляющей человека и перехода от тела к телесности. Понятие телесности отрицает независимость тела от сознания: телесность – не биологическое, а психосоциальное явление. У человека нет определенного тела, так как оно во многом зависит от тех коннотаций, которые возникают в зависимости от точки зрения. Так Ж. Бодрийяр выделял четыре модели тела в современности: труп, зверь, робот и манекен¹⁶⁷. Ни одно из них не представляет собой объективное физическое тело, которое можно было бы предписать животному, хотя модели «труп» и «робот» наиболее близки протяженной составляющей человека у Декарта. Несмотря на присутствие некоторого объективного основания (тела как физического объекта), образ тела оказывается более значим, чем физическое тело. Тело-машина обладает совсем иными свойствами, чем тело как сосредоточие страсти и греха, тело как предмет заботы отличается от темницы души. В.А. Подорога также указывает ряд образов тела (тело-объект, тело-орудие, тело Другого и др.), среди которых здесь стоит особенно отметить тело-канон, «сверхтело»¹⁶⁸: многочисленные представления об идеальном теле, к которому должно стремиться тело реальное. На наш взгляд, тело-канон оказывает огромное влияние на другие образы тела, так как стремится признать их соответствующими канону.

Все указанные образы осознанно или бессознательно конструируются самим человеком, на что указывает представление о человеке как существе, создающем себя, свой образ и свою сущность, проистекающее из апофатических определений человека. Это является очевидным проявлением иллюзорности тела: его образ является результатом искаженного мышления о нем и искаженного его восприятия. В.А. Подорога, описывая представление о теле в разные эпохи развития человечества, указывает, что в древних и

¹⁶⁷ Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 216.

¹⁶⁸ Подорога, В.А. Словарь аналитической антропологии [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/FILOSOF/PODOROGA_W/s_antropo.txt (дата обращения 05.02.2014).

примитивных культурах представление о теле, как целом, отсутствует, а части тела имеют символическое значение: выступая, как «собственный магический знак»¹⁶⁹, тело выдает свою идеальную природу. Кажется, что в объективном физическом теле можно найти опору реальности, но физическое тело может оказаться иллюзией, охватившей умы человека Нового времени, достаточно сильной, чтобы сохраниться до наших дней. Противники такого взгляда исходят прежде всего из целостности тела, несводимости его к механистическим отношениям, невозможности разделения его на отдельные составляющие. Здесь можно обратиться к философии тела П. Флоренского, где тело выступает в качестве живой реальности, превосходящей свое понимание как материи и как формы¹⁷⁰. Такой подход лишает тело характеристик естественных и объективных вещей, приближая его к идеальным сущностям, которым и свойственна упомянутая целостность. Потому и у П. Флоренского тело выходит за границы физической формы, захватывая все, с чем имеет дело человек, постоянно меняется, актуализируя свою неограниченную возможность.

Тело — продукт социальных и индивидуальных представлений, но, на наш взгляд, эти представления, не соответствующие неизвестному действительному телу, — иллюзии. Телесность оказывается иллюзорной.

Патопсихологический путь показывает не настолько значимые и устойчивые в культуре иллюзорные изменения образа тела, как психосоциальный, но более интенсивные и радикальные. Можно сказать, что он сочетает в себе черты психосоматического и психосоциального путей, так как, подобно второму, не изменяет объективную реальность, но, подобно первому, изменению подвергается само тело, а не коннотации понятия тела. Различие здесь лучше может быть выражено в терминах иллюзий восприятия и иллюзий мышления: психосоциальный путь имеет дело в основном с иллюзиями мышления, а патопсихологический подключает и иллюзии

¹⁶⁹ Подорога, В.А. Указ. соч.

¹⁷⁰ Бонеецкая, Н.К. "Homo faber" и "homo liturgus" (философская антропология П. Флоренского) // Вопросы философии. 2010. №3. С. 93.

восприятия. Возможность конструирования образа и схемы тела ярко проявляется при патологических отклонениях его восприятия и представления: не только связанных с органическими повреждениями, но и проистекающих исключительно из особенностей психики. Тело человека может казаться ему имеющим иные размеры, чем в реальности (деперсонализация), может не ощущаться некоторая часть тела или ощущаться такая, которой нет (фантомная конечность), человек может не считать себя человеком и выстраивать образ своего тела в соответствии с этим. Иллюзии восприятия и иллюзии мышления действуют вместе, утверждая истинность друг друга. Эти случаи являются отклонениями от нормы, однако человек не может быть уверенным, что его образ и схема тела соответствуют объективной реальности. Если все люди обладают одной общей иллюзией своих тел, общечеловеческое ложное мнение воспринималось бы как объективность.

Следует отметить пугающее сходство между психосоциальным и патопсихологическим путями. Несмотря на указанные различия в интенсивности и в отношении к восприятию или мышлению, основное разграничение проходит именно в области нормы и отклонения. Оба эти пути настолько изменяют образ тела, что способны вывести его в состояния, противостоящие самой идее плотскости. Здесь речь идет как об идеальных телах: тонкое тело, эфирное тело, космическая плоть - так и о материальной противоположности: отождествление с неживым, неорганическим объектом. Различие заключается в том, что психосоциальные образы тела не связаны с индивидуальными расстройствами и охватывают целые культуры, а психопатологические – следствие нарушения процессов восприятия и мышления. Не сложно представить массовое (например, генетическое) нарушение психических процессов, формирующее для целой культуры новый образ тела. Равно как и образ, созданный культурой может стать навязчивым представлением для не принадлежащего к ней субъекта.

Также говоря об этих двух путях, необходимо упомянуть две модели тела, ярко демонстрирующие необусловленность телесности физическим

миром, но осуществляющие это с противоположных позиций: тело без органов (А. Арто, Ж. Делез) и гротескное тело (М.М. Бахтин). Оба, на наш взгляд, могут быть воплощены как в психосоциальной, так и в патопсихологической телесности. В контексте модели *тела без органов* тело рассматривается не как организм, но как целостность, на которой паразитируют органы, которая ограничена ими и должна это ограничение преодолеть¹⁷¹. На наш взгляд, указываемые в отношении тела без органов его подвижность, происхождение от чувств и страсти, возникшие в связи с происхождением этой идеи в сфере искусства, не столь существенны, как представление о теле обычного человека до появления у него знания о структуре организма. Сама необходимость человека получать знание об органах, которыми он обладает, свидетельствует о неочевидности этого знания: о первичности целостного представления. Тело без органов организовано по образцу идеальных сущностей: оно едино и независимо от естественного хода вещей. Противоположный способ выхода телесного за пределы законов материи находим в анализе М.М. Бахтиным творчества Ф. Рабле. Образ *гротескного тела* не является исключительным достоянием средневековой народной культуры: он оказывает серьезное влияние на современную культуру, в тех или иных формах был проявлен в античности; гротескное тело оказывается еще одной универсальной моделью телесной организации. Бахтин описывает гротескное тело, как становящееся, творящее себя и другое тело¹⁷². Можно сказать, что, как и модель тела без органов, данное тело также свободно от ограничений материи, но при этом, напротив, сохраняет организмическую структуру, в которой обладание теми или иными органами умышленно подчеркивается. Гротескное тело, как и тело без органов, не имеет границ, это бессмертное родовое тело, что не мешает ему сохранять главенствующую роль органов. Отдельные части, органы – здесь не паразиты тела, но его выражение, его сущность: экспансивное разрастание гротескного тела происходит через распространение органов, через которые происходит

¹⁷¹ Подорога, В.А. Указ. соч.

¹⁷² Бахтин, М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. С. 351.

взаимопоглощение тела и мира. Таким образом, и в качестве гротескного тела и в качестве тела без органов, человеческое телесное «Я» является самотворящим и неотделимым от реальности, которой оно присуще, подвержено постмодернистским процессам деконструкции. На психосоциальном уровне такие представления выражены в небιологических концепциях телесности, присущих как древним взглядам на человека, так и начинающим смещать материалистический подход в настоящем, в наделении частей тела метафорическим смыслом. На патопсихологическом – в уверенности в независимости от телесной организации или, напротив, в переоценке аспектов телесности. Обоим уровням свойственно отрицание привычного физического тела и выход к телу иному, повторяющему структуру идеального, что переводит к следующему пути влияния иллюзорного на телесное.

Идеалистический путь влияния иллюзии на физическую реальность тела подразумевает возможную (недоказанную, но и неопровергнутую) зависимость физического бытия от сознания. Если сознание первично, то тело формируется им, а значит, все иллюзии, которыми это сознание обладало, влияют на формирующееся тело. Разумеется, речь здесь идет о субъективном идеализме, а не об объективном, так как объективная абсолютная реальность не способна заблуждаться. Однако, если физическая реальность — производное от индивидуального сознания (одной из монад, либо единственным Я солипсизма), реальность формируется в соответствии с этими иллюзиями. Разумеется, в таком случае сам статус иллюзии меняется, так как теряется принцип объективности.

Сюда же могут быть отнесены те учения о неразрывности телесного и духовного, которые организуют психофизическое единство не по образцу материи, а по образцу сознания. Примером этого является мистико-философское учение нагуализма, объявляющее тождественность тела и сознания, но этим не укрепляющее сознание в косности тела, а возводящее тела к изменчивости сознания. Разные точки зрения, фактически представляющие конструктивную иллюзию, создают разные образы тела: наиболее близким к

истине считается образ гораздо большего, чем физическое тело, светящегося шара, разделенного на две, три или четыре части, с подвижной точкой повышенной светимости.

Инструментальный путь. Под инструментальным мы понимаем путь воздействия иллюзии на тело, при котором человек иллюзорно включает в свое тело физически не связанные с ним предметы. Предметы окружающего мира, приобретая инструментальные функции, заменяют человеку недостающие свойства и органы, а, значит, должны быть включены в структуру тела. Человек, держащий в руке молоток и использующий его по назначению, включает его в свое физическое тело, расширяя его границы. Выше была упомянута идея П. Флоренского о включении человеком в тело очеловеченных предметов; в данном же случае она сужается до частного проявления: человек и его инструмент становятся единым телесным целым. М.М. Бахтин, описывая народную географию как расчлененное тело великана, не проводит различий между «пальцем» и «зубом», с одной стороны, и «котлом» и «креслом» - с другой¹⁷³, чем включает последние в телесную структуру. М. Элиаде опровергает роль инструмента в качестве продолжения человеческого тела¹⁷⁴, так как ряд инструментов не имеет аналога в природе; однако, на наш взгляд, инструмент, в качестве недостающего органа, и не должен обязательно подражать существующему. Человек, как творческое существо, способен выработать идею органа, которого нет. Человек, как существо, создающее иллюзорные реальности, способен выработать реальность, в которой он будет обладать таким органом, сделав проводником между производной и производящей реальностью материальный предмет – инструмент, выступающий в производящей реальности как независимый от человеческого тела объект, но в производной – как его часть.

Технологическим путем мы называем влияние сознания на физическое тело, при котором тело подвергается физическому изменению в соответствии с

¹⁷³ Бахтин, М.М. Указ. соч. С. 379.

¹⁷⁴ Элиаде, М. История веры и религиозных идей. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. С. 10.

сознательным желанием, что достигается применением определенных практик и технологий. В современном мире более не постулируется неизменность естественного человеческого тела: оно материал, который может и должен быть улучшен¹⁷⁵. Сюда входят телесно-ориентированные практики, направленные на изменение его структуры (изменение мышечной массы, веса, пропорций тела), хирургические методы, включающие как изменение форм в пределах имеющегося вещества, так и включение в состав тела инородных предметов (от протезирования до потенциального включения в тело устройств, придающих ему новые функции). Разумеется, здесь нет прямого пути для влияния иллюзии, но ее практикоориентированность указывает на изменение действия человека при наполнении его сознания иллюзорными установками. В том числе иллюзия может и изменить практики преобразования тела (например, в качестве такой иллюзии может выступить убежденность в рождении в «неправильном», «не своем» теле). В отличие от инструментального, технологический путь не подразумевает расхождений в реальностях: производная реальность заставляет произвести изменения в самой производящей.

Таким образом, психосоматический, идеалистический и технологический пути демонстрируют возможность непосредственного влияния сознания (а через него иллюзии) на физическое тело, а психосоциальный, патопсихологический и инструментальный указывают на иллюзорное создание сущности тела и переосмысление его границ. Это показывает, что физическое тело не является оплотом реальности, закрепляющим человека в объективности. Оно зависимо от сознания (хотя нельзя отрицать и зависимость сознания от него), что позволяет иллюзии действовать не только независимо от ограничений тела, но и воздействовать на само тело. По сути, телесное «Я» человека — предмет иллюзорного восприятия и мышления, существующий среди таких же предметов.

Психосоциальный, идеалистический и патопсихологический пути являются ведущими в формировании особого телесного «Я» иллюзорной

¹⁷⁵ Майленова, Ф.Г. Возможности модификации природы человека сегодня // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 2. М.: ИФРАН, 2008. С. 85.

реальности. В контексте реальностей мы видим, что эмпирическому «Я», виртуальному «Я» реальности, соответствует свой образ тела. Выше анализировались три уровня иллюзорных реальностей: реальность феноменального мира, скрывающая вещи-в-себе; дополнительные реальности — картины мира, заимствующие часть содержания реальности явлений, но претендующие на ее объяснение и замещение; обособленные — не связанные с феноменальным миром, обладающие собственными пространственно-временными системами. Привычное восприятие физического тела сформировано в соответствии с реальностью явлений; дополнительным реальностям соответствуют отдельные образы телесного «Я»: тело как природный организм, как темница духа, как объект будущего воскрешения; обособленным реальностям соответствует отдельная телесная организация: например, «тело сновидения», телесная организация персонажа произведения искусства, «виртуальное тело»¹⁷⁶ сети Интернет. Тело необходимо субъекту в той или иной реальности, как указание на его положение в пространстве этой реальности. Тело выступает в качестве «точки зрения на мир»¹⁷⁷ — центром восприятия реальности, в которой субъект обретает свое «Я».

2.2.3. Роль иллюзорных реальностей в онтогенезе человека. В процессе овладения иллюзорными реальностями человек может обретать несколько эмпирических «Я». Однако центральным остается эмпирического «Я», соответствующее реальности феноменального мира, так как иллюзия чувственного восприятия и первичного мышления наиболее сильна. Однако сам процесс формирования этого «Я» не свободен от воздействия иллюзорных реальностей: способность человека к созданию иллюзии движет его развитием. Воздействие иллюзорных реальностей на формирования «Я» производится двумя способами: 1. В пределах изменения одного образа «Я»: иллюзия способствует развитию «Я» и бережет его целостность; 2. В сменах образа «Я»: через переход в другую реальность.

¹⁷⁶ Катречко, С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 69.

¹⁷⁷ Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. С. 105.

Воздействие в развитии компенсаторной функции иллюзии.

Компенсаторную функцию иллюзии на раннем этапе развития ребенка подробно исследовал Д. Винникот. Он показал, что самой первой иллюзией человека является иллюзия его единства с матерью, как цельного существа¹⁷⁸. Такое представление ограждает от окружающей действительности, о которой, фактически, может заботиться другая часть его иллюзорного организма. Поиск замещающих объектов в отсутствие матери — также проявление иллюзии, так как свойства матери переносятся на объект, который таких свойств реально не имеет. Наиболее интересной и важной нам представляется иллюзия единства с миром и иллюзия воздействия на мир. С одной стороны, ребенок уберезен от столкновения с «не-Я» иллюзией неразделенности «Я» и «не-Я». Однако, даже внося разделение, ребенок обладает иллюзией своего всемогущества¹⁷⁹. Так как его желания исполняют окружающие (он зовет мать, и она приходит), мир оказывается не враждебным, но подчиненным ребенку, только позже он понимает, что мир не реагирует на его крики, как мать.

В дальнейшем развитии на смену данным иллюзиям приходят новые способы защиты: создание более частных и разнообразных иллюзий, которые более обусловлены действиями окружающих, чем собственными особенностями. Первоначальная изоляция и единство сменяются субъективным построением реальности под воздействием того, в чем убеждают окружающие. Э. Берн указывает, что если главной иллюзией младенца является иллюзия «у меня все в порядке», то в более взрослом возрасте она переходит в представление о том, что «все в порядке» бывает, когда ребенок правильно себя ведет, и не бывает, когда неправильно: в это заставляют верить родители¹⁸⁰. Таким образом, сохраняется указанная Винникотом иллюзия всемогущества.

Иллюзии в дальнейшем развитии принимают воплощенные в материи черты: волшебных существ, которые следят за тем, чтобы было «все в порядке», особых условий и состояний и т.д. На наш взгляд, в своей

¹⁷⁸ Винникот, Д.В. Указ. соч.

¹⁷⁹ Винникот, Д.В. Указ. соч. С. 38.

¹⁸⁰ Берн, Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб.: Эксмо, 2008. С. 33.

компенсаторной функции иллюзии направлены в большей степени во вне, чем на себя: хотя иллюзорный образ самого себя существует и поддерживает психическое здоровье, особое внимание направлено именно на субъективированную внешнюю реальность.

По мере взросления человека детские иллюзии искореняются, и он вынужден оказаться лицом к лицу с неприглядной действительностью. Однако и здесь иллюзии не оставляют его: на смену детским представлениям приходят взрослые коллективные иллюзии, прежде всего дополнительные иллюзорные реальности. Это могут быть иллюзии относительно мира, человечества, государства: в них также создается иллюзия всемогущества (наука, магия), иллюзия связи «все в порядке» и поведения (религия), вера в добрых существ, обеспечивающих «все в порядке» (от Бога и ангелов до правительства и солдат). Разумеется, нельзя игнорировать и возвратное движение на этом пути, продолжение детских иллюзий у взрослого человека. Таким образом, вступая в самостоятельную жизнь, человек не отказывается от иллюзий, а только меняет одни реальности на другие.

Становление личности и развитие способностей через развитие иллюзии. В онтогенезе человека иллюзия выполняет не только компенсаторную функцию. Д. Винникот показывает, что из человека не получилась бы полноценной личности без иллюзий, так как иллюзия не только защищает от психических травм, но и стимулирует развитие. Прежде всего, это способность к творчеству, которая начинает развиваться уже тогда, когда ребенок ищет возможность компенсировать отсутствие матери некоторым заменяющим ее предметом¹⁸¹. Затем креативность развивается в создании субъективного мира; позже — в фантазировании об объективном.

Другим важным моментом развития является игровая деятельность ребенка, которая во многом содержит в себе черты иллюзии. Игра как приобретение иллюзорных ролей или осуществление иллюзорных действий

¹⁸¹ Винникот, Д.В. Указ. соч. С. 13.

придает человеку устремления и умения для будущей реальной жизни и деятельности.

Иллюзии формируют первые представления об окружающем мире, которые остаются с человеком, но истинность которых неизвестна. Так указанная иллюзия причинно-следственных связей позволяет понять природную детерминацию, что способствует осознанию научной действительности. Из первичных иллюзий проистекают и религиозные воззрения.

Саму символическую деятельность мы можем пытаться выводить из первичных иллюзий: именно символами являются указанные детские замещения одних объектов другими. Даже речевое развитие можно условно представить как включение в звуки не присущего им содержания.

Кроме того, указанный Э. Берном принцип зависимости «все в порядке» от поведения способствует утверждению моральных норм и жизненных принципов. Этика, право и религия работают по этим принципам, но усваиваются они через первоначальные иллюзии о существе-защитнике, помогающем тому, кто хорошо себя ведет, и существе, наказывающем за плохое поведение.

Таким образом, иллюзии в процессе онтогенеза человека формируют сами основы человеческого: без этих иллюзий человек не может сформироваться как полноценная личность.

Развитие человека как смена иллюзорных образов «Я». До этого речь шла в основном об иллюзиях относительно внешнего мира. Тем не менее, как мы видели, иллюзорная реальность с необходимостью подразумевает иллюзорное «Я». Наиболее сильные иллюзорные «Я» постепенно сменяют предшествующее им самосознание. Это роли, столь прочно закрепленные в сознании человека, что подменяют его сущность. Не каждую роль можно назвать иллюзорным «Я»: как правило, профессиональные и ряд семейных ролей не подменяют сущности, человек воспринимает их как нечто

дополнительное по отношению к себе. Но с некоторыми ролями человек себя все-таки ассоциирует и сводит себя к ним.

В соответствии с вышеуказанными иллюзиями на разных стадиях развития человек принимает разные иллюзорные образы самого себя. Так самое первое солипсическое представление о включении мира в себя порождает представление о себе, как обо всем, что существует. Разумеется, здесь речь не идет о сознании «Я» как мира, так как нет представления о «Я», но, скорее, отождествление себя со всем **бытием**. Затем, при осознании границ своего тела, можно уже говорить об осознании себя как **тела**. Здесь надо подчеркнуть, что традиционно развитие ребенка рассматривается как исключительно прогрессивное изменение. Однако никто не может знать, на самом ли деле это развитие идет правильно, или человечество наследует некоторую ошибку. С нашей точки зрения, очень важно осознать себя как тело с головой, четырьмя конечностями, глазами, ушами и т.д., но это не значит, что мы можем быть уверены, что именно такая позиция отражает реальность: возможно единство с миром – та истина, которую человек утерял. Кроме того, человек не сводим к телу, и потому осознание себя как тела – иллюзия, даже если это адекватно установленные границы. Затем - представление о себе, как об **активном** субъекте. Это также может быть подвержено сомнению, если предположить предопределение, существование демона Декарта или ситуацию «мозга в банке» Х. Патнэм. Позже ребенок складывает представление о себе как о «**Я**», что также может быть подвергнуто сомнению (например, в учениях авдайти-веданты и буддизма). Затем возникают представления о себе как о **моральном** субъекте, как о **социальном** и т.д. Безусловно, все эти образы самого себя (кроме первого «Я» — мир) составляют нашу реальность, но, тем не менее, они искусственны и не свободны от сомнения. На подобный способ развития указывает и Носов, говоря о постепенном удвоении, виртуализации телесности, сознания, личности и воли¹⁸².

¹⁸² Носов, Н.А. Виртуальная психология. С. 72.

Кроме того, рассматривая иную систему развития, можно выделить представление о себе как о ребенке, подростке, взрослом, которые не являются объективными: в этом случае именно сознание определяет бытие. Исторические факты либо примеры отдельных редких личностей указывают, что социальный возраст не равен биологическому, что значит следующее: человек становится тем, кем себя считает. Он взрослеет, когда отказывается от роли ребенка.

В качестве иного аргумента в пользу зависимости онтогенеза человека от иллюзии можно привести следующий: возможно, что и представление о себе как о человеке также иллюзорно. Так ребенок, выросший среди животных, обладает иллюзией того, что он животное, и по всем нефизическим признакам соответствует своему представлению. Это заставляет думать, что человек, считающий себя человеком, создал себе точно также эту иллюзию, когда рос среди людей: как мы уже рассмотрели, человек не имеет определенной сущности. Из этого можно сделать вывод о том, что одинаковое прохождение процесса развития каждым человеком является следствием социальных причин, а не обусловлено его природой.

При анализе развития человека как процесса создания иллюзий и взаимодействия с ними с точки зрения теории деятельности обнаруживается соответствие признаков деятельности по созданию иллюзий с признаками ведущей деятельности А.Н. Леонтьева. В ведущей деятельности происходит возникновение и дифференциация новых видов деятельности, формирование и перестройка отдельных психических функций, наблюдаются зависимые от нее изменения личности¹⁸³. Относительно деятельности по созданию иллюзорных реальностей последние два признака были рассмотрены выше: создание иллюзий участвует в формировании психических функций индивида (можно также предположить, что в филогенезе некоторые из них возникли таким образом впервые), влияет на изменение личности (так как личность составляет соответствующее реальности иллюзорное «Я»). Признак возникновения новых

¹⁸³ Кулагина, И.Ю., Колоцкий, В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. М.: ТЦ «Сфера», 2001. С. 12.

видов деятельности также присутствует: особенно ярко это видно в развитии общества, где иллюзии формируют новые практики. Следует заметить, что деятельность по созданию иллюзий сохраняется не только в пределах определенных этапов, но остается ведущей в течение всей жизни человека либо существования человечества, если рассматривать ее коллективные аспекты.

Исследовав отношение эмпирического «Я» к иллюзорным реальностям, мы пришли к выводу, что «Я», создаваемое в опыте, является одновременно иллюзорной конструкцией, но и единственной доступной человеку формой самосознания. «Я» существует в реальности, и они взаимозависимы, для каждой иллюзорной реальности субъект создает особое, только в ней возможное «Я», одновременно психическое и телесное. Сам процесс создания «Я» обусловлен иллюзиями, но и все развитие человека является переходом от одних реальностей к другим и принятием разных «Я».

2.3. Функционирование иллюзии в социокультурной реальности

Исследование иллюзорных реальностей и формируемого ими образа «Я» показало необходимость и неизбежность иллюзии для человека. Наличие многоуровневой вертикальной и разветвленной горизонтальной, но непротиворечивой структуры реальностей, говорит о потребности человека во множественности реальностей. Невозможно утверждать наличие одной иллюзорной реальности, одного вида иллюзорных реальностей в качестве единственного или доминирующего. Неизбежность погруженности человека во множественные иллюзии не является главной причиной их принятия: большинство реальностей человек выбирает сам, не только бессознательно, но и сознательно. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, экстернализация, то есть создание реальности, и последующая ее объективация выражают любое человеческое действие и являются антропологической необходимостью.¹⁸⁴ Следует проанализировать причины стремления человека к построению

¹⁸⁴ Бергер, П., Лукман, Т. Указ. соч. С. 90.

множественных иллюзорных реальностей и пребывания в них; также рассмотреть роль иллюзии в существовании человека, культуры и общества, через выделение основных социокультурных функций иллюзии.

2.3.1. Основания потребности индивида в иллюзорных реальностях.

Наличие множественности реальностей для человека проявляется двояко: 1) в существовании каждого отдельного человека одновременно в нескольких реальностях (учитывая соподчинение одних реальностей и видимое непротиворечие других, это возможно) и 2) в причастности всего человечества к совокупности субъективных миров отдельных индивидов. Первое свидетельствует о необходимости нескольких реальностей для полноты человеческого существования; второе же указывает на связь иллюзии с индивидуальными особенностями людей. Было бы упрощением пытаться говорить о некой единой реальности, которую создает для себя человек, хотя большинство людей субъективно осознают свое существование как существование в одной реальности, кажущейся им объективной.

Существуют целые ряды реальностей на разных уровнях соподчинения, по-своему необходимых человеку. По мысли С. Кьеркегора, человек сам выбирает свое бытие, отсюда его экзистенциальная реальность предстает как возможность: все одинаково возможно и реально достижимо, однако это значит, что ничто невозможно в абсолютном смысле. И если в условии возможности человек выбирает множественность, он имеет на это причины.

Потребность в многообразии иллюзии у человека, на наш взгляд, является следствием недостаточности в удовлетворении общечеловеческих потребностей вне иллюзий¹⁸⁵. Существование человека в нескольких реальностях одновременно свидетельствует о недостаточности каждой из реальностей для удовлетворения всех стремлений человека, входящих в его потребность к иллюзии. Человек обеспечивает себе первичное восприятие и осмысление мира, осуществляемое через реальность явлений; затем

¹⁸⁵ Точнее в самой первичной иллюзорной реальности феноменального мира, которая наиболее близка к вещам-в-себе, но является пределом восприятия и мышления человека: человеку не известно истинное состояние вне иллюзий.

осмысление ее через дополнительные реальности; и возможность периодических контактов с реальностями обособленными. Фактически это выражает потребность в 1. бытии в мире; 2. осмыслении своего бытия в мире; 3. обращении к инобытию. Проанализируем данные потребности человека.

1. Потребность, служащая причиной формирования реальности явлений, очевидна: это сама потребность в существовании в некоторой реальности. Сама потребность не уникальна для человеческого существа. Реальность явлений, как трансформация вещей-в-себе в сознании, теоретически, должна быть доступна и другим формам жизни, однако не будет включать в себя основания в желаниях, в личности, таким образом, будет скорее ошибочной, чем иллюзорной интерпретацией вещей-в-себе. Относительно данной потребности достаточно указать на невозможность существования вне связи с реальностью (сродни неразрывной связи «Я» и «не-Я» у Фихте), в условиях невозможности непосредственного доступа к миру.

2. Дополнительные реальности возникают в связи с потребностью в осмыслении реальности. Однако в данной потребности выражена не только нужда в заполнении пробелов, которые оставляет первичное понимание явлений, но и также совокупность индивидуальных стремлений человека. Сетка иллюзорных реальностей, складывающихся для одного лица, зависит от его особенностей и склонностей: даже коллективные иллюзии присваиваются новым носителем через субъективные черты. Эти различия складываются под влиянием частных потребностей людей, исходят из способности реальностей их удовлетворить. Рассмотрим в качестве примера основные дополнительные реальности: научную, религиозную и мифологическую картины мира. Наука решает исключительно познавательную задачу, и решает ее наиболее подробно выработанным способом. Полностью подчиняясь этой задаче, наука не решает других проблем, но дает обоснованное знание о мире. Человек, которому в окружающей действительности не хватает известности и который не удовлетворяется иррациональной уверенностью, скорее всего, примет научную реальность. Характеризуя научное знание, К. Ясперс говорит о нем как о

познании, соотносящемся с определенными предметами, но не с самим бытием, кроме того, оно не только не решает все проблемы, но исключает из рассмотрения самые для человека важные. Религиозная картина мира, также объясняя мироустройство, уже не предоставляет подобных доводов (попытка рационального объяснения в рамках религии – уже некоторый выход в смежные сферы: схоластическая философия – прежде всего философия, а не религия), однако позволяет удовлетворить иные потребности: задает цель и направление жизни, устанавливая строгие рамки деятельности, снимает ответственность за принятие решений, обеспечивает чувство защищенности. Тот, кто нуждается в обнаружении смысла жизни или в руководстве своими действиями высшего принципа, принимает религиозную реальность. Мифологическая картина мира осуществляет подобные функции наглядно-образными средствами и обращается к глубинным архетипическим представлениям, удовлетворяя потребность в целостном понимании действительности. Однако реальности одного типа – разные религиозные представления или разные научные парадигмы – также решают не одни и те же задачи, а значит, рассчитаны на индивидуальные отличия людей. Например, человек, стремящийся к посмертному сохранению своей личности, не станет принимать реальность, предлагаемую буддизмом.

3. В отношении обособленных реальностей также складывается подобная ситуация. В целом они удовлетворяют потребность в столкновении с иной реальностью, выходе за пределы реальности явлений и ее интерпретации. Однако характер самой реальности и способ ее данности определяются в соответствии с индивидуальными предпочтениями. Способ данности: литература, кинематограф, киберреальности — определяет выбор в соответствии, например, с ведущей репрезентативной системой (зрительной, слуховой, кинестетической), так как реальность воплощается в нашем восприятии в той или иной форме: визуальной, звуковой, текстовой и т.д. Кроме того, одни реальности позволяют влиять на них и даже действовать почти внутри них, другие дают возможность только пассивного их созерцания.

С другой стороны, выбор определяется самим содержанием реальности: похожестью или непохожестью ее на данные нам явления, - теми эмоциями, к которым, прежде всего, обращается данная иллюзия. Так люди, не удовлетворенные самой структурой данной нам реальности явлений, будут стремиться к невозможным фантастическим реальностям, в то время как те, кто укоренен в этой жизни, но кому не хватает некоторых ее составляющих, будут стремиться к реальности, похожей на обыденную. Что касается задействованных эмоций, на наш взгляд, искусственные реальности ставят в центр некоторые эмоции, и хотя вымышленные миры, стоящие за этими реальностями, потенциально могут быть более многогранными, реальность, как способ данности, преломляется через конкретные чувства и впечатления: реальность восхищения, реальность ярости, реальность любви, реальность грусти и т.д.

Помимо причин, связанных с конкретными видами реальности, можно обнаружить и универсальную причину - потребность, обосновывающую устремление не к конкретным реальностям, а к самой их множественности. Хотя в той или иной реальности человеку не хватает чего-то определенного и конкретного, можно предположить, что человеку свойственно своеобразное *стремление к абсолютности*. Это стремление прослеживается в разных концепциях человека. Прежде всего, уже как образ и подобие Бога, человек видит путь совершенства именно в состоянии абсолютности. В. Соловьев пишет: «Человек совмещает в себе всевозможные противоположности, которые все сводятся к одной великой противоположности между безусловным и условным, между абсолютной и вечной сущностью и преходящим явлением, или видимостью. Человек есть вместе и божество, и ничтожество»¹⁸⁶; и одновременно с тем ему «естественно хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности, ему *естественно* тяготеть к идеалу сверхчеловека»¹⁸⁷. На это же частично указывает представление о человеке, как микрокосме. Человек,

¹⁸⁶ Соловьев, В.С. Чтения о Богочеловечестве // Чтения о богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров...»: Краткая повесть об Антихристе. СПб.: Худож. лит., 1994. С. 145.

¹⁸⁷ Соловьев, В.С. Идея сверхчеловека // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С.629.

разумеется, не каждый конкретный, а человечество, его настоящее, прошлое и будущее, — это все, вся полнота бытия, но конкретный человек является лишь частью этой полноты и стремится к ней. Л. Фейербах, смещая идеи религии о Боге в сферу антропологии, указывает, что Человек (речь снова идет о родовом понятии, а не о конкретных людях) обладает всеми божественными совершенствами; потому люди должны относиться к себе и к другому, как к Богу. Однако Фейербах говорит в большей степени о совершенстве¹⁸⁸, чем о всеобъемлющести. Так и представители адвайта-веданты стремятся к обожествлению и абсолютности: каждый человек не сознает свое нахождение в единстве с Абсолютом, тождественности с ним. Формулировка «Ты есть То» говорит об абсолютности человека, но эмпирический человек, джива, не будучи абсолютным, стремится к познанию этой истины. Кроме того, человек, рассматриваемый как существо незавершенное, может именно в абсолютности видеть цель своего самосозидания¹⁸⁹. Человек как существо, живущее в иллюзиях и само являющееся своей собственной иллюзией, безусловно, может быть абсолютным в своем собственном мире. Наличие такого стремления – всего лишь гипотеза, но такая гипотеза хорошо объясняет одновременно как стремление к совершенству людей высокого уровня духовного и интеллектуального развития, так и стремление к потреблению у противоположной части человечества. Действительно, у желаний познать мироздание, превзойти окружающих или просто попробовать в жизни все есть общая черта: стремление к максимальной полноте бытия – к абсолютности. Эта устремленность к предельной полноте, в том числе, является характеристикой самих иллюзорных реальностей: объяснить, описать, включить в себя все мироздание. Этим стремлением можно объяснить тягу к заполнению пустот в реальности при помощи иллюзорных картин мира и к контакту с инореальностями для встречи с неизвестным, неиспытанным или невозможным.

¹⁸⁸ Фейербах, Л. Указ. соч. С.25.

¹⁸⁹ Резник, Ю.М. Многогранный образ человека: предпосылки построения конфигуративной модели // Вопросы социальной теории. Том IV. Человек в поисках идентичности М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 38.

Понимание реальности, сконструированной человеком, приводит к восприятию множественности реальностей - как позитивной ценности и как цели. Так, например, Х. фон Фёрстер выводит из конструирования реальности этический императив: «Поступай всегда так, чтобы возможности выбора возрастали»¹⁹⁰.

Попытка человека определить свое место в мире обуславливает необходимость построения собственной системы иллюзорной реальности. Определенный человек является носителем неповторимой картины реальности. Этот аспект поднимает человека выше иных реальных гипотетически существующих субъектов, и через него решается проблема свободы человека: никто не может отнять присущую ему свободу конструирования, перестройки иллюзорных реальностей и оперирования ими. Рассмотрим вопрос о свободе выбора иллюзорных реальностей разного уровня. Выбор некоторых из них не свободен: так образ мира явлений для каждого свой, в связи с врожденными особенностями, реже при воздействии культуры — почти невозможно сознательно изменить свое восприятие реальности явлений. Тем не менее, дополнительные реальности нередко выбираются сознательно, хотя чаще привносятся воспитанием. Человек может изменить свою религию, начать или перестать доверять науке, хотя многие и продолжают существовать в реальностях, им навязанных. Тем более каждый свободен в выборе обособленных реальностей: только естественные обособленные реальности, сны человеку не подвластны (если не считать техники управления и осознания сновидений).

Таким образом, иллюзорные реальности возникают в связи с потребностями и стремлениями индивидов. Можно утверждать, что каждый человек находит для себя свои реальности: нет таких людей, которые довольствовались бы доступной реальностью явлений: за ее пределами открывается огромное количество существующих и возможных к созданию реальностей, среди которых человек находит свою.

¹⁹⁰ Ферстер, Х. О конструировании реальности // Цоколов, С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен, 2000. С. 182.

Большинство проблем, с которыми сталкивается человек в своей жизнедеятельности, на наш взгляд, имеет, как минимум, два решения: действительное и иллюзорное. Есть искушение назвать иллюзорное псевдорешением, так как в действительности оно не осуществляется, но если рассматривать постановку проблемы как внутреннее психологическое состояние осознания ее нерешенности, то иллюзия решения решит ее. Более того, есть проблемы, у которых нет действительного решения, есть потребности, которые не могут быть удовлетворены. Но иллюзорные реальности (не конкретные, а сама способность их создавать) — область всемогущества человеческого существа: в них возможно невозможное. Таким образом, каждая проблема имеет иллюзорное решение. С одной стороны, можно сказать, что именно это делает иллюзию столь привлекательной и распространенной. С другой стороны, способность решения любой проблемы через иллюзию свидетельствует о глубине связи человека со своей иллюзией и о возможности ее понимания и контроля. Об этой же неотъемлемости иллюзии говорит и указанное разнообразие: нет такого человека, которому нечего было бы получить от иллюзии, не существует людей, которые были бы свободны хотя бы от тех иллюзий, от которых могли бы освободиться. Отказаться от иллюзий, чего требуют философы просвещения, марксисты и фрейдисты — значит отказаться от возможности невозможного, на что человек, стремящийся к абсолютности, не готов пойти.

Особую роль иллюзия играет для человека как социального существа. Хотя наличие множественных реальностей разного уровня было рассмотрено, как обусловленное индивидуальными особенностями человека и его разносторонними потребностями, человек, как член общества, должен согласовывать аспекты своей субъективной карты реальности, как совокупности иллюзорных реальностей, с общепринятыми, господствующими в той или иной парадигме, группе, исторической эпохе. Поэтому во всех вышеуказанных группах реальностей (реальности феноменального мира, дополнительные и обособленные) можно различать реальности в их

коллективном значении и субъективные реальности. Выше была показана эта особенность для феноменальной реальности: реальность одна, так как формируется одними и теми же познавательными способностями, но, скорее всего, каждый человек формирует свой собственный вариант этой реальности. Дополнительные реальности также содержат такое различие: можно говорить о религиозной или научной картине мира, как реальности виртуальной, но «объективной», в том смысле, что существует в умах людей как культурная реальность; с другой стороны, знания и мнения относительно данных представлений разнятся, а значит, можно говорить о субъективных научных и субъективных религиозных реальностях. Искусственные обособленные реальности также могут субъективно осмысливаться, особенно в тех случаях, когда опосредующий объект недостаточно информативен, и реальность приходится достраивать воспринимающему (например, реальность литературного произведения в большей степени требует активности воспринимающего, чем реальность кинофильма, а, следовательно, субъективные реальности будут сильнее различаться). Кроме того, существуют реальности коллективные, но не всеобщие, а объединяющие некоторую группу.

Трансляция матриц и готовых иллюзорных реальностей проходит по каналам социализации личности, через адаптацию и интериоризацию. Различные агенты социализации, участвующие в процессе научения и инкультурации, транслируют циркулирующие в данной культуре иллюзии, субъективные иллюзии, иллюзии иллюзий. Последние образуются из наложения субъективного понимания культурного опыта, обусловленного психическими свойствами данной личности, образованием, различными факторами личного опыта, местом в социальной иерархии, сеткой иллюзорных реальностей и др. или, если говорить о вторичных агентах социализации – с учетом социального заказа. Человек неизбежно развивается в иллюзорном мире.

Для описания объединяющей силы виртуальной реальности следует пользоваться термином «ковиртуальность» – совместное переживание одной

реальности и взаимодействие внутри нее. В контексте понятия «ковиртуальности» наиболее явной становится коммуникативная функция иллюзии. Н.А. Носов частично сводит удачу и неудачу общения людей к нахождению их в одной или разных реальностях¹⁹¹. Ребенок и взрослый не понимают друг друга, прежде всего, потому, что живут в разных реальностях.

2.3.2. Социокультурные функции иллюзии. Построение иллюзорных реальностей играет важную роль в существовании человека, культуры и общества. Эта значимость иллюзии находит выражение в ряде социокультурных функциональных значений, осуществление которых необходимо для существования человечества. Функции иллюзии обеспечивают как коллективный характер жизнедеятельности (социальные), так и определяют субъективную картину мира и деятельность человека (индивидуальные). Возможны несколько вариантов выделения функций. Данный подход ориентирован на выделение уровневой структуры. Обращение к многофункциональности иллюзии в обеспечении жизнедеятельности человека позволило увидеть динамические связи между функциями, обуславливающие их нижеизложенную компоновку.

Мы выделяем два уровня: *субъектный и объектный*. На первом уровне иерархии иллюзия функционирует как определяющая поле реальности, в котором человек действует как активный субъект в отношениях субъект – реальность, субъект – внутренний мир и субъект – взаимодействие. На этом уровне иллюзия выполняет креативную, компенсаторную, реактивную, регулятивную и коммуникационную функции. Второй уровень иерархии функций подразумевает использование ее в качестве инструментария при воздействии на ее носителя. К данному уровню отнесены познавательная и манипулятивная функции. Здесь можно провести аналогию с примером Гегеля о бутоне, цветке и плоде, как не только отдельных формах бытия растения, но и об их органическом единстве, являющемся составляющей его бытия¹⁹². Рассмотрим основные функции иллюзии с точки зрения динамики уровневой

¹⁹¹ Носов, Н.А. Виртуальная психология. С. 412.

¹⁹² Гегель Г. Феноменологии духа. // Сочинения. М.: Институт К.Маркса и Ф.Энгельса. 1959. Т.4. С. 2.

структуры.

1. *Субъектный уровень* определяет конструктивное функционирование иллюзии при положении ее носителя в качестве субъекта. Функции разворачиваются от создания иллюзией альтернативной реальности (онтический подуровень) до детерминированности деятельности субъекта этой реальностью (психический подуровень) и в конечном итоге ее выступление как связующего звена (экстериоризационный подуровень) между этими подуровнями.

На онтическом подуровне (отношение субъект – реальность) иллюзия выполняет *креативную функцию*. Креативная функция иллюзии тесно связана с признаками несоответствия основанию и конструктивностью. Она заключается в создании в пределах иллюзорной реальности принципиально нового содержания.

Условиями активизации креативной деятельности по созданию иллюзий являются, во-первых, циклически образующиеся на социокультурном уровне лакуны, угрожающие превратить понятный привычный мир в хаос; во-вторых, повреждение компонентов субъективной картины мира, обуславливающее психическую и социальную дезориентацию субъекта. «Вызов» разрушения разрешается в творении. Творение социальной реальности предполагает несуществование ее объективного варианта, одинакового для всех индивидов, у каждого существует своя интерпретация, которая постоянно подвергается пересозданию. Человек выступает в роли демиурга социальной реальности, множественности миров: повседневности, науки, душевной болезни, веры¹⁹³. Иллюзия способна непосредственно производить только иллюзорное содержание, изменяющее социальную и субъективную реальности. Однако, обращаясь к своей регулятивной функции, представленной в третьем подуровне (*см. ниже*), она распространяет свои созидательные возможности также и на объективный мир.

Границы воздействия данной функции полностью определяются

¹⁹³ Человек как демиург социальной реальности выступает в теориях символического интеракционизма (Г. Блумер), феноменологической социологии (А. Шюц).

пониманием широты влияния иллюзии на человека и культуру: можно выделить «слабый» и «сильный» варианты. Креативная функция иллюзии в «слабом» варианте подразумевает, что некоторые достижения культуры были бы невозможны без помощи иллюзий. В «сильном» варианте, мы предполагаем, что новации вообще не возможны без иллюзии, так как подразумевают альтернативный взгляд на привычные, и в некотором смысле уже известные явления. Креативная функция иллюзии проявляется во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Особый интерес представляет проявляющийся в креативной функции аксиологический аспект. Когда иллюзия, осуществляя данную функцию, создает новые элементы той или иной реальности, эти элементы обретают ценностные статусы. Более того, когда при формировании иллюзорной реальности, созидательная сила иллюзии изменяет существующие объекты, изменению подвергаются и их ценностные характеристики. Однако, возвращаясь к «сильному» варианту креативной функции иллюзии, мы предполагаем, что сам процесс надления объекта ценностным статусом имеет в своем основании иллюзорные механизмы: естественный объект не имеет отношения к ценностям, пока его образ не будет искажен человеческим сознанием.

Психический подуровень функционирования иллюзии затрагивает психический мир субъекта и включает компенсаторную и рекреационную функции.

Компенсаторная функция рассматривается нами в двух аспектах. С одной стороны, эта функция заключается в поддержании психической стабильности ее субъекта. Сталкиваясь с внутренним противоречием или ситуацией, способной нарушить душевное равновесие, человек зачастую прибегает к специальным механизмам психологической защиты. Часть этих механизмов напрямую основывается на самообмане и создании иллюзорных представлений: к таковым можно отнести отрицание, проекцию и интеллектуализацию. С другой стороны, и при отсутствии подобной угрозы

человек прибегает к компенсации как механизму замещения реального объекта иллюзорным. Иллюзия восполняет недостаток необходимых психических ресурсов, дает человеку то, чего он лишен. Это может быть мечта, сон, виртуальная реальность, нечто, в чем человек может обрести свою целостность, несмотря на сомнительность полноценности удовлетворения данной потребности.

Выступая в качестве механизмов психологической защиты, компенсаторная функция дает выход бессознательным импульсам и избавляет от психического напряжения. При отрицании субъективный мир человека не принимает существование некоторых объектов и фактов, которые могут подорвать самооценку личности, стать источником стрессовой ситуации, поэтому он создает идею их отсутствия. Механизм проекции создает иллюзорный образ других людей, групп, существ, предметов, явлений, которым субъект приписывает собственные проблемы.

При интеллектуализации в образ явления привносятся дополнительные логические связи, которых в самом явлении не существует, происходит схематизация данного явления, что способствует развитию чувства субъективного контроля над данным явлением. Распространяющаяся в наше время когнитивистская ориентация признает главным фактором, мотивирующим поведение индивида, потребность в установлении когнитивного соответствия (теория конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбайма, когнитивного диссонанса Л. Фестингера, сбалансированных структур Ф. Хайдера и др.). В этом аспекте функции иллюзия позволяет построить связанную непротиворечивую картину мира.

Вышеперечисленные механизмы основаны на схожем действии: создании иллюзорного образа действительности, в котором те или иные проблемы некоторым образом решены, игнорировании реального и существовании в иллюзорном. Данные аспекты функции, присутствуя во многих сферах жизни человека, ярко проявляются в творчестве, причем субъект может находиться по отношению к нему в любом качестве: творца или потребителя. Бесконечные

миры художественного вымысла и виртуальной реальности все больше расширяют круг сублимированных тончайших нюансов и глубинных инстинктов человеческой психики, заполняя пустоты реального бытия, становясь на время актуальным бытием. В этом аспекте компенсаторная функция тесно связана с рекреационной.

Рекреационная функция заключается в использовании человеком иллюзии в целях отдыха и развлечения. Иллюзия тесно связана с творчеством, и восприятие продуктов художественного творчества в некотором смысле может быть приравнено к иллюзии: по крайней мере, в той ситуации, когда оно перестает восприниматься как часть материи этого мира, обладающая некоторым дополнительным содержанием, но становится отдельной реальностью. Однако данная функция не исчерпывается созданием и восприятием продуктов творчества: даже простые мечты, в которых может пребывать задумавшийся человек, попытки подчинить своей воли реальность сна и другие способны реализовать данную функцию.

Современное общество в особенности обратило внимание на рекреационную функцию иллюзии и постоянно расширяет возможности получения удовольствия от иллюзорного. Развивающиеся с необычайной скоростью технологические возможности воспроизведения любой фантазии в полной мере способны удовлетворить спрос на иллюзорные миры, уводя из горизонтального поля реальности в глубины иллюзии. Давление на человека психологии потребления, вовлекающей человека в непосильную для психики гонку за материальными благами, приводит к насильственному высвобождению дополнительного свободного времени для ухода от действительности, чему способствует портативная техника. Следствием являются стирание границ реальностей или трансформация системы их иерархии, что, в свою очередь, только усугубляет эскапические тенденции. Здесь образуется порочный круг, так как этот процесс подталкивает развитие данной ниши рынка.

Необходимо отметить, что реализация компенсаторной и рекреационной

функций при злоупотреблении может привести к негативному результату: предпочтению иллюзорного реальному и избеганию решения действительных задач, в связи с их отсутствием в иллюзорном мире.

Экстериоризационный подуровень выражает действие иллюзии в связи между отношениями субъект – реальность и субъект – внутренний мир и включает регулятивную, адаптационную и коммуникативную функции.

Регулятивная функция проистекает из значимости и практикоориентированности иллюзии и заключается в ее влиянии на деятельность человека. Человек соизмеряет свою деятельность со своими представлениями о мире; его действия в отношении объектов и явлений основываются на знании о них: на знании о том, как они устроены, как с ними следует взаимодействовать и на их аксиологическом статусе. Если представления человека иллюзорны, и объект подменяется своей искаженной копией, то именно с этой иллюзией происходит соизмерение. Если иллюзорный образ действительного объекта может изменить отношение человека к объекту, то может изменить его действия с ним: ложная идея может полностью изменить поведение. Регулируя действия своего носителя, иллюзия перестает ограничиваться индивидуальным и общественным сознанием: она выходит за границы субъективной и социальной реальности и через действия человека влияет на внешний физический мир. Безусловно, иллюзия не обязательно заставляет человека воспроизводить свое содержание в физическом мире: если некто верит в иллюзию, ему незачем ее создавать. Но он создает реальные следствия из иллюзорных предпосылок, действуя так, как будто иллюзия реальна. Хотя следует признать возможность ситуаций, в которых действия субъекта иллюзии приведут к преобразованию реальности по подобию иллюзии. Таким образом, иллюзия влияет на становление не только образов, ценностей и идей, но и материальной культуры. Как и все, чего касается человек, освоенная среда несет отпечатки его иллюзий.

Адаптационная функция иллюзии заключается в способствовании приспособлению человека к противопоставляемой ему реальности. Данная

функция по своему значению противоположна регулятивной, так как при взаимодействии объективной и субъективной реальности изменения происходят в субъективной. Потребность в адаптации через иллюзию возникает в связи с «потерянностью» человека: экзистенциальной и социальной. В первом случае человек оказывается существом, противопоставленным миру и не имеющим места в нем, ясно осознающим ограниченность своего существования. Социальная «потерянность» подразумевает усугубление осознания в соответствии с реалиями конкретной культурной ситуации. Социокультурные трансформации в российском обществе, приведшие к дезадаптации большей части общества, вызвали стремление к эскапизму, как бегству от реальности в иллюзорные миры. Как отметил Э. Фромм, негативный аспект человеческого в человеке, это относительный недостаток его «инстинктивной регуляции в процессе адаптации к окружающему миру».¹⁹⁴ Однако наличие разума явилось причиной постоянного творческого устремления в построении собственного мира, что заключается не только в воздействии на объективную реальность, но и формировании иллюзорных реальностей - как осознанное, так и бессознательное.

Адаптация через иллюзию происходит и на социальном, и на экзистенциальном уровнях: человек конструирует общезначимые иллюзорные структуры, проявленные в таких формах культуры, как религия, наука и искусство. З. Бауман показывает, как, существуя в промежуточном состоянии между ангелом и зверем, человек, уже не способный забыть свою смертность в животном состоянии, пытается найти свое место среди бессмертных: вся культура направлена на приобщение к вечности для создания иллюзии бессмертия человека¹⁹⁵.

Коммуникативная функция иллюзии заключается в объединении субъектов единой иллюзии. Данная функция свойственна не всем видам иллюзии, а только коллективным иллюзиям. Для осуществления общественных взаимодействий субъекты этих взаимодействий должны находиться в пределах

¹⁹⁴ Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ, 2010. С. 52.

¹⁹⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 34.

одной реальности: для осуществления конструктивного общения необходимо обладать общей семиотической системой, схожими взглядами на устройство мира, близкими ценностными установками, а все перечисленное во многом зависит от конструируемой иллюзией реальности. Коммуникативная функция ярко проявляется в формах религии, под которой в данном случае мы понимаем, вслед за Э. Фроммом, «любую разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения».¹⁹⁶ Таким образом, субъекты общей иллюзии, объединенные одной иллюзорной действительностью, оказываются по своему мировоззрению, языку и стремлениям ближе друг к другу, чем к тому, кто их иллюзию не разделяет. Это обеспечивает единство и конструктивные взаимодействия внутри подверженной иллюзии группы.

Тем не менее, у коммуникативной функции иллюзии неизбежно возникает и противоположный, разделительный аспект. Чем больше член группы погружается в ее иллюзию, тем сложнее осуществляются его взаимодействия с теми, кто к данной группе не принадлежит: его реальность оказывается отлична от той, что признается за пределами группы. В отличие от самой коммуникативной функции, ее разделительный аспект распространяется и на индивидуальные иллюзии, так как, погружаясь в собственные нереальные миры, субъекты этих иллюзий также уходят от общепризнанных реальностей.

2. *Объектный уровень* функционирования иллюзии подразумевает ее преобразование в своеобразный инструмент, возникает возможность использования ее с целью манипулятивного воздействия на человека, а также познания отдельной личности или культуры определенного этапа или региона. Здесь субъект и носитель иллюзии разводятся: субъективное положение обретает лицо, воздействующее на носителя через его иллюзии.

Познавательная функция иллюзии подразумевает возможность через поиск причин возникновения тех или иных иллюзий, раскрыть истину о

¹⁹⁶ Фромм Э. Психоанализ и религия. М.: АСТ, 2010. С.27.

внутреннем мире индивидуального субъекта или принципов взаимосвязей и функционирования коллективного. Субъективность, присущая иллюзии, заключается в совмещении в ее структуре объективного основания и искажения элементами внутреннего мира субъекта. Включая в себя эти элементы, иллюзия становится «зеркалом» внутреннего мира субъекта, неся на себе его отпечаток. Косвенным образом узнавая, каким иллюзиям подвержен ее носитель, исследователь или простой наблюдатель может приблизиться к познанию психики носителя. Точно также исследуя иллюзию, охватывающую общность, можно понять сущность этой общности, протекающие в ней процессы и связи, которые ее поддерживают. Через проявление коллективных иллюзий в религии, науке, искусстве возможно познание определенной культуры. Разумеется, исследователь должен учитывать, что не может познать иллюзию субъекта так же хорошо, как ее знал бы сам субъект, если бы понимал ее иллюзорную сущность; однако иллюзию и ее субъективные основания можно до некоторой степени понимать, исходя из внешних проявлений иллюзии. В случае осознания субъектом своей иллюзии, она может послужить средством самопознания, приоткрывая для своего носителя тайны его бессознательного.

Манипулятивная функция подразумевает возможность использования иллюзий человека другим лицом для воздействия на него, являясь обратной стороной присущей иллюзии правдоподобности. Выше было рассмотрено, как иллюзия оказывает влияние на внешнюю деятельность человека и его внутреннее состояние. Иллюзия имеет власть над своим носителем, поэтому лицо, желающее добиться власти над человеком, над его действиями или над его мыслями, может сделать это, подчиняя себе его иллюзии. Подобный путь управления возникает в двух случаях: либо при овладении существующей иллюзией, либо при умышленном создании новой. В первом случае манипулятор узнает об имеющейся иллюзии и обращает ее к своей выгоде. Во втором — манипулятор изобретает иллюзию и внушает ее тем, на кого хочет оказать влияние: на таком принципе, например, основывается создание идеологий. Использование иллюзии — один из лучших способов управления

людьми, так как является наиболее незаметным: иллюзия тогда наиболее полноценно реализуется, когда ее субъект считает ее реальностью. Манипуляция с помощью иллюзий существовала во все времена, но наиболее осознанно и организовано она стала осуществляться в XX-XXI веках. Следует отметить, что манипуляция обращается к функциям субъектного уровня и берет их под контроль, позволяя стимулировать их действия, умышленно вызывая результаты этих функций - как положительные, так и отрицательные. Манипулятивная функция всегда несет насильственный характер по отношению к носителю иллюзии, но имеет не только негативное, но и позитивное значение: так манипуляция посредством иллюзии может спланировать общество, успокаивать массы и направлять действие людей в благоприятное русло.

В социокультурной реальности современного общества, раздираемого противоречиями, иллюзия играет все большую роль как в жизни отдельного индивида, так и в функционировании социума. Рассмотренные функции иллюзии в их связи выполняют главную функцию – примирить человека с реальностью, создав его собственную, не находящуюся в противоречии с его установками картину мира, задав «фиктивные цели», регулирующие его деятельность и взаимодействия с обществом.

Разумеется, указанные функции выражают только конструктивный аспект иллюзии (даже манипулятивная, если рассматривается с позиции манипулирующего). Нельзя отрицать, что иллюзии зачастую выполняют и деструктивную роль: уводят от истинного познания, нарушают соответствующую реальности деятельность. Однако в контексте способности к созданию иллюзии мы рассматриваем только конструктивный аспект.

Во-первых, негативный аспект затмевания иллюзией истины становится не столь существенным в условиях признания недостижимости абсолютной истины. Относительная истина, касающаяся отдельных реальностей, напротив, обязана своим существованием указанной способности. Однако это не решает проблему возможности иллюзий, вредоносных для практической деятельности.

Во-вторых, проблема оценки роли иллюзии заключается в наличии в ней той же двойственности, которая обычно приписывается культуре: иллюзия — средство возвышения человека, сущностно принадлежащее ему, но, одновременно с тем, и историческое явление, составляющее конкретную преходящую действительность того или иного этапа. В первом случае, иллюзия, проявленная в самой способности человека к ее созданию, делающая его тем, кем он является, скорее, положительное явление. Однако иллюзия, как совокупность конкретных иллюзий тех или иных периодов, не всегда принимает правильные формы, выступая в качестве как конструктивных, так и деструктивных иллюзий. В первом случае иллюзия выступает как инструмент, данный человеку, во втором — как практическое использование этого инструмента, результат умения и направления его использования.

Здесь мы подходим к основному моменту: способность человека к созданию, преобразованию, направлению иллюзии не реализуется полностью. Она оказывается потенциальной возможностью, навыком, который отдельные люди, сообщества, культуры должны развивать. Человек может сознательно контролировать иллюзорные реальности, увеличивая их конструктивную роль и уменьшая деструктивную. Для этого прежде всего требуется осознание иллюзий, понимание иллюзорной природы ряда явлений, оценивающихся в качестве объективных. Иллюзия может сохранять свои позитивные функции и при осознании ее в качестве иллюзии, однако негативные проявления осознание легко разрушает.

2.3.3. Специфика способности человека к созданию иллюзии на современном этапе развития. Способность к созданию иллюзии, как рассмотрено выше, является одной из важнейших характеристик человека. В любой исторический период мы обнаруживаем человека (и человечество в целом) в качестве творца иллюзорных реальностей различного уровня. Способность к созданию иллюзии – атрибутивное свойство человека, а значит, сформировалось к моменту возникновения человека. На наш взгляд, данная способность оказала сильное влияние на антропогенез наряду с разумом,

символической и творческой деятельностью, а ее развитие послужило действующей силой развития человека. Однако в последующем историческом процессе развитие способности к созданию иллюзии заключалось преимущественно в изменении форм иллюзий и степени их осознания в качестве не соответствующих объективной реальности. Каждая следующая эпоха ниспровергала иллюзии предыдущей, создавая новые. Речь идет не о полном отказе от какого-либо вида иллюзорной реальности, но о смещении акцента в аксиологическом и прагматическом планах. Например, в донаучный период строится натурфилософская картина мира, но акцент смещается в мифологическую сферу; в научный период торжества разума религиозный и мифологический аспект не исчезают, а, напротив, с развитием науки, становятся более востребованными, в качестве противодействующей силы. При этом сменяющие друг друга иллюзорные формы и возникающие на их основе явления производились одной и той же основополагающей способностью.

Однако сама способность к созданию иллюзии также не остается неизменной. Речь идет не о качественном развитии и потенциальном переходе к новому состоянию, но о степени реализации человеком потенциала, который данная способность предоставляет. Свидетельством такого развития может служить учащение обнаружения иллюзорных элементов во влиятельных мировоззренческих парадигмах и усиление роли искусственных иллюзорных реальностей.

Особый интерес в контексте преобразования форм иллюзий имеют обособленные реальности, часть которых находится в прямой зависимости от развития способов передачи информации. С появлением письменности появилась возможность их трансляции, с книгопечатанием – тиражирования, с появлением фототехники – доказательства, радио- и видеотехники – манипулирования и переживания, компьютера – вживания в иные реальности. Развитие информационных каналов шло параллельно с ослаблением традиционных влияний и переходу к иным типам культуры.

Рубеж XX и XXI веков для европейской культуры ознаменовался разрывом с традициями, новой философией, пиком развития техники и кризисом идентификации. Эти факторы обусловили качественно новый вид обособленных иллюзий, удовлетворяя потребность человека в расширении границ «Я», своего мира, позволило вновь (как при смене теоцентристской позиции на антропоцентристскую) приблизиться к образу человека-Творца, продолжателя божественного дела по созданию себя и окружающего мира, использующего не только свою способность к художественному и научному творчеству, но и новые иллюзорные формы: киберреальности, осознанные сновидения, ролевые игры.

Эпоха постмодерна и установки постмодернистской мысли наиболее явно отражает иллюзорные основания человека и культуры. Предыдущие эпохи стремились к единству, к обнаружению прочного основания бытия человека и мира, противоречащего бессущности человека и сконструированности мира. Постмодернистский дискурс подразумевает плюрализм, различие, подвижность, в которых отражается множественность иллюзорных реальностей и, в связи с их субъективностью, простое манипулирование ими. Ж. Лиотар охарактеризовал это как «прощание с навязчивой идеей единства»: если единство недостижимо и достижение его не необходимо, то оно действительно является только лишь очередной иллюзией, однако такой, которая своим признанием ограничивает естественную способность человека. Иллюзия единства – тоталитарная иллюзия, препятствующая свободному взаимодействию с бесконечным множеством иллюзорных реальностей. Ризоматическая структура развития отражает свободное недетерминированное изменение иллюзии, не нуждающееся в линейности и планомерности. Формируется виртуалистическое мировоззрение, выражающееся в равном истинностным статусе порожденных и порождающих реальностей, создающих многослойный, сложносоставной, действительный мир¹⁹⁷. Представление мира и всех его составляющих, как текста, а человеческой деятельности, как

¹⁹⁷ Носов, Н.А. Манифест виртуалистики [Электронный ресурс] URL: <http://jarki.ru/wpress/2008/10/30/153/> (дата обращения 02.02.2014).

языковых игр, указывает на организованность реальности по образцу мысли: производится интериоризация всей реальности, представление ее как вторичной по отношению к человеческому ее осмыслению. Следует указать парадоксальную ситуацию: несмотря на то что постмодерн предоставляет свободу различным реальностям, в том числе и свободу реальностей дополнительных, он формирует свою собственную картину мира, однако эта реальность включает в себя все другие возможные реальности, хотя и вносит ограничение, запрет на единство: «все дозволено» только до тех пор, пока не претендует на всеобщность и единственность. Согласно Ж. Делезу, прочное положение имеют лишь те объекты, которые существуют во всех точках зрения¹⁹⁸. Однако стоит добавить, что общего для всех реальностей объекта не существует. Эпоха постмодерна — время симуляций и симулякров, когда «объективная реальность» замещается своими псевдо-копиями. Однако данный процесс негативен только в том случае, если замещаемая реальность сама имеет ценность истинной. Также данному этапу развития культуры свойственен поиск идентичности, так как отрицание единства приводит как к крушению основных концепций человека, так и к потере отождествления себя с общностями, в которые человек входит. В этом заключается одна из проблем современного общества. Однако проблема кризиса идентичности, в контексте способности человека к созданию иллюзии, является результатом не столько потери своего места в мире и обществе, сколько неумения распорядиться естественной свободой непредопределенного человека.

Фактически постмодерн в отношении способности к созданию иллюзии демонстрирует две противоположные тенденции: возрастание роли иллюзии, причины которого были указаны, и ниспровержение основных распространенных иллюзий. Так наука в современной ситуации теряет доверие общества, и ее кризис не сводится только лишь к этической и экологической проблематике, к которым его часто пытаются свести: это прежде всего ситуация ненужности науки и отказа от научной рациональности. Религиозная

¹⁹⁸ Делез, Ж. Указ. соч. С. 236.

картина мира, несмотря на свою распространенность, в целом также не является главенствующей. Идеологии подвергаются жесткой критике, несмотря на то что сама эта критика уже представляет собой скрытую идеологию. Иллюзия смещается на следующий уровень: старые иллюзорные реальности осознаются, но возникают новые, скрытые реальности. Постмодерн дает простор для осознанных иллюзий, которые, на наш взгляд, с одной стороны, являются высшим выражением способности к созданию иллюзий, но с другой - современное осознание иллюзии выражено не в творческом их принятии, а в пассивном соглашении с ними. Говоря о появлении новых форм иллюзии в эпоху постмодерна, стоит обратить внимание на явление массовой культуры. Массовая культура — область бегства от реальности, «иллюзорная, мифологизированная, псевдореалистическая картина мира».¹⁹⁹ Данное явление не легко отнести к конкретному виду реальности: она обладает чертами обособленной, так как имеет конкретные медиа-формы воплощения, и, с первого взгляда, отделена от объективности. Однако массовая культура подменяет собой производящую реальность, убеждая воспринимать ее по своим законам: так, несмотря на выраженность через обособленные реальности, массовая культура создает дополнительную реальность (а точнее реальности, хотя и имеющие общее основание и общие принципы).

Усиление роли иллюзии порождает и обратную реакцию: поиск способов преодоления иллюзии, стремление к обретению прочного места в обществе и мире. Формируется идейное противостояние между лицами, не сознающими влияния иллюзии на свою жизнь, сознающими и пытающимися преодолеть иллюзии, сознающими, но предпочитающими иллюзорное объективному.

Неудовлетворенность объективной реальностью, ее ограниченностью вызвали увлечение к построению инореальностей и проживания в них альтернативной жизни, конструирования нового «Я», более гармоничного в субъективной интерпретации, изъятие непринятых аспектов собственного бытия. Уход в иллюзорные миры может рассматриваться как позитивный и

¹⁹⁹ Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: URSS, 2006. С. 98.

негативный аспекты. Позитивность данного явления проявляется в использовании человеком своей способности творить. Иллюзии также являются механизмом защиты от несовершенного мира, предоставляют возможность преодолеть отчужденность. В качестве негативного аспекта выделяют уход от «действительной» реальности. Но в этом пункте мы считаем необходимым согласиться с К. Марксом: чтобы человек не уходил в другие реальности так далеко от «объективно существующей», необходимо критиковать и менять именно ее, как реальный источник проблем. Новые параллельные миры возникают тогда, когда прежние находятся в упадке²⁰⁰: интенсивность развития производных реальностей прямо пропорциональна разрушению производящей.

Таким образом, необходимость для человека иллюзии обоснована его неудовлетворенностью и стремлением к абсолютности. Удовлетворение в иллюзии потребностей человека и поддержание существования общества и культуры выражено в выделенных социокультурных функциях иллюзии, проявленной как на субъектном уровне, выражающем активные функции иллюзии, так и на объектном, в котором иллюзия пассивно открывает доступ к своему носителю. Эти функции всегда выполнялись иллюзией, но современный историко-культурный этап выделяется из всего исторического процесса, как период повышенного влияния иллюзии на человека и культуру.

Итак, способность к созданию иллюзии проявляется в создании иллюзорных реальностей и пребывании в них. Иллюзии человека всегда выступают в форме реальностей, рассмотрение их в данном аспекте позволяет увидеть непрерывность построения иллюзий. Человек находится в виртуальных реальностях и из-за постоянной неудовлетворенности, проистекающей из отсутствия определенной сущности, ищет новых. Самосознание человека обусловлено данными реальностями, его психическая и телесная составляющие являются частично иллюзорными, в другом своем аспекте они все же являются вещами-в-себе, но значит, не имеют значения для человека ввиду своей неизвестности. Иллюзии составляют весь доступный человеку мир, позволяют

²⁰⁰ Никитаев, В.В. Пространство и время WWW // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 92.

ему удовлетворять ряд его потребностей, открывают возможность иллюзорной абсолютности и выполняют функции, необходимые для существования культуры и общества.

Заключение

В результате исследования способности к созданию иллюзий как атрибутивного свойства человеческого бытия, аспекта, наиболее полно выражающего сущность человека, подробной разработки данного понятия и соответствующего ему философско-антропологического подхода к иллюзии, рассмотрения существования человека, как пребывания в иллюзорных реальностях, были выявлены и обоснованы следующие положения:

— Решение вопроса о сущности человека через исследование его отношения к иллюзии приводит к поиску понимания иллюзии, входящего в область антропологических проблем. Большинство представлений об иллюзии, возникавших в истории философии, может быть структурировано в следующих подходах и моделях иллюзии: 1. Психологический подход: иллюзия — искаженное восприятие внешнего объекта; 2. Психоаналитический подход: иллюзия — трансформация желаний; 3. Социологический подход: иллюзия — фактор общественного развития; 4. Гносеологический подход: иллюзия — устранимое несовершенство человека; 5. Онтологический подход: иллюзия — конструирование феноменального мира; 6. Эстетический подход: иллюзия — средство создания правдоподобных художественных образов. Привлечение достижений этих подходов и постулирование их единства ведет к формулировке представления об иллюзии, необходимого при указании способности к созданию иллюзий в качестве центральной характеристики человека.

— Уникальность человеческого бытия описывается в апофатических и катафатических определениях человека. Катафатические определения могут быть выведены из способности к созданию иллюзий, так как характеристики человека, в них описываемые, оказываются вторичными и зависимыми от иллюзии. Творчество требует формирования не соответствующего объективной действительности образа. Символ создает двойственную реальность, в которой обе составляющие, форма и содержание, искажаются под воздействием друг

друга. Разум основан на создании идеальных сущностей, не имеющих объективных оснований. Создание и использование орудий труда требует изменения взгляда на объект и на собственное тело, игра является средством выхода в иллюзорные реальности, в качестве духовного существа человек теряет прочную опору в материи. Так важнейшие катафатические определения могут быть объяснены через способность к созданию иллюзий.

— Исследование апофатических определений показало, что они, запрещая большинство катафатических определений, не противоречат утвердительному определению человека через иллюзию, постановке способности к созданию иллюзий в качестве атрибутивного свойства человеческого бытия. Определение через способность к созданию иллюзий проходит в снятии противоречия апофатических и катафатических определений путем диалектического синтеза. Несводимость указывает на иллюзорность отдельных черт и ролей, неопределимость и безсущность — на отсутствие укорененной в действительном бытии основы человека и возможность иллюзорно создавать себя, отсутствие места в мире — на чуждость человеческого миру материи и на потребность в иллюзии, как средстве адаптации. Сущность человека оказывается вторичной по отношению к существованию потому, что собственная сущность иллюзорно определяется человеком, и единственное, что не создается иллюзорно — сама способность к созданию иллюзии.

— В результате объединения разных форм иллюзии одним родовым понятием, и рассмотрения его неотрывно от взаимодействия с человеческим субъектом, и включения в понятие «способность к созданию иллюзий» разработано представление об иллюзии, как искажении восприятия и мышления субъекта, характеризуемого следующими чертами: сочетанием обладания реальным основанием с искажением этого основания, выражающимся в содержании иллюзии, правдоподобностью искажения и оценкой его как истинного субъектом иллюзии, основанностью на внутреннем мире субъекта, существованием исключительно в данности субъекту, в

качестве нематериального явления, значимостью и ценностью для субъекта, способностью оказывать влияние на его деятельность. Предельность и субъектоцентрированность данного представления делают его наиболее подходящим для исследований в контексте философской антропологии.

— Способность к созданию иллюзии характеризуется возможностью ее осознания с сохранением, стремлением к вычленению иллюзорного в отдельные реальности и активным характером иллюзии. Это особое отношение к иллюзии уже является не подверженностью ей, но активным созданием, преобразованием и направлением иллюзорных построений. Способность к созданию иллюзии также отражает возможность адаптации к иллюзии, трансляции иллюзорных реальностей, сознательного поддержания иллюзий, а также достижения иллюзорными средствами свободы от естественных ограничений, обретения статуса внеприродного существа.

— Способность к созданию иллюзий выделяет человека среди других вещей и существ. Хотя из существования иных субъектов восприятия и мышления следует возможность нечеловеческих субъектов иллюзии, рассмотрение показывает, что они иллюзией не обладают. Искусственный интеллект способен ошибаться, но эти ошибки не соответствуют признакам иллюзии: искусственный интеллект не может относиться к ошибке, как значимой. Абсолют, полнота бытия, принимающая в религиозной парадигме черты субъекта, не имеет иллюзий ввиду всезнания. Человек в качестве субъекта способности к созданию иллюзии предстает в трех формах: конкретная личность, человек как родовая сущность, коллективные субъекты, в том числе, человечество в целом.

— Составление классификации иллюзии человека демонстрирует уникальность отношения человека к иллюзии, порождающего особые ее виды (осознанные и искусственные иллюзии), несвойственные иным формам жизни, а также производящего изменения в общебиологических видах иллюзии, смещая акцент от восприятия к мышлению и от индивидуальных иллюзий к коллективным. Данная классификация также показывает, что в пределах

субъектоцентристского понимания иллюзии возможно рассмотрение любых ее форм. Различение иллюзий по задействованной познавательной способности указывает на единство искаженного восприятия и искаженного мышления, имеющих общие трансцендентальные основания. Различение по необходимости возникновения утверждает существование трансцендентальных иллюзий, неотличимых эмпирическими методами от истинного восприятия и мышления. Выделение индивидуальных и коллективных иллюзий подчеркивает сохранение иллюзией субъективности при распространении на коллективного носителя. Рассмотрение естественных и искусственных иллюзий, а также неосознанных и осознанных подчеркивает возможность активной позиции человека в отношении иллюзий. Независимость конструктивных и деструктивных иллюзий от конкретных форм указывает на нейтральность иллюзии: польза и вред от иллюзии обусловлены конкретными обстоятельствами ее воздействия.

— Исследование связи иллюзии с производными реальностями показывает, что каждая иллюзия ввиду своей конструктивности формирует свое содержание в форме реальности. Это очевидно для реальностей полной автономности, явно обособленных от производящей их реальности; остальные иллюзии являются реальностями частичной автономности, создающими видимость единства с реальностью более высокого порядка. Будучи производной от вещей-в-себе или других реальностей, любая реальность является иллюзорной, искажаясь под действием восприятия и мышления субъекта, которому они даны. Человек всегда существует не в одной, а в нескольких таких реальностях: он существует в реальности явлений, которая дана ему по природе, и представляется незыблемой реальностью чувственного восприятия; в одной или нескольких дополнительных реальностях - картинах мира, стремящихся объяснить производящую их реальность явлений; имеет доступ к обособленным реальностям - независимым от явлений реальностям снов, измененных состояний сознания, миров фантазий и искусства.

— Эмпирическое «Я» человека как субъекта иллюзорных реальностей находится во взаимозависимом отношении с этими реальностями. Опытное «Я», в отличие от трансцендентального, всегда соответствует той или иной реальности, реальность и «Я» формируют друг друга или возникают в единстве. Таким образом, каждая реальность создает свое «Я», которое в одних случаях может сосуществовать с самосознанием других реальностей, в иных случаях требует снятия или уничтожения предшествующих «Я». Эмпирическое «Я» представляет собой не только психическую организацию личности, но включает и телесное «Я»: образ тела также может формироваться иллюзорными средствами и меняться в зависимости от пребывания в той или иной реальности. Процесс жизненного пути каждого человека представляет собой процесс развития эмпирических «Я», а также смены этих «Я» и переходов из одних реальностей в другие.

— Причиной стремления человека к существованию во множественных иллюзорных реальностях служит неудовлетворенность его потребностей неиллюзорными средствами, но также и стремление к абсолютности, не позволяющее ограничиться одной реальностью. Необходимость иллюзии для человека выражается в выполнении иллюзией ряда социокультурных функций: креативной, компенсаторной, рекреационной, регулятивной, адаптационной, коммуникативной, познавательной и манипулятивной. Во все времена иллюзия играла центральную роль в существовании человечества, однако современный период характеризуется наибольшим ее влиянием: появляются новые формы иллюзии, неудовлетворенность человека как никогда высока, а основные тенденции постмодерна лишают человека любых истинных оснований.

Итак, способность к созданию иллюзий — атрибутивное свойство человеческого бытия, служащее началом центральным феноменам существования человека, способное объяснить его достижения и отличия от любого другого бытия, поддерживающее существование культуры и общества.

Литература

1. Абышко, О.Л. Человек: смерть экзистенции как рождение самости. Опыт онтологического анализа вхождения в неизвестное // Фигуры Танатоса. №3. СПб.: изд-во СПбГУ, 1993. С. 16-18.
2. Аверинцев, С.С. "Аналитическая психология" К.Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. Вып. 3. М., 1972. С. 110-155.
3. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии: лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 214 с.
4. Адорно, Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. 528 с.
5. Айдукевич, К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. Вып. 2. Гносеологические и логико-методологические проблемы. М.: ИФ РАН, 1996. С. 231-253.
6. Амосов, Н.М. Искусственный разум. Киев: Наукова думка, 1969. 155 с.
7. Ананьев, Б.Г. Человек, как предмет познания. СПб: Питер, 2001. 288 с.
8. Андросов, В.П. Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты. М.: Восточная литература РАН, 2000. 735 с.
9. Аристотель. Метафизика // Сочинения в 4 т. Т.1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
10. Багаев, К.Ю. Иллюзия [Электронный ресурс] URL: <http://www.philosophydic.ru/illyuziya> (дата обращения 27.11.2013).
11. Баллаев, А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса. История философии. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 1998. С. 55-75.
12. Барт, Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 350 с.
13. Батищев, Г.С. Деятельностная сущность человека, как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. С. 73-144.
14. Бауман, З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

15. Бахтин, М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
16. Беленький, В.Х. Социальные иллюзии: опыт анализа // Социологические исследования. 2001. №5. С. 110-116.
17. Бергер, П. Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
18. Бергсон, А. Творческая эволюция. // Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 8-413.
19. Бердяев, Н.А. О назначении человека. Париж: Современные записки, 1931. 320 с.
20. Бердяев, Н.А. Самопознание. М.: Международные отношения, 1999. 336 с.
21. Бердяев, Н.А. Я и мир объектов. М.: АСТ, Хранитель, 2007. 132 с.
22. Беркли, Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. М.: Мысль, 2000. С. 115-215.
23. Берн, Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб.: Эксмо, 2008. 576 с.
24. Бескова, И.А. Природа сновидений (эпистемологический анализ). М.: ИФ РАН, 2005. 239 с.
25. Бим-Бад, Б.М. Педагогическая антропология: курс лекций. М.: Изд-во УРАО, 2003. 208 с.
26. Блумер, Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 173-179.
27. Богданов, В.В. Логика становления и семантика понятия свободы // Вестник ТГПИ. Таганрог, 2006. №2. С.10-26.
28. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
29. Бодрийяр, Ж. Эстетика иллюзий Эстетика утраты иллюзий [Электронный ресурс] URL: <http://www.arcto.ru/article/555> (дата обращения 20.01.2014).

30. Бонецкая, Н.К. "Homo faber" и "homo liturgus" (философская антропология П. Флоренского) // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 90-109.
31. Борзенков, В.Г., Юдин, Б.Г. Методологические основания комплексного изучения человека // Многомерный образ человека: комплексное междисциплинарное исследование человека. М.: Наука, 2001. С. 17-31.
32. Бородай, Ю.М. Воображение и теория познания. Критический очерк кантовского учения о продуктивной способности воображения. М.: Высшая школа, 1966. 149 с.
33. Бородай, Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М.: ИФ РАН, 1994. 297 с.
34. Борчиков, С.А. Творческое воображение воображения [Электронный ресурс] URL: http://philosophy.ru/library/borch/img_img.html (дата обращения 13.02.2014).
35. Бочаров, В.А. Определение // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 154-156.
36. Бочарова, Т.А. Виртуальность и логика возможных миров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №6. С. 41-43.
37. Брегадзе, А.А. Проблема сущности личности // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Вып. 1. СПб.: «Петрополис», 2001. С. 22-31.
38. Бубер, М. Проблема человека // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 157-233.
39. Вагимов, Э.К. Человечество как субъект истории // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений. Бишкек, 2004. С.259-269.

40. Варела, Ф., Матурана, У. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
41. Ватолина, Ю.В. В. Бенъямин: искусство в обществе // Онтология возможных миров (материалы научной конференции). СПб: Изд-во Санкт-петербургского университета, 2001. С. 187-202.
42. Веккер, Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 2000. 685 с.
43. Визгин, В.П. Мир. // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 576-577.
44. Винникот, Д.В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 288 с.
45. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2010. 177 с.
46. Воин, А.М. Проблема абсолютности – относительности научного познания и единый метод обоснования. [Электронный ресурс] URL: http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1137834388&archive=1304000378&start_from=&ucat=1& (дата обращения 03.12.2013).
47. Воскобойников, А.Э. Бессознательное и сознательное в уединении и на миру // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 119-125.
48. Гарднер, М. Почему я не солипсист. [Электронный ресурс] URL: <http://solipsism.ru/library/gardm01.htm> (дата обращения 23.01.2014).
49. Гашкова, Е.М. Культура отсутствующего пространства: от антропо-к киберцентризму // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 12-14.
50. Гегель, Г. Феноменологии духа. // Сочинения. Т.4. М.: Институт К.Маркса и Ф.Энгельса, 1959. 440 с.
51. Гелен, А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С.151-201.
52. Гермгольц, Г. О зрении человека. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 192 с.

53. Герт, Б. Рациональное и иррациональное в поведении человека // Мораль и рациональность. М., 1995. С. 159-180.
54. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 465 с.
55. Гиляровский, В.А. Учение о галлюцинациях. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 240 с.
56. Гиренок, Ф.И. Ускользящее бытие. М.: ИФ РАН, 1994. 220 с.
57. Глазерсфельд, Э. Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов, С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен, 2000. С. 74-98.
58. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 300 с.
59. Грегори, Р.Л. Знание и иллюзии восприятия [Электронный ресурс] URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1772.html> (дата обращения 07.12.2013).
60. Грегори, Р.Л. Иллюзии // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 77-112.
61. Грегори, Р.Л. Нужно ли нам учиться видеть // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 585-617.
62. Григорий Нисский. Об устройении человека // Творения Святаго Григория Нисскаго. Ч. 1. М.: Типография В. Готы, 1861. С. 76-223.
63. Губин, В., Некрасова, Е. Философская антропология. М.: ПЕРСЭ, 2000. 240 с.
64. Гудмен, Н. Способы создания миров // Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. С. 116-257.
65. Гуревич, П.С. Проблема целостности человека. М., 2004. 178 с.
66. Гуревич, П.С. Психологический словарь. М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. 800 с.
67. Гурин, С.П. Маргинальная антропология. Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2000. 237 с.

68. Гусев, С.С. «Возможные миры» и вероятностное мышление // *Онтология возможных миров (материалы научной конференции)*. СПб: Изд-во Санкт-петербургского университета, 2001. С. 7-22.
69. Гуссерль, Э. *Картезианские медитации*. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
70. Декарт, Р. *Размышления о первой философии // Сочинения в 2 т. Т.2*. М.: Мысль, 1994. С. 3-73.
71. Делез, Ж. *Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века*. Томск: Водолей, 1998. С. 225-241.
72. Демидов, А.Б. *Феномены человеческого бытия*. Минск: Экономпресс, 1999. 179 с.
73. Дериси, О.Н. *Человеческая подлинность // Это человек*. М., 1995. С. 156-159.
74. Джеймс, У. *Что такое прагматизм?* [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.allru.net/perv26.html> (дата обращения 15.03.2014).
75. Длугач, Т.Б. *Проблема бытия в немецкой философии и современность*. М.: ИФ РАН, 2002. 222 с.
76. Доброхотов, А.Л. *Символ // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3*. М.: Мысль, 2010 С. 532-534.
77. Дубровский, Д.И. *Обман. Философско-психологический анализ*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 336 с.
78. Дэвидсон, Д. *Общение и конвенциональность // Философия, логика, язык*. М.: Прогресс, 1987. С. 213-233.
79. Жижек, С. *Добро пожаловать в пустыню Реального*. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
80. Жижек, С. *Чума фантазий*. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. 388 с.
81. Жильсон, Э. *Живопись и реальность*. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
82. Жучков, В.А. «Коперниканский переворот» и понятие культуры у Канта. *История философии*. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 1998. С. 29-54.

83. Иванов, А.Ф. Об онтологическом статусе виртуальной реальности // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.14-16.
84. Игнатъев, А.А. Калика-пурана. Главы 1—20. Калининград: Санатана Дхарма, 2006. 202 с.
85. Ильенков, Э.В. Об идолах и идеалах. Киев: Час-Крок, 2006. 312 с.
86. Ильенков, Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
87. Исаева, Н.В. Слово, творящее мир. От ранней веданты к кашмирскому шиваизму: Гаудапада, Бхартрихари, Абхинавагупта. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1996. 271 с.
88. Камю, А. Миф о сизифе. Эссе об абсурде // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 24-100.
89. Кандинский, В.Х. О псевдогаллюцинациях. М.: Содружество, 2001. 224 с.
90. Кант, И. Критика чистого разума // Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 3. М.: ЧОРО, 1994. 741 с.
91. Кант, И. Основоположения метафизики нравов // Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 4. М.: ЧОРО, 1994. 153-246 с.
92. Кассирер, Э. Логика наук о культуре // Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 7-140.
93. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 440-709.
94. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.: Университетская книга, 2002. 272 с.
95. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М.: Университетская книга, 2002. 280 с.
96. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.: Университетская книга, 2002. 398 с.
97. Кастанеда, К. Искусство сновидения. Киев: София, Ltd., 1998. 288 с.

98. Кастанеда, К. Сказки о силе // Путешествие в Икстлан; Сказки о силе. Киев: София, Ltd., 1995. С. 243—479.
99. Катречко, С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 57-71.
100. Катречко, С.Л. Искусственный интеллект versus моделирование сознания [Электронный ресурс] URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/katrechko_iskusstvenniy/ (дата обращения 13.08.2013).
101. Келли, Дж. Природа личных конструкторов // Теория личности. СПб.: Речь, 2000. С. 139-177.
102. Кессиди, Ф.К. Гераклит. М.: Мысль, 1982. 200 с.
103. Клоссовски, П. О симулякре в сообщении Жоржа Батая [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.allru.net/perv155.html> (дата обращения 22.11.2013).
104. Князева, Е.Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12. Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006. С. 133-152.
105. Колесников, А.С., Ставцев, С.Н. Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 112 с.
106. Колотаев, В.А. Метаидентичность: киноискусство и телевидение в системе построения способов жизни. СПб.: Нестор-История, 2010. 318 с.
107. Компанейский, В.Н. Псевдоскопические эффекты // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 403-411.
108. Конев, В.А. Онтологические особенности мира человека. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. 72 с.
109. Косарева, А.Б. Фантастическое: природа и функции // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 161-163.

110. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: URSS, 2006. 352 с.
111. Ксендзюк, А.П. Человек Неведомый: толтекский путь усиления осознания. М.: София, 2004. 217 с.
112. Куайн, В. Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. М.: Издательская корпорация "Логос", 1996. С. 40-61.
113. Кулагина, И.Ю., Колюцкий, В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. М.: ТЦ «Сфера», 2001. 464 с.
114. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти // Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010. С. 287-406.
115. Ламберт, И.Г. Феноменология, или учение о видимости // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 2006. С. 105-113.
116. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Издательство политической литературы, 1968. 526 с.
117. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. // Избранные психологические произведения: в 2-х т. М.: Педагогика. 1983. Т.2. С. 94-231.
118. Лиотар, Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодернизм? // Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М.: Ad Marginem, 1994. С. 303-323.
119. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. 160 с.
120. Липпман, У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
121. Липский, Б.И. Единство интеллигибельного мира и множественность «жизненных миров» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. Вып. 1 (№ 6). 1999. С. 3-6.
122. Лобок, А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.

123. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
124. Лук, А.Н. Мышление и творчество. М.: Политиздат, 1976. 144 с.
125. Луков, Вал.А., Луков, Вл.А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. №1. 2004. С. 93–100.
126. Льюз, Д. Истинность в вымысле // Возможные миры и виртуальные реальности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.net/books/vozmozhnye-miry-i-virtualnye-realnosti-read-140812-29.html> (дата обращения 26.11.2013)
127. Майленова, Ф.Г. Возможности модификации природы человека сегодня // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 2. М.: ИФРАН, 2008. С. 83-94.
128. Мамардашвили, М.К. Необходимость себя. Введение в философию. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
129. Мамардашвили, М.К. Психологическая топология пути. М.: Издательство русского христианского гуманитарного института, 1997. 572 с.
130. Мамардашвили, М.К., Пятигорский, А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
131. Мангейм, К. Идеология и утопия. Ч. 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам, 1976. 247 с.
132. Марков, Б.В. Дуальность природы человека. СПб, 1995.
133. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология. // Сочинения в 50 т. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7-544.
134. Матвеева, Н. Размышляя над Кантом. Иллюзия реальности и реальность иллюзии // Форум молодых кантоведов. М.: ИФ РАН, 2005. С. 81-88.
135. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 606 с.
136. Мерцалов, В.Л. Логика антропогенеза. Происхождение человека. СПб.: Алетейя, 2008. 296 с.

137. Мешкова, Н.Н. Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. 376 с.
138. Мёдова, А.А. Понятие времени и его значение для модели сущности человека. Сравнительный анализ концепций Иммануила Канта и Мориса Мерло-Понти. // Форум молодых кантоведов. М.: ИФ РАН, 2005. С. 33-43.
139. Мизес, Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
140. Миллер, Б. Может ли вымышленный персонаж стать реальным человеком // Возможные миры и виртуальные реальности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.net/books/vozmozhnye-miry-i-virtualnye-realnosti-read-140812-29.html> (дата обращения 11.08.2013)
141. Минькова, Н.В. Нарушение мыслительной деятельности, как социокультурная проблема современной России // Современное состояние культуры и общество: особенности и перспективы развития России. Сборник статей. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2013. С. 193-199.
142. Михайлова, М.В. О возможности социального воображения // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.79-81.
143. Мошняга, Е.В. Концептное пространство // Знание. Понимание. Умение. № 1. 2011. С. 269–273.
144. Муравьев, С.Н. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. 416 с.
145. Муханова, Н.А. Иллюзорный мир игр современного общества // Studia culturae. Выпуск 2. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.212-216.

146. Мюллер, Ф.М. Шесть систем индийской философии. М.: Академический проект; Альма Матер, 2009. 432 с.
147. Мюррей, М., Рей, М. Введение в философию религии. М.: Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2010. 410 с.
148. Нагарджуна. Двенадцать врат [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/URI/KOVA/SANTEM/nag.txt> (дата обращения 19.11.2013).
149. Неретина, С.С., Огурцов, А.П. Реабилитация вещи. СПб.: изд. дом «Мирь», 2010. 800 с.
150. Никитаев, В.В. Пространство и время WWW // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М. : ИФ РАН, 2004. С. 73–94.
151. Никоненко, С.В. Воображаемое и реальное // Онтология возможных миров (материалы научной конференции). СПб: Изд-во Санкт-петербургского университета, 2001. С. 73-83.
152. Ницше, Ф. К генеалогии морали // Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: Сборник. Мн.: ООО «Попурри», 1997. С. 299-452.
153. Носов, Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
154. Носов, Н.А. Виртуальный подход к проблеме человека // Многомерный образ человека: комплексное междисциплинарное исследование человека. М.: Наука, 2001. С. 90-112.
155. Носов, Н.А. Манифест виртуалистики [Электронный ресурс] URL: <http://jarki.ru/wpress/2008/10/30/153/> (дата обращения 02.02.2014).
156. Овсянников, М.Ф. Искусство как игра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. №2. С. 84-88.
157. Олпорт, Ф.Х. Феномены восприятия // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 67-77.
158. Омельченко, Н.В. Первые принципы философской антропологии. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1997. 196 с.

159. Опенков, М.Ю. Виртуальная реальность: онто-диалогический подход: дисс. ... док. фил. наук. Москва. 1997. 246 с.
160. Осокин, Р.Ю. К вопросу об онтологии индивидуального // Метафизические исследования. Выпуск 6. СПб.: изд-во СПбГУ, 1998. С. 99–110.
161. Патнэм, Х. Разум, истина и история. М.: Практика, 2002. 296 с.
162. Парменид. О природе // Эллинские поэты VIII-III вв. М.: Ладомир, 1999. С. 178-182.
163. Петров, А.Н. Моделирование субъективной реальности [Электронный ресурс] URL: <http://psyfactor.org/lib/petrov1.htm> (дата обращения 25.09.2013).
164. Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология. Т.1. М.: Искусство, 1981. С. 248-265.
165. Платон. Государство // Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 97-495.
166. Платон. Менон // Сочинения в четырех томах. Т. 1. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, «Изд-во Олега Абышко», 2006. С. 376-421.
167. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
168. Подорога, В.А. Словарь аналитической антропологии [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/FILOSOF/PODOROGA_W/s_antropo.txt (дата обращения 05.02.2014).
169. Подорога, В.А. Феноменология тела. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
170. Познер, Б.Н., Соснин, Э.А. Из небытия в бытие. Творчество, как целенаправленная деятельность. Томск: STT, 2011. 520 с.
171. Пронин, М.А., Юрьев, Г.П. Онтология ошибки: не-виртуалистика и виртуальный подход // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3. М.: ИФРАН, 2009. С. 205-223.
172. Радхакришнан, С. Индийская философия. М.: Академический проект. Альма Матер, 2008. 1008 с.

173. Райл, Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
174. Рассел, Б. Словарь разума, материи и морали [Электронный ресурс] URL: <http://www.harc.ru/rassel/738.html> (дата обращения 17.10.2013).
175. Резник, Ю.М. Образы человека как основания для постижения его идентичности // Вопросы социальной теории. Том IV. Человек в поисках идентичности М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 7-17.
176. Резник, Ю.М. Многогранный образ человека: предпосылки построения конфигуративной модели // Вопросы социальной теории. Том IV. Человек в поисках идентичности М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 18-62.
177. Рикер, П. Человек как предмет философии// Вопросы философии. 1989. № 2. С. 41-50.
178. Рождественский, Д.С. Иллюзия и рождение реальности [Электронный ресурс] URL: <http://www.psihoterapevty.ru/publikazii/70-d-s-rozhdestvenskiy-illyuziya-i-rozhdenie-realnosti.html> (дата обращения 25.07.2013).
179. Романенко, Ю.М. О методах исследования воображения в современной философии // Философские и духовные проблемы науки и общества. СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. С. 35-38.
180. Руднев, В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
181. Руднев, В.П., Друк В.Я. От составителей // Возможные миры и виртуальные реальности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.net/books/vozmozhnye-miry-i-virtualnye-realnosti-read-140812-1.html> (дата обращения 06.12.2013).
182. Рыбальский, М.И. Иллюзии, галлюцинации, псевдогаллюцинации. М.: Медицина, 1989. 368 с.
183. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.

184. Свасьян, К.А. Проблема символа в современной философии (критика и анализ). М.: Академический Проект, Альма Матер, 2010. 240 с.
185. Сервера Эспиноза, А. Кто есть человек? Философская антропология // Это человек. М., 1995. С.75-101.
186. Сержантов, В.Ф. Природа человека и его судьба. СПб.: Петровская академия наук и искусств, 1994. 425 с.
187. Серл, Д. Разум мозга – компьютерная программа? [Электронный ресурс] URL: <http://www.mprak.su/pages/599> (дата обращения 07.02.2014).
188. Сийпола, Е.М. Установка в восприятии (Резюме) // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 342.
189. Симонов, П.В. Изучение процессов творчества и психический мутагенез // Творческий процесс и художественное восприятие. Л.: Наука, 1977. С. 62-65.
190. Соловьёв, В.С. Идея сверхчеловека // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 626-634.
191. Соловьев, В.С. Чтения о Богочеловечестве. // Чтения о богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из “Трех разговоров...”: Краткая повесть об Антихристе. СПб.: Худож. лит, 1994. С. 33-202.
192. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1977. С. 35-269.
193. Спирова, Э.М. Функции символа // Знание. Понимание. Умение. 2009. №2. С. 205-211.
194. Стивенсон, Л. Десять теорий о природе человека. М.: СЛОВО, 2004. 232 с.
195. Стреттон, Д.М. Перевернутый мир // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 567-570.
196. Суворов, О.В. Иллюзия // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 95.

197. Суворова, О.С. Телесность человека как основа его жизни и единства с природой. Биофилософия. М., 1997. 264 с.
198. Тарасенко В.В. Познание как фрактальное блуждание в мире // «Что значит знать?» Сборник научных статей. СПб.: Университетская книга, 1999. С. 24-31.
199. Таратута, Е.Е. Виртуальная реальность и магия: проекты прямой операциональности желания // Философия желания. Сборник статей. СПб.: изд-во СПбГУ, 2005. С.91-103.
200. Таратута, Е.Е. Философия виртуальной реальности. СПб., 2007. 147 с.
201. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. М.: Прогресс, 1965. 296 с.
202. Тимошин, Н.И. Субъективное и объективное в обществе. Самара: ФГОУ ВПО «СГАКИ», 2011. 179 с.
203. Толстых, В.И. Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М.: Наука, 1981. 352 с.
204. Торчинов, Е.А. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. СПб.: Азбука, 2007. 480 с.
205. Турухина, О. «Матрица» как философия. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 384 с.
206. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М.: Иностранная литература, 1960. 135-169 с.
207. Фейербах, Л. Сущность христианства // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1995. С. 5-321.
208. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
209. Ферстер, Х. О конструировании реальности // Цоколов, С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен, 2000. С. 164-184.
210. Финк, Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблемы человека в западной философии. М., 1988. С. 357-402.

211. Фихте И.Г. Основы общего наукоучения // Сочинения. Работы 1792-1801 гг. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. С. 275-473.
212. Флиер, А.Я. Культура, как виртуальная реальность // Обсерватория культуры. 2006. № 2. С. 22-27.
213. Флоренский, П.А. Наука как символическое описание // Сочинения в двух томах, Том 2. М.: Правда, 1990. С. 109-124.
214. Франк, С.Л. Реальность и человек. СПб: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1997. 440 с.
215. Франк, С.Л. Смысл жизни. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1976. 170 с.
216. Франкл, В. Человек в поисках смысла // Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 24-43.
217. Фреге, Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230-246.
218. Фрейд, З. Будущее одной иллюзии // Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: Фирма СТД, 2008. С. 135-190.
219. Фридмен, Дж., Комбс, Дж. Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы, как терапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 368 с.
220. Фромм, Э. Психоанализ и религия. М.: АСТ, 2010. 160 с.
221. Фромм, Э. Человек для самого себя. М.: АСТ, 2010. 352 с.
222. Хайдеггер, М. Бытие и Время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
223. Хайм, М. Метафизика виртуальной реальности // Возможные миры и виртуальные реальности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.net/books/vozmozhnye-miry-i-virtualnye-realnosti-read-140812-29.html> (дата обращения 16.11.2013).
224. Харитоновна, О.В. Небытие определяет сознание [Электронный ресурс] URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/kharitonova/tanatos5.html> (дата обращения 12.03.2014).

225. Харькина, А.Г. Воображение и идеология // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Выпуск №12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 249-255.
226. Хачатурян, В.М. Человек между мирами: трансперсональный опыт в измененных состояниях сознания // Вопросы социальной теории. Т.5. 2011. С. 82-102.
227. Хейзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
228. Хенгстенберг, Г.Э. К ревизии понятия человеческой природы // Это человек. М., 1995. С. 211-250.
229. Хорни, К. Новые пути в психоанализе. М.: Академ. проект, 2007. 240 с.
230. Хоружий, С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки. Вып. 8 Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002. С. 108-136.
231. Хренов, Н.А. Игровые проявления личности в переходные эпохи истории культуры // Общественные науки и современность. 2001. №2. С. 167-180.
232. Хренов, Н.А. Художественный опыт XX века в контексте смены культурных циклов // Общественные науки и современность. 1999. №2. С. 139-151.
233. Хуторной, С.Н. Киберпространство и реальный мир // Вестник МГОУ. Философские науки. 2011. №2. С. 67-71.
234. Хэмит, Ф. Виртуальная реальность // Возможные миры и виртуальные реальности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.net/books/vozmozhnye-miry-i-virtualnye-realnosti-read-140812-29.html> (дата обращения 09.09.2013).
235. Хьюбнер, К. Критика научного разума. М., 1994. 326 с.
236. Цимошка, Д.А. Эстетика иллюзий и призраков. // Vita Cogitans: Альманах молодых философов №6, СПб., 2008. С. 9-16
237. Шанкара. Вивека-Чудамани // Атма-Бодха; Вивека-Чудамани; Таттва-Бодха. М.: Центр оккультной лит-ры «Майя», 1992. С. 31-126.

238. Шанкара. Разъяснение изречения // Разъяснение изречения; Путь к совершенному самопознанию; Пятиричность. СПб.: Общество Рамакришны, 1993. С. 41-73.
239. Шанкара. Созерцание Брахмана // Семь трактатов. СПб.: О-во «Адити», О-во Рамакришны, 1999. С. 54-75.
240. Шапиро, И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 368 с.
241. Шелер, М. Положение человека в космосе // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994г. С. 129-165.
242. Шилков, Ю.М. Возможности и особенности фикционального дискурса // Онтология возможных миров (материалы научной конференции). СПб: Изд-во Санкт-петербургского университета, 2001. С. 153-169.
243. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. Минск: Харвест, 2011. 848 с.
244. Шохин, В.К. Стратификации реальности в онтологии адвайта-веданты. М.: ИФ РАН, 2004. 289 с.
245. Штирнер, М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с.
246. Шукшина, Л.В. Представления студентов о социальных иллюзиях // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 48-52.
247. Шукшина, Л.В. Человек в мире социальных иллюзий // Психология человека в современном мире. Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 85-91.
248. Шукшина, Л.В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: дисс. ... док. фил. наук. Саранск. 2010. 301 с.
249. Шульц, И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума»: Руководство для чтения. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 152 с.
250. Шульц, П. Философская антропология. Новосибирск: НГУ, 1996. 118 с.
251. Щюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

252. Элиаде, М. История веры и религиозных идей. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. 461 с.
253. Юм, Д. Исследование о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1995. 240 с.
254. Юм, Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения в 2-х томах. Т.1. М.: Мысль. 1965. 809 с.
255. Юнг, К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
256. Ялом, И. Вглядываясь в Солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2010. 352 с.
257. Braue, Donald A. Maya in Radhakrishnan's thought: Six meanings other than illusion. Delhi, Varanasi, Patna, Madras: Motilal Banarsidass, 1984. 184 p.
258. Burock, M. Falsehood: an analysis of illusion's singularity. [Электронный ресурс] URL: http://ia700307.us.archive.org/13/items/FalsehoodAnAnalysisOfIllusionsSingularity/Falsehood_r4.pdf (дата обращения 13.02.2014).
259. Castaneda, C. Six Explanatory Propositions: from the Eagle's Gift [Электронный ресурс] URL: <http://thetoltecpath.files.wordpress.com/2010/01/missingchapters.pdf> (дата обращения 25.08.2013).
260. Esquirol, E. Mental maladies. Treatise of Insanity. Philadelphia: Lea and Blanchard. 1845. 497 p.
261. Fine, A. Fictionalism // Midwest studies on philosophy. 1993. P. 1-18.
262. Keen, S. Castaneda Interview [Электронный ресурс] URL: <http://kve71.narod.ru/Storage/Castaneda/SamKeen.htm> (дата обращения 15.12.2013)
263. Marcia, J.E. Development and validation of Ego-identity status // Journal of personality and social psychology. №5. Vol. 3. 1966. P. 551-558.
264. Parish, E. Hallucinations and illusions. London: the Walter Scott publishing co., 1914. 390 p.
265. Vaihinger, H. The Philosophy of "As If". London: Routledge & Kegan Paul LTD. 368 p.
266. Wagman, M. Historical Dictionary of Quotations in Cognitive Science. London: Greenwood Press, 2000. 271 p.

Приложение А. Словарь терминов

Данное приложение указывает определения основных терминов, используемых в текущем диссертационном исследовании. Приведены как многозначные термины, нуждающиеся в прояснении используемого значения, так и авторские термины, выведенные в ходе самого исследования.

Иллюзия — феномен человеческого сознания, идеальный объект, формируемый внутренним миром человека путем смешения объективных и субъективных компонентов, бессознательно или сознательно принимаемый им за результат верного отражения действительности, вне зависимости от соответствия ей. При этом иллюзия образует некое идеальное пространство - субъективную реальность, которая детерминирует активность человек и определяет характер его проявлений в процессе жизнедеятельности.

Формы (проявления) иллюзии — конкретные явления, изучаемые разными отраслями знания, генетически восходящие к единой способности человека к созданию иллюзии. Формами иллюзии, например, являются иллюзии восприятия, ложные идеи, симулякры, идеологии, акты самообмана. В ходе исследования выявляется возможность отнесения к формам иллюзии и основных форм культуры.

Способность к созданию иллюзии — возможность человека выступать в роли субъекта особого отношения к иллюзии, в котором он создает, направляет, преобразовывает иллюзии в целях сохранения и развития человечества, культуры и общества, отдельных индивидов и групп.

Определение человека апофатическое — отрицательная характеристика человека, отрицающая возможность его определения и рационального объяснения. В скрытом виде апофатические определения содержат утверждение о бессущности человека.

Определение человека катафатическое — обнаружение человеческой сущности производимое в утвердительной форме путем сведения ее к одной

основополагающей характеристике или способности, из которой выводятся все остальные уникальные человеческие черты.

Стремление к абсолютности — проявление недостаточности человеческого существа, выраженное в стремлении индивида и общества к полноте бытия: к предельному познанию и контролю, экспансивному расширению антропосферы, богоподобию, находящее путь удовлетворения в создании множественных иллюзорных реальностей.

Мир — действительная или предполагаемая совокупность вещей одного порядка, существующих не независимо от человеческого сознания.

Реальность — «осмысленная часть мира», результат данности мира, его осуществленности в чувственности, рассудке и разуме. Реальность всегда вторична по отношению к миру или к другой реальности и зависима от познавательных способностей воспринимающего и мыслящего ее субъекта.

Виртуальная реальность — вторичная реальность, возникшая на основе мира или другой реальности, обладающая собственной системой пространства и времени и собственными законами, обособленная от других реальностей и существующая только в актуальной данности субъекту. В ходе исследования сближаются понятия виртуальная реальность и иллюзорная реальность.

Порождающая реальность — реальность, служащая основой бытия другой (виртуальной) реальности, предоставляющая последней ряд собственных элементов, либо содержащая носитель порожденной реальности.

Реальность явлений — результат первичного осмысления мира вещей-в-себе, совокупность феноменов, формируемых чувственностью и рассудком. В отличие от других видов, порождена не иной реальностью, но непосредственным взаимодействием познавательных способностей с вещами-в-себе.

Дополнительная реальность — образ мира, вторичный по отношению к реальности явлений, частично заимствующий пространственно-временную структуру порождающей реальности, возникающий в стремлении ее объяснения, но претендующий на ее замещение.

Обособленная реальность — порожденная реальность, не основанная на действительном мире, обладающая в полной мере собственной системой пространства и времени, связанная с порождающей реальностью только через объект, выступающий в качестве ее материального носителя.

Носитель реальности — объект, существующий в порождающей реальности, предоставляющий материальное основание для порожденной обособленной реальности и обеспечивающий возможность взаимодействия с ней.

Реальность неполной автономности — форма бытия большинства отдельных иллюзий, локальное искажение действительности, порожденная реальность, вписанная в порождающую.

Реальность полной автономности — комплексная всеобъемлющая иллюзорная реальность, не встроенная в структуру порождающей реальности.

Приложение Б.

Таблица «Характерные черты основных видов иллюзии».

ПО ЗАДЕЙСТВОВАННОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ:		
	Иллюзия восприятия	Иллюзия мышления
<i>Определение</i>	Искаженное отражение воспринимаемого предмета и его свойств.	Искаженное нечувственное представление о действительности.
<i>Примеры</i>	Значимые искажения ощущений, искаженные образы, сновидения, оптический и др. обман.	Симулякры, стереотипы, мифы, идеологии, самообман, личные значимые заблуждения
<i>Общие и частные признаки:</i>		
<i>Отличительные черты</i>	Сенсорность: действительная или кажущаяся связь с ощущениями.	Внечувственность: независимость от органов чувств.
	Образность: выраженность в чувственных образах. Искажению подвергаются внешние элементы образа.	Понятийность: выраженность в понятиях и суждениях. Искажению подвергается смысл.
<i>Правдоподобность</i>	Легче принимаются за истину, так как создают ощущаемую реальность, в которой сложно усомниться. Иллюзорные восприятия реже ставятся под сомнения, чем суждения.	Формирует представление о мире, догадку о нем, мнение, которое легко может быть разрушено другим мнением или чувственным опытом.
<i>Значимость, идеальность и субъективность</i>	Выражаемый этими признаками внутренний мыслительный элемент не очевиден. Легко спутать с простыми ошибками.	Очевидны связи с личностью, внутренним миром, мыслительная форма.
<i>Функции:</i>		

<i>Рекреационная и компенсаторная</i>	Эффективно реализуются за счет сенсорности и повышенной правдоподобности.	Иллюзии мышления недостаточно вплетены во внешнюю форму мира для выполнения этих функций.
<i>Манипулятивная</i>	Тяжело создаются и распространяются, поэтому играют малую роль в осуществлении контроля и манипуляции.	Оказывают сильное воздействие на людей, создаются и распространяются без лишних затрат.

ПО НЕОБХОДИМОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ:

	<i>Трансцендентальные иллюзии</i>	<i>Акцидентальные иллюзии</i>
<i>Определение</i>	Искаженное восприятие и мышление человека, с необходимостью присущие ему, не зависимо от индивидуального опыта.	Искаженное восприятие и мышление, присущее человеку случайным образом, появляющиеся в связи с определенными явлениями и событиями или обусловленные индивидуальными особенностями.
<i>Примеры</i>	«Идолы рода» Ф. Бэкона. Особенности человеческого восприятия: видение движения в смещающихся статичных картинках. Врожденные стремления, такие как тенденция к одушевлению неодушевленного. Также предположительная	Случайные не всеобщие иллюзорные явления: принятие одного объекта за другой, стереотипное представление об определенном народе или убежденность в честности лживого человека

	иллюзорность всей действительности.	
<i>Общие и частные признаки:</i>		
<i>Отличительные черты</i>	Всеобщность: одинаковым образом присущи всему человеческому роду.	Индивидуальность: даже коллективные иллюзии, если они акцидентальные, в сущности своей принадлежат каждому субъекту отдельно.
	Врожденность: присущи человеку от природы, появляются при рождении и влияют на него всю жизнь.	Приобретенность. Не является стабильным и безусловным признаком: эти иллюзии могут быть врожденны, но тогда обусловлены не природой а случайными событиями.
	Необходимость: включены в саму сущность человека и неотделимы от нее. Неизбежны и непреодолимы.	Случайность: дополнительные по отношению к сущности человека, могут быть преодолены.
<i>Правдоподобность</i>	Человек не может выйти за пределы себя и узнать о своих иллюзиях, но и другой ему не поможет, так как разделяет данную иллюзию. Человек сживается с иллюзией и не может ее различить.	Человеку легче дистанцироваться от своей иллюзии и осознать ее.
<i>Значимость и субъективность</i>	Субъективное преломление – результат, а не начальная	Больше связаны с субъективностью и

	точка. Иллюзии задаются равными общими причинами и после этого сталкиваются с субъективным.	обладают более явной значимостью для конкретных людей.
<i>Функции:</i>		
<i>Манипулятивная</i>	Сложно взять под контроль, по той же причине: невозможности дистанцироваться от них.	В основном манипулятивная функция реализуется в данном виде иллюзий.

ПО ТИПУ СУБЪЕКТА:		
	Индивидуальные иллюзии	Коллективные иллюзии
<i>Определение</i>	Искажение действительного, присущее одному единственному сознанию.	Искаженное восприятие и мышление, разделяемые целой группой лиц и имеющие общую причину.
<i>Примеры</i>	Личные заблуждения, результаты самообмана, искажения восприятия, причиной которых является индивидуальное развитие.	Иллюзии, возникшие двумя способами: либо из равных начальных условий, либо в случае распространения этой иллюзии, передачи ее от одних лиц другим.
<i>Общие и частные признаки:</i>		
<i>Отличительные черты</i>	Моносубъектность: индивидуальная иллюзия не имеет другой формы, кроме своего единственного субъективного воплощения.	Полисубъектность: преломляется во многих сознаниях и проявляется в разных формах, между которыми, тем не менее, остаются общие элементы.
<i>Субъективность</i>	Проистекает из внутреннего мира человека.	Становится субъективной, когда содержание перерабатывается в сознании человека.

<i>Правдоподобность</i>	Поддерживается в большей степени тесной связью с внутреннем миром конкретного лица.	Поддерживается в основном общественным мнением.
<i>Функции:</i>		
<i>Коммуникативная</i>	Не осуществляется, так как не применима для одного субъекта.	Осуществляется.
<i>Познавательная</i>	Познается один субъект.	Познается вся группа субъектов, объединенных общей иллюзией.
<i>Регулятивная, рекреационная, аксиологическая, защитная, ком-пенсаторная</i>	Данные функции слабо управляемы, так как такие иллюзии часто вовсе неизвестны тем, кто не является их субъектом.	Управляемы и поэтому оказываются подчиненными манипулятивной функции.
<i>Манипулятивная</i>	Данные иллюзии мало подвержены влиянию извне, манипулятивная функция обычно не реализуется.	Данные иллюзии открывают доступ к сознанию масс, легче берутся под контроль, их можно умышленно создавать, на чем строятся техники управления общественным сознанием.

ПО ИСТОЧНИКУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ:		
	<i>Естественные иллюзии</i>	<i>Искусственные иллюзии</i>
<i>Определение</i>	Иллюзии, создание которых не обусловлено сознательной деятельностью человека.	Иллюзии, умышленно создаваемые человеком, который при этом понимает, что создает иллюзию.

<i>Примеры</i>	Врожденные иллюзии, большинство иллюзий восприятия, почти все индивидуальные иллюзии и социальные иллюзии, не имеющие очевидного создателя.	Социальные иллюзии, созданные для манипуляции массами; иллюзии, применяемые в искусстве.
<i>Общие и частные признаки:</i>		
<i>Отличительные черты</i>	Не имеет автора, возникает в сознании субъекта, но не создается им. Неконтролируема и непредсказуема.	Авторство: искусственная иллюзия создается некоторым лицом для других, она правдоподобна для своего субъекта, но всегда есть те, кто понимают, что это иллюзия и знают о том, что кто-то в нее верит.
	Могут быть как коллективными, так и индивидуальными	Коллективные, или имеют потенциал для того, чтобы стать коллективными
<i>Правдоподобность</i>	Иллюзия становится правдоподобна по случайности. Для всех лиц, непосредственно имеющих к этой иллюзии отношение, она правдоподобна.	Автор, создавая иллюзию, умышленно придает ей правдоподобность. Но при этом сам остается тем, кто знает, что она не реальна.
<i>Функции:</i>		
<i>Защитная и компенсаторная</i>	Функции, связанные с внутренним миром человека лучше реализуются, так как они все свое содержание берут из сознания и	За исключением редких случаев совпадения субъекта и автора, автор не имеет доступа к внутреннему миру

	бессознательного конкретного субъекта, а значит, в точности соответствуют его нуждам.	субъекта, а значит будет испытывать трудности в создании иллюзии, выполняющей данные функции.
<i>Манипулятивна я</i>	Естественные иллюзии тяжело контролировать.	Манипуляция общественным мнением – наиболее частая область применения данного вида иллюзий.

ПО ХАРАКТЕРУ ВЛИЯНИЯ НА ЧЕЛОВЕКА, КУЛЬТУРУ И ОБЩЕСТВО:		
	Конструктивные иллюзии	Деструктивные иллюзии
<i>Определение</i>	Иллюзии, оказывающие положительное влияние на человека, культуру и общество.	Иллюзии, оказывающие негативное влияние на человека, культуру и общество.
<i>Примеры</i>	Художественные иллюзии, иллюзии восприятия, на которых затем основываются определенные оптические технологии, социальные иллюзии, способствующие сплочению общества не в ущерб отдельным лицам.	Общественные стереотипы, заблуждения, ограничивающие познание, вера в извращенные этические нормы.
<i>Общие и частные признаки:</i>		
<i>Отличительные черты</i>	Способствуют сохранению и развитию человечества, культуры, общества, отдельных людей и групп.	Ведут к деградации, регрессу и уничтожению.
<i>Функции</i>		
<i>Все функции</i>	Любая функция может приносить как пользу, так и вред.	
	Оказывают полезное	Оказывают вредное

	влияние.	влияние.
--	----------	----------

ПО УРОВНЮ ОСОЗНАННОСТИ:		
	<i>Осознанные иллюзии</i>	<i>Неосознанные иллюзии</i>
<i>Определение</i>	Искаженное восприятие и мышление действительности, понимаемая своим субъектом как иллюзия, но сохраняющая свои функции.	Иллюзии, которые полностью расцениваются своим субъектом как реальность.
<i>Примеры</i>	Некоторые иллюзии восприятия: можно видеть в темноте объект, зная, что его там нет. Осознанные иллюзии мышления: сознательный отказ от реальности в пользу иллюзии	Большинство иллюзий неосознанны.
<i>Общие и частные признаки:</i>		
<i>Отличительные черты</i>	Понимание иллюзорной природы иллюзии ее субъектом.	Восприятие иллюзии как реального явления.
	Независимость существования иллюзии от ее осознания субъектом.	Иллюзия разрушается при осознании ее нереальности
<i>Правдоподобность</i>	Правдоподобность носит условный характер: субъект понимает, что это иллюзия, но рассматривает ее в качестве «как будто» реальной.	Содержание иллюзии считается безусловно реальным.
<i>Практикоориентированность</i>	Субъект может регулировать влияние своей иллюзии на свои действия, отличая реальное от иллюзорного.	Субъект в своих действиях руководствуется иллюзорным так же, как и реальным.

<i>Функции:</i>		
<i>Рекреационная и компенсаторная</i>	Наиболее важны для реализации этих функций: позволяют пользоваться ими сознательно.	Могут осуществляться, но только либо случайным образом, либо за счет внешнего воздействия.
<i>Манипулятивная</i>	Не пригодны для осуществления манипулятивной функции.	Осуществляют манипулятивную функцию.